PG 3321
.B73 T8

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

ЦАПЦАРАПКИНЪ,

ИЛИ

ИНТЕРЕСНАЯ ПУБЛИКАЦІЯ.

ОРИГИНАЛЬНАЯ КОМЕДІЯ

въ 5-ти дѣйствіяхъ.

Сочинена Поручикомъ Дм. Брайкевичемъ

ОДЕССА.

Печатано въ Городской Типографіи

1836.

Tsapfsarapkin

ЦАПЦАРАПКИНЪ,

ИЛИ

ИНТЕРЕСНАЯ ПУБЛИКАЦІЯ.

ОРИГИНАЛЬНАЯ КОМЕДІЯ

ВЪ 5-ТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Braikevich, Dmitrii

Сочинена Поручикомъ Дм. Брайкевичемъ.

ОДЕССА.

Печатано въ Городской Типографіи.

1836.

PG3321
B73T8

Печатать позволяется:

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра Одесса, Мая 2 го дня 1835 года.

Цензоръ Николай Курляндцевъ.

КОНСТАНТИНУ СЕРГѢЕВИЧУ

СТЕПАНОВУ.

Въ память искренней дружбы

посвящаетъ Авторъ.

104837
'07.

ЦАПЦАРАПКИНЪ,

или

ИНТЕРЕСНАЯ ПУБЛИКАЦІЯ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ДОРОФЕЙ ГАЛАКТІОНОВИЧЪ СТРОГОДУМОВЪ, богатый помѣщикъ.

СОФІЯ ДОРОФѢЕВНА, дочь его.

СИДОРЪ КАРПОВИЧЪ ЗДРАВОСУДОВЪ, другъ его.

ФЕКЛА СИДОРОВНА, дочь Здравосудова.

МАДАМЪ ПУАКРЪ, Гувернантка.

ЛИЦЕМѢРКИНА, старая вдова.

ЛЮБИМОВЪ, Уланскій Офицеръ.

ЦАПЦАРАПКИНЪ, отставной, горбатой Секретарь.

ЛЮДОМОРОВЪ, старой, храмой Лѣкарь.

СОБАЧНИКОВЪ, Драгунскій Капитанъ.

ШЕСТЕРКИНЪ } помѣщики.
РЕМИЗКИНЪ }

МОДНѢЙКИНЪ, вояжоръ.

ХВАТОВЪ, денщикъ Любимова.

ЛИЗА, горничная.

МАКСИМЪ, слуга.

Дѣйствіе происходитъ въ домѣ Строгодумова.

ДѢЙСТВІЕ I.

(Театръ представляетъ кабинетъ Строгодумова.)

ЯВЛЕНІЕ I.

Строгодумовъ и Здравосудовъ (*сидя за столикомъ, читаютъ книги*).

Строгодумовъ (*читаетъ въ слухъ:*)

» Бѣда быть авторомъ: и больно, и накладно!
Ахъ, вѣрьте — вѣрьте мнѣ! — что это
предосадно! «

(*Оставивъ книгу*) Вотъ чѣмъ оканчивается сіе прелюбопытное сочиненіе!

Здравосудовъ (*положивъ книгу*).

А какъ называется оно?

Строгодумовъ.

Диссертація о бракахъ, основанныхъ на однихъ карманныхъ расчетахъ, или говоря по просту: разсужденіе о приданомъ.

Здравосудовъ.

Разсужденіе о приданомъ! Это что-то новое,— и я удивляюсь, какъ можно осмѣлиться писать о семъ предметѣ?

Строгодумовъ.

Не только можно, но и давно должно бы каждому порядочному писателю вооружаться и дѣйствовать всѣми стрѣлами сатиръ, эпиграммъ и комедій противъ сей — неизвѣстной нашимъ предкамъ — заморской язвы.

Здравосудовъ.

Хотя бы и такъ, но скажите, Дорофей Галактіоновичь! къ чему послужитъ трудъ

сей? — Авторъ подобнаго творенія не только не успѣетъ въ своемъ предпріятіи, но едва даже удостоится быть читанымъ; да при томъ не встрѣтитъ ли онъ еще и разныхъ другихъ неудовольствій?...

Строгодумовъ.

Такъ, такъ! Правда колитъ глаза — говоритъ Русская пословица — и потому-то я соглашаюсь съ тобою, почтенной Сидоръ Карповичь! что найдется весьма мало охотниковъ читать и хвалить такое сочиненіе, что писатель тотъ не выручитъ даже за книгопечатаніе, что многіе будутъ бранить и охуждать его, что книги его послужатъ въ пользу только мышамъ и крысамъ, что, наконецъ, чувствуя со всѣхъ сторонъ и огорченія, и убытки, онъ по неволѣ воскликнетъ не разъ тоже самое, что я сей часъ прочелъ тебѣ:

» Бѣда быть авторомъ: и больно, и накладно!
Ахъ, вѣрьте — вѣрьте мнѣ! что это предосадно...«

Здравосудовъ.

О! все, все, что вы изволили сказать теперь, случится съ нимъ на-вѣрное.

Строгодумовъ.

Пусть такъ! Однако же, за всѣмъ тѣмъ, это не должно остановить его писать истину, такъ точно, какъ ревностнаго Миссіонера не останавливаетъ ни малое число обращенныхъ имъ, ни всѣ оскорбленія, причиняемыя ему язычниками.

Здравосудовъ.

Но позволитъ ли и самая Ценсура выпускать въ свѣтъ такія сочиненія?

Строгодумовъ.

А почему же и не такъ любезнѣйшій? — Благодаря нашему справедливому Правительству, не только о приданомъ, но и о самыхъ Предсѣдателяхъ, Судьяхъ, Исправникахъ, Секретаряхъ, ходатаяхъ и тому подобныхъ лицахъ, играющихъ въ свѣтѣ не маловажныя роли, и писано, и одобрено Ценсурою, и печатано уже весьма, весьма достаточно... Творенія Булгарина, или Черная женщина Греча, могутъ служить наилучшими въ томъ доказательствами. — *(Оглянувшись)* Но вотъ и наша черная женщина идетъ мѣшать намъ!.. *(встаютъ оба)*.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣже и мадамъ Пулкръ.

М. Пулкръ *(съ жаромъ)*.

Fi donc monsieur козаинъ и ви, и ви—друкъ его! — На што пакошъ, на што оспашалъ такой пофетенія? —Тле кой diable прихлазить на звой плахоротна тенщинъ, кохта не сналъ цѣнилъ ево? — Карошъ, карошъ томъ, карошъ козаинъ, — гофорилъ мне въ Сполиса; тле твой тамъ путетъ феселъ, тафольнъ, прекразна — кришалъ мой вса снакомой. — Э што, э што, э што тапериша? — Самъ шортъ мне прикасалъ ишолъ супа; самъ шортъ мой талъ така томъ, така козаива

и шака некошна ушеннсъ палована. Мой лопнулъ, мой шрезнулъ ушо шерпенія, и я пропалъ, пропалъ на зей прохляшъ шеревья...

Строгодумовъ.

Не льзя ли: не сердясь и небранясь, объяснить намъ хладнокровно.

М. Пуакръ.

Какой хлаткрофъ monsieur? Какой шеншинъ пушенъ молшалъ и не кришалъ? — Какой поштенна madame сакошъ прозшилъ шакой мешанска и непризшойна позшупка? —

Здравосудовъ.

Да въ чемъ же дѣло? — Мы не можемъ понять васъ.

М. Пуакръ.

Паналъ monsieur, паналъ не шрушна; — весь золъ ви замъ пришина: — шолофѣкъ расумна и шестна, а всехша мешайзь не въ звоя шела; уно наушилзъ, наушилзъ отъ звоя ротсфенникъ; а тошки, кохша отесъ шолкуй по звоему, тошки, тошки палофаны, асаплифа Софи, этотъ Софи незнозная, не кочь сналъ, не кочь слушай madame Pouacre, и шолка разказъ сенѣ: *(передразниваетъ)* шакъ папинка фелѣлъ, шакъ моя отесъ котѣлъ, шакъ укошна на пашушка, на мой лупезна, шрашайша пашушка. — Mon Dieu, mon Dieu! — На штошъ madame, — на шшо имелъ, шершалъ ево? — Прошу тошасъ отфѣшалъ мой.

Строгодумовъ.

Я васъ пригласилъ ко мнѣ для обученія дѣ-

ней Французскому и Нѣмецкому языкамъ и всѣмъ наукамъ, какія только вы сами знаете.

М. Пуакръ.

Très-bien monsieur! — Но замъ фашнъ наукъ, замъ фашнъ познань тле шеншинъ, незъ кашора всекъ demoiselle пушенъ всехша и змѣшна, и не карошъ, и нешаслифа; мой кашѣлъ, мой шелалъ шушефна фнушилъ тле ваша шонка и — штошъ, штошъ вышла са шрушъ моя? — Какой плахошарносшъ, какой заплашъ ошшпалъ меня? — О, c'est terrible — ушасна, ушасна, ушасна! — Мой нешъ шафолна хорлъ, штопъ исяснилъ шо . . .

Здравосудовъ.

Да что такое случилось? Ради Бога разшолкуйше намъ.

М. Пуакръ.

Non, non messieurs! — C'est impossible — не фозмошна? — Я не маку хофорилъ; — мой луше пришашилъ суша вашъ оба шошка, штопъ ви, ви замъ уфишѣлъ и лупофалса на ея фигюръ, на ея манеръ незнатонная. *(уходитъ)*

ЯВЛЕНІЕ III.

Строгодумовъ и Здравосудовъ.

Строгодумовъ.

Ну, что Сидоръ Карповичъ? — Какова наша мадамъ хваленая? — Не хотѣлось, не хотѣлось мнѣ больно принять ее въ домъ свой; но что же было дѣлать въ моемъ положеніи? Лишившись жены, мнѣ грустно было

разстаться и съ дочерью, которая оставалась единственнымъ для меня на землѣ утѣшеніемъ; я не могъ никакъ рѣшиться отдать ее въ Институтъ, или другое публичное заведеніе, — желалъ воспитывать ее въ глазахъ моихъ, и, по совѣту всѣхъ тетушекъ ея и дядюшекъ и мнимыхъ друзей моихъ, принужденъ былъ принять къ себѣ мадамъ, которая годъ отъ году надоѣдаетъ мнѣ болѣе и болѣе; — то есть: я принужденъ былъ тогда по неволѣ согласиться на модную глупость....

Здравосудовъ.

Да! Было время — время, обидное для насъ Русскихъ, когда считалось не только модою, но и первѣйшею необходимостію, во всякомъ благородномъ, а особливо богатомъ домѣ, имѣть Француза, или Француженку; — когда все образованіе и воспитаніе дѣтей нашихъ ввѣрялось безусловно однимъ чужеземнымъ наставникамъ.

Строгодумовъ.

И чтожъ мы пріобрѣли отъ сихъ заморскихъ учителей? — Что они внушали намъ отъ первыхъ дней самопонятія?

Здравосудовъ.

Ужъ вѣрно болѣе худаго, нежели добраго.

Строгодумовъ.

Скажи лучше: ничего хорошаго, и много — много негоднаго; а именно: презрѣніе и ненависть ко всему родному — Русскому, слѣпая, неограниченная привязанность ко всему ино-

странному, притворство и непрямодушіе во всѣхъ поступкахъ нашихъ, — вотъ что было и главною цѣлію, и плодомъ ихъ воспитанія!...

Здравосудовъ.

Но согласитесь, Дорофей Галактіоновичь, что нынѣ уже, благодаря попечительному Правительству нашему . . . .

Строгодумовъ.

Позволь-ка, любезной другъ мой! Ты хочешь сказать безъ сомнѣнія, что нынѣ истреблена уже причина зла сего: а потому и самое зло со временемъ уничтожится. Такъ, такъ Сидоръ Карповичь! — Но незабудь однако же, что всѣ наши обычаи, всѣ наши привычки мы заимствовали доселѣ отъ Французовъ и другихъ иностранцевъ безнравственныхъ; что они научили насъ разсуждать обо всѣхъ предметахъ, даже самыхъ священнѣйшихъ, не такъ, какъ думали о томъ наши православные праотцы; что они внушали намъ и правила и мнѣнія совершенно ложныя . . . .

Здравосудовъ.

Къ сожалѣнію, это бывало нѣкогда; но теперь мы обратились уже къ . . . .

Строгодумовъ.

Повѣрь, что и теперь еще есть многіе и многіе изъ нашихъ соотчичей, которые не отстаютъ отъ уроковъ и правилъ, имъ съ малолѣтства преподанныхъ и думаютъ о всемъ не по нашему. Напримѣръ: скажи мнѣ любезнѣйшій! если что пріятнѣе въ свѣтѣ, если что необходимѣе для нашего бла-

гополучія, какъ нелицемѣрная любовь и дружба? Но мало ли есть и нынѣ такихъ, кои, по милости своихъ заморскихъ наставниковъ, поддѣлываютъ и сіи чувствованія? Не встрѣчаемъ ли мы и нынѣ, на каждомъ почти шагу, друзей коварныхъ, любовниковъ, даже супруговъ, пылающихъ не огнемъ любви, а пламенемъ приданаго. Не одного ли приданаго ищутъ теперь въ женитьбѣ? Не замѣняетъ ли оно, по словамъ Французскихъ пишомцевъ, всѣ недостатки, даже пороки въ дѣвушкѣ? — Не на одномъ ли приданомъ основываются и нынѣ браки?

Здравосудовъ.

Да, бываетъ; однакожъ рѣдко!

Строгодумовъ.

Не рѣдко, но почти всегда, любезной мой! — Къ несчастію, я видѣлъ и вижу тысячу подобныхъ, — и сей то горестной опытъ заставилъ меня изобрѣсть извѣстное тебѣ средство къ тому, дабы спасти мою милую Софьюшку отъ бѣдъ, ей угрожающихъ, и дабы вмѣстѣ съ симъ и тебѣ доказать на дѣлѣ всю правость сужденій моихъ.

Здравосудовъ.

Признаюсь, это средство отличное и совершенно новое; но я не думаю, чтобы случилось такъ, какъ вы воображаете, и боюсь при томъ, чтобы дочь моя, которая и безъ того уже и своенравна, и вѣтрена, чрезъ вашу выдумку не сдѣлалась еще хуже.

Строгодумовъ.

Напротивъ: и ваша Фекла, и моя Софья должны получить чрезъ то урокъ полезнѣйшій...

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣже и Максимъ.

Максимъ.

Баринъ! какой-то господинъ ожидаетъ васъ въ залѣ; онъ говоритъ — баринъ — что имѣетъ нужное къ вамъ — баринъ — дѣло и что онъ называется отставной Секретарь — баринъ.

Строгодумовъ.

Не Цапцарапкинъ ли? —

Максимъ.

Такъ точно, баринъ! —

Здравосудовъ.

За чѣмъ бы онъ сюда пожаловалъ?

Максимъ.

Того не сказывалъ, баринъ!

Строгодумовъ.

Зови его въ кабинетъ!

Максимъ.

Слушаю, баринъ! — *(уходитъ)*

Здравосудовъ.

Этотъ Секретарь есть ни что иное, какъ олицетворенное зло, въ самой высочайшей степени, и я удивляюсь, какъ онъ осмѣлился прійти къ вамъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Строгодумовъ, Здравосудовъ и Цапцарапкинъ.

Цапцарапкинъ.

Высокоименитому Дорофею Галактіоновичу и высокопочтенному Сидору Карповичу я — всенижайшій рабъ ихъ — всенепремѣннымъ счелъ долгомъ возымѣть толикую дерзость, чтобы свидѣтельствовать лично мое всеусерднѣйшее и всеглубочайшее почтеніе *(дѣлаетъ низкіе, неловкіе поклоны).*

Строгодумовъ.

Благодарю васъ, г. Цапцарапкинъ! Но, бывъ увѣренъ, что вы, какъ человѣкъ дѣловой, трудолюбивой, не ѣздите никуда за тѣмъ только, чтобъ не быть дома, или говоря по модѣ: съ визитами, — я прошу васъ, безъ дальнихъ церемоній и околичностей, сказать мнѣ о томъ, что привело васъ въ мою деревню.

Здравосудовъ.

Вы можетъ быть слышали, что г. Строгодумовъ не любитъ ни въ чемъ притворства, и хочетъ, чтобъ съ нимъ всякой былъ откровененъ также.

Цапцарапкинъ.

О! что касается, вразсужденіи, де сказать, касательно всѣхъ достоинствъ души и сердца, и ума высокоблагороднѣйшаго Дорофея Галактіоновича, то не токмо, единственно въ нашей Столицѣ, но и во всемъ Государствѣ Русскомъ и даже внѣ предѣловъ онаго, сирѣчь: въ самой Европѣ . . . . .

Строгодумовъ.

Да оставте пустые комплименты и объясните скорѣе, какое у васъ ко мнѣ дѣло!

Цапцарапкинъ.

Съ позволенія вашего, въ одинъ моментъ, въ секунду вы все узнать соизволите. Я дерзнулъ пребыть сюда, то есть: въ вашъ домъ высокоуважаемый, не по собственной-де сказать — надобности, но дабы предложить вамъ мои всенижайшія и всепокорнѣйшія услуги, въ отношеніи, касаясь того казуснаго дѣльца, каковое вы начать соблаговолили и каковаго подобнаго, клянусь вамъ моею Секретарскою честію и совѣстію, въ продолженіи цѣлаго — де скать — сороколѣтія моей безпорочной и безкорыстной службы, отъ коей пріобрѣлъ и на спинѣ возвышенность, въ разныхъ высшихъ и низшихъ инстанціяхъ, не токмо читать и рѣшать, но даже и стороною, то есть: отъ другихъ дѣльцовъ и юристовъ слышать не случалося.

Строгодумовъ.

Что за вздоръ такой? — Я во всю жизнь мою никакого дѣла въ Судахъ не начиналъ и затѣвать не намѣренъ.

Здравосудовъ.

И мнѣ довольно странно и непонятно, откуда вы Г. Цапцарапкинъ . . . . .

Цапцарапкинъ *(вынувъ проворно изъ кармана газеты)*.

Вотъ письменный, неоспоримый документъ моего вышерѣченнаго доклада! Осмѣливаюсь просить васъ выслушать прежде одну пре-

интересную публикацію, каковая здѣсь, сирѣчь: въ вѣдомостяхъ сихъ, припечатана, — и тогда уже учинить резолюцію о правости, или виновости вашего слуги всепокорнаго.

Строгодумовъ *(садясь)*.

Извольте! — я готовъ слушать.

Здравосудовъ *(садясь)*.

И я также.

Цапцарапкинъ.

И такъ, съ позволенія вашего! — *(ставъ предъ ними съ униженнымъ подобострастнымъ видомъ и возвыся въ лѣвой рукѣ газеты, правою утирается, оправляется, надѣваетъ очки; кашляетъ, наконецъ читаетъ протяжно-охриплымъ голосомъ съ разстановками и поклонами:)* » Здѣшняго уѣзда помѣщикъ, Полковникъ Дорофей Галактіоновъ сынъ Строгодумовъ симъ объявляетъ, что онъ, по дружбѣ къ родственнику своему, отставному Ротмистру Сидору Карпову сыну Здравосудову, и по другимъ причинамъ довольно важнымъ, дѣлаетъ единственною наслѣдницею пяти тысячь душъ крестьянъ и всего прочаго, какъ недвижимаго, такъ и движимаго своего имѣнія, дочь его Здравосудова, дѣвицу Феклу; собственную же дочь свою, дѣвицу Софію, по извѣстнымъ ему одному резонамъ, лишаетъ всякаго наслѣдія и даже приданаго.« — *(Опустивъ руку)* Публикація такъ вразумительна, такъ умна, такъ ясна, аки свѣтило дневное *(снимаетъ очки)*.

Строгодумовъ.

Положимъ, что она понятнѣе вашихъ су-

дейскихъ докладовъ и резолюцій; но какая же вамъ до того нужда? — Какое отношеніе имѣетъ наслѣдство мое къ Г. Цапцарапкину?

Здравосудовъ.

Вѣрно дорогой Секретарь нашъ, по чувствительности своего нѣжнаго сердца, не могъ не быть тронутымъ; читая столь обидное для вашей дочери извѣщеніе; не могъ не сострадать, вмѣстѣ съ другими, о ея жалкой участи: и потому, по добротѣ души своей, поспѣшилъ сюда за тѣмъ, чтобы вступиться за право ея....

Цапцарапкинъ.

Такъ, всеконечно, неоспоримо! — Но однако же, подлинно, сказать правду, меня привело сюда еще кое-что ....

Строгодумовъ.

Да что же такое? — говорите смѣло!

Цапцарапкинъ.

О высокоумнѣйшій Дорофей Галактіоновичь! Когда всякій даже писецъ приказный разумѣетъ нынѣ, что въ подобныхъ вышерѣченному казусахъ, весьма недостаточно одного газетнаго объявленія, то кольми паче я — посѣдѣвшій-дескать-въ головоломной работѣ юридической — я не возмогъ ли смѣкнуть и размыслить, что дабы оное высокоблагоразумное намѣреньице ваше возымѣло законную силу и надлежащее исполненіе: то для сего надобно, необходимо нужно учинить какой ни на-есть крѣпостной актъ, сирѣчь: купчую, духовную, дарственную и прочая, — сивер-

дить оный въ Палатѣ Гражданской и соблюсти потомъ весь урядовой обрядъ, формалитетъ и порядокъ. А поелику для всего вышеизъясненнаго бываетъ всегда нуженъ и опытный въ дѣлахъ повѣренный: того ради, какъ скоро глаза мои узрѣли оную интересную публикацію, я почелъ себѣ всенепремѣнною обязанностію предложить вамъ немедленно мои услуги всенижайшія.

Строгодумовъ.

Ха, ха, ха! — Такъ вотъ чему я одолженъ вашимъ посѣщеніемъ! Ну, право я не могъ ни какъ и вообразить сего.

Здравосудовъ.

Намъ не приходило и въ голову, чтобъ вы такъ много о насъ заботились.

Цапцарапкинъ.

О господа высокопочтенные! — Какъ скоро узналъ я, что дѣльце касается особъ толико достойнѣйшихъ, то я, по безкорыстной моей къ вамъ преданности и нелицемѣрному уваженію, полетѣлъ съ быстротою молніи для написанія вамъ всего, что слѣдуетъ . . . .

Строгодумовъ.

Благодарю за усердіе, но оно излишнее въ семъ случаѣ.

Цапцарапкинъ.

Какъ, возможно ли? — Объяснитесь явственнѣе!

Здравосудовъ.

Хотя вы и быстро летѣли къ намъ, но опоздали уже, какъ мнѣ кажется. Быть можетъ нѣкто другой . . . . .

Цапцарапкинъ (*съ чувствомъ*).

Что слышу я? — О Боже праведный! — внемли прискорбному гласу сокрушенной души моей! — Нѣкто другой — говорятъ мнѣ. Не дай же восторжествовати надъ мною — окаяннымъ рабомъ твоимъ — какому нибудь Хваталову, Взяткину, Хабарникову, Безмозглову, или иному врагу моему, иному супостату корыстолюбивому! . . .

Строгодумовъ.

Успокойтесь г. Цапцарапкинъ! Никто изъ супостатовъ вашихъ не посѣщалъ меня; но признаюсь: и вы, и всѣ акты ваши, не нужны мнѣ. — (*Беретъ книгу.*)

Цапцарапкинъ (*съ удивленіемъ*).

Не постижимо, ей, ей, не удобопонятно сіе! — (*Подумавъ*) Но позвольте Сидоръ Карповичь! на пару словъ, безъ свидѣтелей. — (*Идетъ въ другой конецъ комнаты и за нимъ Здравосудовъ*). Я вижу теперь, что г. Полковникъ или по незнанію, или по недоброхотству къ вамъ и злоумышленію, не хочетъ дать дѣльцу сему хода законнаго; но вашъ собственный интересъ и польза всенепремѣнно того требуютъ.

Здравосудовъ.

Хотя бы и такъ, но чтоже можно сдѣлать безъ его согласія? —

Цапцарапкинъ (*тихо*).

Оно не нужно намъ. — Пятьсотъ рублей только впередъ вашему слугѣ всепокорному — и дѣльце кончено!

Здравосудовъ.

Охотно обѣщаю вамъ; но растолкуйте какимъ образомъ.

Цапцарапкинъ *(тихо)*.

Подобаетъ токмо составить на мое имя двѣ довѣренности, то есть: одну отъ покупателя, а другую отъ продавца имѣнія, — въ коихъ и просить совершить купчую.

Здравосудовъ.

Но — вѣдь — довѣренность продавца того должна быть имъ самимъ подписана.

Цапцарапкинъ.

О милостивецъ мой! — Чего не возможно для дѣльца опытнаго? — Я такъ искусился поддѣлывать чужіе почерки, что онъ и самъ не узналъ бы руки своей; при томъ же глубокое уваженіе къ нему членовъ Суда Уѣзднаго не позволитъ имъ настаивать, чтобы онъ представилъ вѣрующее лично; — а мы съ своей стороны . . . . вы понимаете?

Здравосудовъ.

О, безъ сомнѣнія! —

Цапцарапкинъ.

И потомъ еще токмо тысячу рублей мнѣ и другую на расходы, — и купчая совершена въ Палатѣ; въ крѣпостныхъ же дѣлахъ быть по крѣпостямъ, а не по розыску — гласитъ Уложеніе.

Здравосудовъ.

Безподобно, неподражаемо! — *(Возвращаясь къ Строгодумову.)* Угадайте, Дорофей Галак-

тіоновичь! — что предложилъ мнѣ нашъ усердный и безкорыстный повѣренный?

Строгодумовъ.

Ужъ вѣрно что нибудь чрезвычайное?

Здравосудовъ.

Да, да, чрезвычайное! — За двѣ тысячи пятисотъ рублей не болѣе, онъ продастъ мнѣ все ваше имѣніе, удалитъ васъ изъ онаго, введетъ меня во владѣніе, и все сіе безъ воли и согласія вашего; но за то самымъ законнымъ, формальнымъ порядкомъ.

Строгодумовъ *(вставая)*.

Ого! теперь я вѣрю, что онъ дѣлецъ отличной. Такъ мнѣ надо бояться и заблаговременно задобрить его, чтобы и въ самомъ дѣлѣ не вздумалъ онъ пустить меня съ сумою по міру.

Здравосудовъ.

Чего добраго! — Столь искусному юристу нѣтъ ничего невозможнаго.

Цапцарапкинъ *(въ сторону)*.

Вотъ человѣкъ пречудный! Вотъ что называется: самъ себѣ врагъ еси! — Тамъ, гдѣ подобаетъ секретничать и дѣйствовать съ благоразуміемъ, онъ — передѣя о собственномъ благѣ своемъ — болтаетъ и смѣется подобно школьнику. Но сіе не остановитъ меня: подумаю тотчасъ новый, вѣрнѣйшій способъ. — *(Раз ышляя, подходитъ къ дверямъ; въ это время вбѣгаетъ мадамъ Пуакръ и толкаетъ дверью прямо въ его лобъ, — онъ*

падаетъ и кричитъ во все горло:) Протестуюсь, протестуюсь! — и безчестіе — и увѣчье!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣже, М. Пулкръ, Фекла и Софія. — *(Обѣ дѣвушки въ сарафанихъ.)*

М. Пулкръ.

Parbleu! Шшо за палфанъ шака? — Какъ ны не мокъ змотрялъ, шшо мой ишолъ; — какъ пуштто не мокъ — не мокъ отфорилъ тле мне форота? — Э, monsieur козаннъ! За шѣмъ пузкалъ суша эта шушная сфолошь? —

Фекла.

Ужъ правда, что чудакъ по формѣ! *(къ Софіи)* Сестрица! замѣтьте какая шалія, какой костюмъ, какая прическа! — Ха, ха, ха! — c'est ridicule, — я боюсь умереть со смѣху.

Софія.

Но онъ ушибся — и мнѣ жаль его.

Цапцарапкинъ *(вставая).*

Прошу прислушаться! Къ нанесенному удару прямо въ чело сіе, къ причиненію — сирѣчь — тяжкой обиды дѣломъ, и даже кровавыхъ знаковъ, присоединено еще многократное, отъ трехъ лицъ, ругательство, а именно: балбесъ, болванъ, сволочь, чудакъ, смѣшной и жалкой.

Строгодумовъ *(къ Пуакръ).*

Вы очень не осторожны сударыня! — Для меня вовсе непріятны такія дерзости...

Здравосудовъ (*Фекле*).

А ты не подражай наставницѣ и не смѣй обижать людей своими замѣчаніями . . .

Фекла.

Pardon papa! Онъ такъ милъ, забавенъ, что я хохочу невольно. Ха, ха, ха!

Здравосудовъ (*ей*).

Ты слишкомъ забываешся. Я приказываю тебѣ тотчасъ же просить извиненія.

М. Пуакръ.

Какъ! мой ушенисъ прозилъ прошенія у такой фигюръ уротлифа! О, нетъ, нетъ! мой не позфоляй вамъ.

Строгодумовъ (*ей*).

Да вамъ и самимъ не худо бы . . . .

Цапцарапкинъ.

Всуе, всуе вы всѣ хлопочете; — сіе не поможетъ ни мало — смѣю доложить здѣсь: — не извиненіемъ; но чистыми, наличными, по рангу, званію и заслугамъ, мнѣ должно вознаградить сей часъ обиду мою. А буде — если сіе неугодно вамъ, то съ позволенія вашего — завтрешняго-жъ числа подамъ на нихъ три челобитныя, — а на васъ самихъ (*Здравосудову*) милостивецъ мой! еще другую, иную, подобную. —

Строгодумовъ.

Да на него-жъ за что? — скажите! —

Цапцарапкинъ.

Развѣ — будьто-бы неоклеветалъ онъ чести моей предъ вашимъ высокоблагородіемъ? Развѣ

будто бы забыли вы, какъ онъ поносилъ имя мое, укоряя въ злокозненномъ ухищреніи и сребролюбіи? — Развѣ токмо не угодно вамъ подтвердить сіе вашимъ свидѣтельствомъ!

Строгодумовъ.

Нѣтъ! я никакъ не могу быть свидѣтелемъ.

Цапцарапкинъ.

А чего ради — почему? — смѣю вопросить васъ.

Строгодумовъ.

Потому, что г. Здравосудовъ не клеветалъ на васъ напрасно.

Цапцарапкинъ.

Напрасно! Слѣдственно и вы, милостивѣйшій государь, за одно съ моимъ обидчикомъ; слѣдственно вы также считаете меня корыстолюбцемъ; слѣдственно-де-сказать подлинно — вы признаете меня столь низкимъ; слѣдственно . . . . .

М. Пулкръ.

Злѣтсфенна, злѣтсфенна! Пати луше фонъ халупшикъ!

Строгодумовъ (*ей*).

Не ваше дѣло.

М. Пулкръ.

А вашъ телъ пыла распорашалъ костюмъ на тефушка? — Нашелъ, нарашилъ сво на зарафана и на какой-та змѣшной пофязка. О, лупуйтезь, лупуйтезь, — вотъ она она прекразна, незнатонна, отлишна!

Софія.

Я не нахожу ничего худаго въ нарядѣ семъ, и по волѣ папиньки готова всегда носить его.

М. Пуакръ.

Ви, ви зутаринь! — молшалъ пы луше. — Ви не снай таше шелай книксъ и шнурофайзь, какъ шолшна. — Demoiselle Thecle пыла умней и пазлушнее; mais à présent и онъ, и онъ — о, Бокъ мой! — эта шестокъ, barbare, ушазна! — и онъ наташилъ, нашелъ эта Русска палатья. — Позлушай! или брозай ево тошасъ ше, или я не моку шафать leçon мой, — не моку, не моку пыть на томъ зей, и — прошай — adieu козаинъ!

Строгодумовъ.

Такъ вотъ что разсердило васъ! Мы ожидали чего нибудь по важнѣе.

М. Пуакръ.

Э, што мокъ пыть фашнее, какъ не кочь потрашалъ на наша прелезтна Паризка моша?

Фекла.

Oui, oui, madame!

Строгодумовъ (*къ дѣвицамъ*).

Ну, пожалуй переодѣньтесь, чтобы не довести мадамъ до отчаянія, или обморока.

Цапцарапкинъ.

И вы дерзаете поносить сарафанъ нашъ, и мѣняете его на ваши моды пустяковскія.

М. Пуакръ.

Мой не кочь полтай съ озла такой.

Цапцарапкинъ (*кричитъ*).

Протестуюсь, протестуюсь, протестуюся! — Обида новая, тяжкая, нестерпимая!

М. Пуакръ (*кричитъ*).

Jean — Pierre — Nicolas — Maxime! — Э, кто труха, — суша — прафорнѣе!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣже и Максимъ.

Максимъ.

Чего изволите баринъ?

М. Пуакръ.

Фазьми тотъ зумашетта (*указывая на Секретаря*) на рука, и тай ему талщокъ изъ тома!

Максимъ.

Слушаю бар... сударыня! — (*идетъ къ Цапцарапкину*)

Строгодумовъ.

Не слушай ее! — я приказываю.

Максимъ (*остановясь*).

Слушаю, баринъ!

М. Пуакръ.

Mais — тѣлай што я фелѣлъ тепѣ, или —

Максимъ.

Слушаю, баринъ — бариня! — (*идетъ*)

Здравосудовъ.

Не съ мѣста! — Слышишь ли? —

Максимъ.

Слушаю, баринъ! — *(останавливается)*

М. Пуакръ.

Mais — я козайка тутъ — мой наушилъ тепя, какъ злушай трукой, а не каспотъ твоя!

Фекла.

Исполняй, что велитъ тебѣ мадамъ!

Софія.

Исполняй приказаніе папиньки!

М. Пуакръ.

Талкай, талкай, талши ево!

Максимъ (*робко*).

Слу-слу-слу-шаю!

Строгодумовъ (*грозно*).

Да уймётесь ли вы — мадамъ нахальная? Или вы хотите чтобы я доказалъ, кто старше здѣсь, чтобы я при всѣхъ осрамилъ васъ?

М. Пуакръ (*струся и отходя въ сторону*).

О Русска paysan — крупьянъ — нефѣжа! — *(напѣваетъ)* Тра-ла-ла-ла!

Цапцарапкинъ (*Максиму*).

Какъ зовутъ тебя? —

Максимъ.

Максимъ, баринъ!

Цапцарапкинъ.

А отца твоего? —

Максимъ.

Тарасъ, баринъ!

Цапцарапкинъ.

А прозываютъ тебя? —

Максимъ.

Вся дворня прозвала меня Толкачь, баринъ!

Цапцарапкинъ.

Но по ревизіи? —

Максимъ.

Говорятъ — Глупоновъ, баринъ!

Цапцарапкинъ.

И такъ Максимъ Тарасовъ сынъ Глупоновъ, онъ же и Толкачь, ты видѣлъ явственно какое господа твои причинили мнѣ поношеніе и безславіе; — ты будешь — де сказать — присяжнынъ свидѣтелемъ. — (*Въ сторону*) Какъ бы другой еще! —

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣже и Хватовъ.

Хватовъ.

Кто здѣсь хозяинъ? — Осмѣливаюсь спросить васъ: у себя ли его высокоблагородіе, г. Полковникъ Строгодумовъ? —

Строгодумовъ.

Я. — Что тебѣ надобно? —

Хватовъ.

Прошу прощенія, ваше высокоблагородіе! что я вошелъ безъ спросу. Намъ служивымъ

нельзя ожидать въ прихожихъ: — когда командиръ прикажетъ не мѣшкать, то мы должны....

Фекла.

А кто командиръ твой? —

Хватовъ.

Его благородіе, г. Корнетъ Любимовъ.

Софія (*въ сторону*).

Любимовъ! Какая прелестная фамилія! —

Фекла.

Вѣрно такой же неучъ, какъ и посолъ его.

Цапцарапкинъ (*ей*).

Онъ адрессуется не къ вамъ, но къ хозяину дома сего: и потому-де вамъ не слѣдуетъ....

М. Пуакръ.

Ахъ ты прихазная шушала! —

Цапцарапкинъ (*Хватову*).

Прошу прислушать!

М. Пуакръ.

И ето така шушъ — палфанъ путетъ ушилъ назъ. —

Строгодумовъ (*ей*).

Эй — уймитесь! — прошу васъ.

Цапцарапкинъ.

Прекрасно, — довлѣетъ сего! — (*Хватову*) А котораго полка ты братецъ? —

Хватовъ.

Одесскаго уланскаго.

Цапцарапкинъ.

Имя твое?

Хватовъ.

Памфилъ Харламовъ Хватовъ.

Цапцарапкинъ.

Слѣдственно Одесскаго уланскаго полка рядовой Памфилъ Харламовъ сынъ Хватовъ будетъ вторымъ свидѣтелемъ; а двухъ завсегда предостаточно. — И того для — примѣромъ сказать будучи — хотя и не удалось мнѣ, что было въ помышленіи, вразсужденіи — касательно того приданаго; но поелику — понеже *(съ жаромъ)* и злонамѣренное въ лобъ удареніе, и ругательства несказанныя, и клеветы, и подозрѣнія самогнуснѣйшія, и дѣломъ и словомъ обиды претягчайшія, и отъ него г. Строгодумова, и отъ него г. Здравосудова, и отъ мадамы Пувакры, и отъ дочерей ихъ вышеименованныхъ, и на вся вышеписанная суть два доказателя самовидцы и самослышатели, — то по сему, въ отношеніи, мимоходомъ дѣльца, воскликнемъ съ радостію и сердца веселіемъ: виватъ, виватъ тебѣ, Борисъ Авдѣевичь! — Не даромъ скакалъ ты 50 верстъ безъ отдыха; не даромъ расточилъ дорогою пять грошей съ денежкою; все, все воротится тебѣ и съ лихвою, и съ процентами, и съ рекамбіо, и протори, и волокитами.

М. Пуакръ.

И съ палка, и съ тупинъ и пошошина.

Цапцарапкинъ *(продолжая)*.

Лишь токмо — такъ сказать примѣрно —

пять исковыхъ формальныхъ — не болѣе *(кланяясь)* — и вы государи милостивѣйшіе, и вы государыни прелюбезнѣйшія, и всѣ, и всѣ вы - де скать - узнаете — увѣдаете и возчувствуете сколь худо, сколь тяжко и для кармана преубыточно, поносить и чернить и честь, и славу, и совѣсть безкорыстнаго Секретаря Цапцарапкина! — *(бѣжитъ къ дверямъ)*.

Всѣ.

Ха, ха, ха! Счастливой путь Секретарь безкорыстной!

Строгодумовъ (*Максиму*).

Проводи его, но — слышъ — учтиво!

М. Пуакръ.

Злышъ въ толшка, въ толшка ево!

Максимъ.

Слу — слушаю, баринъ! *(уходитъ)*

Строгодумовъ (*Софіи*).

Поди Сонюшка вели, чтобы ни кто изъ людей не смѣлъ обижать его!

Софія.

Охотно, папинька!

ЯВЛЕНІЕ IX.

Строгодумовъ, Здравосудовъ, М. Пуакръ, Фекла и Хватовъ.

М. Пуакръ.

Ну, не прафъ ли мой, што онъ пезумна?

Фекла.

Его давно-бъ пора . . . .

Здравосудовъ.

Давно-бъ пора и тебѣ быть по смирнѣе и учтивѣе.

Хватовъ.

Позвольте, ваше высокоблагородіе, доложить вамъ . . . .

М. Пулкръ (*слу*).

Молшать! Отна пропалъ ушъ, шакъ трухой ено сакочь мѣшаль намъ. (*Здравосудову*) Не укотна-ль сналъ вамъ, за шѣмъ я пришолъ суша зъ ваша лупесна тошка?

Здравосудовъ.

Лучше-бъ вѣкъ не приходили ко мнѣ такія дерзскія.

Фекла.

Надѣюсь — рара — вы будете трактовать меня иначе, какъ скоро узнаете, что первѣйшія особы въ Столицѣ считаютъ себѣ за честь имѣть меня въ компаніи.

Строгодумовъ.

Весьма сомнительно.

Фекла.

Такъ вотъ вамъ доказательство! — (*подаетъ билетикъ.*)

Здравосудовъ.

Что это? — (*читаетъ:*) »Феклѣ Сидоровнѣ Здравосудовой, единственной наслѣдницѣ Строгодумова.«

Строгодумовъ.

Отъ кого же?

Здравосудовъ (*читаетъ*).

»Ея Сіятельство, Хавронья Филатьевна Промоталкина проситъ сдѣлать ей честь пожаловать къ ней въ будущее Воскресеніе на балъ и ужинъ.«

Фекла.

А что, не оправдалась ли я?

Строгодумовъ.

Нѣтъ, сударыня! Приглашеніе Г-жи Промоталкиной не есть порука ни чьихъ достоинствъ.

Хватовъ.

Да мнѣ нельзя ждать здѣсь: вѣдь его благородіе . . . .

М. Пулкръ (*ему*).

Покади, покади! — говорилъ твой! — (*Здравосудову*). Я кочъ опъяфилъ вашъ, што ми талъ слофъ ѣкать на палъ къ Графиня, и какъ ми зъ нимъ везма за-проста, то я порушилъ ей купить тле ваша тошка все пушное къ тому, тапы плистай на опшестфа, — c'est-à-dire: бурмиска шемшукъ зъ фермоара, бриляптофой пряшка, алмазна серошка и колса, діадемъ, корсинъ, иль мошна свѣта на холофа, и ешо, ешо, et cetera . . . .

Фекла.

Я увѣрена, что Ея Сіятельство, по своей ко мнѣ дружбѣ, искупитъ все найлучшее, въ послѣднемъ вкусѣ, и я прошу только васъ, рара, заплатить по ея счету.

Здравосудовъ.

Какъ-бы не такъ, — получите!

Фекла.

О! я надѣюсь, что вы, или monsieur Строгодумовъ, не пожалѣете для меня какой-нибудь тысячи, и за то вы будете имѣть удовольствіе слышать, что на прошедшемъ балѣ никто не былъ одѣтъ богаче и милѣе вашей дочери, — что никто не обратилъ на себя такого вниманія, никто не имѣлъ столько обожателей, столько побѣдъ, какъ ваша Фекла; — что par exemple: какъ луна темнитъ собой всѣ звѣзды, такъ точно потускли при ней и свѣтъ, и красота, и таланты всѣхъ моднѣйшихъ столичныхъ дѣвушекъ . . . Въ какомъ же вы будете тогда восторгѣ и восхищеніи? — Что вы скажете тогда, mon cher père! о demoiselle Феклѣ? Не согласитесь ли вы сами, что она умѣетъ поддерживать благородную кровь свою, что она доставляетъ собою и честь, и славу для вашей фамиліи, что она есть единственное утѣшеніе и радость вашей старости, что она одна — говорю — одна . . . .

Здравосудовъ (*съ чувствомъ*).

Есть рѣдкой образецъ высокомѣрнаго ничтожества, есть неисчерпаемый источникъ всѣхъ досадъ моихъ и горестей, есть горькая отрава спокойствія и счастія найлучшихъ дней моей жизни; — она одна, наконецъ, есть та дѣвица безстыдная, которая мучитъ меня поминутно новыми дурачествами, кото-

рая уже лишивъ меня всякаго терпѣнія, заставляетъ теперь же открыть ей....

Строгодумовъ.

Не горячись, другъ мой! дабы не проговориться и сберечь секретъ нашъ до условленнаго времени.

Хватовъ.

Ей, ей, ваше высокоблагородіе....

М. Пуакръ (*ему*).

Молшалъ, ни слофъ, ни слофа! — (*Здравосудову*) Я ошень ратъ, што ви аконшилъ ваша прокламассіонъ опитная и скашу тле васъ, monsieur, отъ серса, што кохта снатнѣйшъ осопъ на Москва пошиталъ вашъ тошъ туша тле опшестфъ: то и нетъ тле нево полша пуштъ на ваша мненія. — Но ми претлагай вамъ толка тать намъ сей шасъ тесять тысятъ рупли, тапы ми мокъ раскитайзь съ madame la Comtesse Промоталкинъ.

Здравосудовъ.

Да развѣ я позволялъ вамъ ѣхать на балъ ея и закупать все, что вы вздумаете?

Фекла.

Но я васъ прошу о томъ, рара! — и надѣюсь, что вы не захотите обижать меня отказомъ.

М. Пуакръ.

Плахоротнъ тевисъ на ваша лета нетъ пуштъ ни въ проспъ, ни въ пазфаленія: — онъ мошетъ всехта пыть тамъ, хтѣ замъ

сакочетъ! Mais — намъ неопкотимъ тесять тысяшъ рупли, — мой пофпоряй вамъ.

Фекла.

Papa! если вы сами не можете дать ихъ, то попросите о томъ monsieur Строгодумовъ, припомните, что онъ всегда умѣлъ цѣнить мои дарованія, что онъ предпочелъ меня даже своей Софьѣ, что не ее, а меня онъ сдѣлалъ наслѣдницею, что у меня довольно есть приданаго.

Строгодумовъ.

Вы правы, сударыня! но — вѣдь — наслѣдство получается по смерти того, кто опредѣляетъ оное, а приданое при замужствѣ: и потому, пока я живъ еще и вы не замужемъ, то я могу не дать вамъ ни того, ни другаго, да и ничего вовсе.

Здравосудовъ.

Я же прибавлю къ сему, что пока не будешь ты умнѣе и вѣжливѣе, то и съ моей стороны не видать тебѣ ни шеляга.

Фекла (*присѣдая*).

Pardon, papa! — я не думала вовсе огорчать васъ.

М. Пуакръ.

Hé bien messieurs! — Ви сакотелъ пухай ево, какъ турошка; ви кочъ саферяй ево, што котя на везь Москва, въ сѣла Россія и ташъ са краниса везь лютъ шиталъ и снаетъ, што онъ естъ покатейшъ нефѣзта, но са всемъ тово, пока умротъ каспота сіи, онъ толшенъ змотрѣлъ всехта на рукъ ихъ,

што на звоя ше тенга и на всекъ bagatelle — пестѣлка, онъ опясанъ всехта ошиталъ и прозилъ плахослофенья вашее. Mais — пазволте шъ толожилъ вашъ . . . .

Хватовъ.

Позвольте доложить вамъ, что быть можетъ до сихъ поръ его благородіе . . . .

Пуакръ (*ему*).

A tous les diables зъ твоя плакоротіа! — Какъ ты змелъ перепить рѣшъ моя? Какъ ты озмелилъ мѣшайзь въ разкофоръ наша? — Какъ ты, не котна солташъ, мокъ пыть столъ шерзка? — (*отъ сильнаго движенія роняетъ съ шеи платочекъ*).

Хватовъ (*поднимая проворно оный*).

Теперь бранитесь, сколько угодно! а я не ворочу платочка, пока не дадите мнѣ сказать за чѣмъ я посланъ; или же отнесу оный къ его благородію, дабы онъ повѣрилъ, что не моя причина въ мѣшканьи...

Строгодумовъ (*ему*).

Молодецъ братъ! Однакожъ отдай тотчасъ платокъ! а какъ этой сударыни мы не переслушаемъ и до завтраго, то ступай за мной въ другую комнату и тамъ объяснишь мнѣ, что приказано.

Хватовъ.

Слушаю, ваше высокоблагородіе! — (*отдавая платочекъ*) Adieu madame сердитая! — (*идетъ за Строгодумовымъ.*)

Пулкръ.

А, а! Такъ твоя сатумалъ ешо шутилъ нашъ мадама. Карошъ, карошъ! Твой путетъ сналъ, какъ пошитай ево: я профошу тепя изъ томъ, изъ тфоръ, изъ самъ слопотъ на палка! *(уходитъ).*

Фекла.

Да! не худо-бы отпотчивать его за то, что не далъ окончить намъ столь интереснаго дѣла....

Здравосудовъ.

Нѣтъ болѣе силъ моихъ, терпѣнія! — Уйду за ними, чтобъ не измѣнить не вольно данному честному слову. *(уходитъ)*

Фекла *(сама съ собою).*

Que signifie cela данное слово? — О какомъ секретѣ намѣкалъ старикъ нашъ? — Ужъ не противъ меня ли они что затѣяли? — *(подумавъ)* Но хотя бы и такъ, то не удастся, не удастся: я сыграю скорѣе вамъ шутку лучшую... *(слышенъ шумъ за кулисами)* Что я слышу? — О страхъ, о ужасъ! — какой-то сумасшедшій летитъ сюда прямешенько.... *(убѣгаетъ).*

ЯВЛЕНІЕ X.

Цапцарапкинъ одинъ.

Цапцарапкинъ *(вбѣгая съ отчаяніемъ).*

Ай, ай, ай! Караулъ, разбой, грабительство! — Терзаютъ, рѣжутъ, грызутъ меня! Караулъ, караулъ, смертоубійство! — Караулъ, протестуюсь, протестуюсь, протестуюся! —

Эй, эй, ой, ой, ай, ай, охъ, охъ! — Караулъ, пожаръ, бѣда, погибель! Эхъ, гвалтъ, гвалтъ, караулъ! — Сюда, скорѣе господа, хозяева, слуги, служанки! — *(остановясь)* Никто нейдетъ — хоть трѣсни, хоть лопни горшань отъ крику. Но мнѣ всенепремѣнно надобно заявить обиду мою и найти тотчасъ свидѣтелей. Пойду-жъ искать ихъ по всѣмъ жильямъ и строеніямъ!.... *(убѣгая въ противуположныя двери)* Караулъ, караулъ, караулъ! —

КОНЕЦЪ I-го ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ II.

(Театръ представляетъ богатоубранную гостинную со многими дверьми.)

ЯВЛЕНІЕ I.

Софія и Лиза.

Софія (*играя на фортепіано, поетъ:*)

Съ того часа, какъ образъ милой
Предсталъ внезапно предо мной, —
Какъ-бы волшебной — чудной силой
Отнялъ души моей покой!

(*Вставая*) Такъ! — съ сей роковой минуты все измѣнилось въ глазахъ моихъ: ни музыка, ни чтеніе, ни другія любимыя мною занятія, не могутъ уже доставлять мнѣ ни малѣйшаго удовольствія и даже не привлекаютъ моего вниманія . . . Одинъ лишь прелестной образъ незнакомца, какъ нѣкій духъ . . . .

Лиза.

Позвольте прервать ваши размышленія и сообщить вамъ, сударыня, весьма пріятную новость.

Софія (*испугавшись*).

Какъ, Лиза! — ты здѣсь? — ты все слышала? — Ахъ, какъ я неосторожна! . . .

Лиза.

Не бойтесь, сударыня! — Ваша тайна давно уже извѣстна мнѣ; но я ни какая-нибудь болтушка.

Софія.

Что говоришь ты? — и какимъ образомъ могла . . . .

Лиза.

Да такъ, кое-какъ! — Вѣдь не даромъ же училась я у иностранныхъ модницъ: онѣ хоть кого сдѣлаютъ расторопнымъ и догадливымъ въ дѣлахъ сердечныхъ . . . .

Софія.

Лиза! ты заставляешь краснѣть меня.

Лиза.

Не краснѣйте! — прошу васъ, — и спросите лучше, не обрадую ли я васъ какою новинкою? . .

Софія.

О! было время — время счастливое, невозвратное, когда все веселило меня и радовало; но теперь напротивъ . . . .

Лиза.

А если бы и теперь, напримѣръ: тотъ самой брюнетъ — незнакомецъ явился нечаянно въ домъ вашъ, что бы вы сказали тогда сударыня? — Ась?

Софія.

Это не возможно, и потому . . . .

Лиза.

И потому онъ здѣсь уже!

Софія.

Перестань болтать плутовка! — За чѣмъ разтравляешь ты грусть мою? за чѣмъ сулишь мнѣ надежды, кои никогда несбудутся?

Лиза.

Почему же такъ, сударыня?

Софія.

Онъ не знаетъ даже кто я, откуда и — можетъ статься — онъ не примѣтилъ во все...

Лиза.

Можетъ статься онъ проѣзжалъ чрезъ нашу деревню, его побили лошади, вашъ доброй отецъ поспѣшилъ подать ему помощь, и — можетъ статься — повторяю — онъ идетъ уже къ вамъ сударыня!

Софія.

Жестокая! оставь меня — не лги болѣе!

Лиза.

Я лгу; но не угодноль посмотрѣть въ окно: кто тамъ?

Софія *(взглянувъ въ окно)*.

О Боже! — Такъ точно! — Какое разительное сходство! — Но нѣтъ: это мечта, это игра воображенія, это... Ахъ! — я не могу понять, что со мною дѣлается?

Лиза.

Успокойтесь, успокойтесь! все будетъ къ лучшему.

Софія.

А если и въ правду онъ самой?

Лиза.

Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше! — говорю вамъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣже, Любимовъ и Хватовъ.

Любимовъ (*входитъ проворно; но увидя Софію, останавливается въ изумленіи, и потомъ въ сторону:*).

О рокъ! Возможно ли?

Софія (*въ сторону*).

Увы! — Творецъ! — Могуль я?...

Хватовъ (*Любимову*).

А! - вѣрно та самая? — Ну, слава Богу! — не будемъ больше искать ее по всему православному царству Русскому. Не робѣйтежъ, ваше благородіе! Впередъ — ура! — и она наша!

Лиза (*Софіи*).

Прекрасно! Не станемъ уже горевать и вздыхать по цѣлымъ ночамъ. Ну, что жъ испугались вы? Будьте смѣлѣе!

Любимовъ (*подходя къ Софіи*).

Простите, сударыня, невольному изумленію! Я не смѣлъ даже вообразить себѣ такого счастія. Я не могъ никакъ надѣяться, чтобы предметъ мною обожаемый, коего ищу уже полгода, коему поклялся посвятить всю жизнь мою, — былъ отъ меня такъ близко въ сію минуту! (*цѣлуетъ руку*)

Хватовъ (*въ сторону*).

Вотъ это по-улански, браво!

Софія.

И я не ожидала имѣть удовольствія васъ видѣть — и признаюсь такая нечаянность... (*въ сторону*) Ахъ! что сказать ему?

Лиза.

О! такъ видно вы давно уже знакомы между собою; а я — простушка и повѣрила было, что вы въ самомъ дѣлѣ влюблены въ неизвѣстнаго.

Любимовъ.

Что слышу? — Влюблены въ неизвѣстнаго! Ктожъ сей счастливецъ? кто сей благополучнѣйшій изъ смертныхъ? кто тронулъ, плѣнилъ ваше нѣжное сердце? — Еслибъ я зналъ его, еслибъ мнѣ позволено было вообразить себя на его мѣстѣ!... Но нѣтъ: быть можетъ мнѣ остается только — любить, страдать и до конца дней моихъ завидовать блаженной долѣ другаго!...

Софія.

Никто другой; но вы....

Любимовъ.

Но я, — чтожъ я? — Окончите! — молю васъ!

Софія.

Ахъ! — не могу, не могу, — нѣтъ силъ моихъ!

Лиза (*Хватову*).

Теперь, когда доходитъ уже до изъясненій нешуточныхъ, мы будемъ здѣсь лишніе, служивой! а потому пойдемъ ко мнѣ и тамъ поговоримъ что нибудь и для насъ пріятное!...

Хватовъ (*ей*).

Съ большой охотой, моя красоточка!

(*Уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

Любимовъ, Софія и Цапцарапкинъ.

Любимовъ.

И такъ: вы рѣшились терзать меня мучительнѣйшими сомнѣніями? . . . Жестокая! — я заклинаю васъ священнымъ именемъ любви и всего, что вамъ драгоцѣнно, — не медлите болѣе, свершите приговоръ моей жизни!

Цапцарапкинъ *(остановясь у дверей, самъ съ собою).*

Гмъ, гмъ! Тутъ подписуютъ и приговоры: подобаетъ же выслушать оные.

Софія.

Чего вы отъ меня требуете? — Опомнитесь! — Возможно ли такъ скоро? — Я почти не знаю васъ; да вы и сами едва ли видѣли меня болѣе одного раза.

Любимовъ.

Такъ! одинъ разъ только я имѣлъ сіе счастіе, но съ перваго взгляда вашъ милый образъ, напечатлѣнный самыми пламенными чертами на моемъ сердцѣ, былъ всюду неразлученъ со мною; съ тѣхъ поръ въ цѣлой природѣ я видѣлъ, слышалъ и чувствовалъ одинъ лишь предметъ обожаемый; имъ однимъ только жилъ и дышалъ я, и одна надежда — сыскать его и ему понравиться — согрѣвала донынѣ всю кровь въ моихъ жилахъ. Ахъ, милая — прелестная — дражайшая! — Съ той самой минуты, съ перваго взора, я люблю тебя, обожаю и буду боготворить до послѣднихъ дней моей жизни! И если сердце

твое еще свободно, если сердце сіе можетъ отвѣтствовать любви моей: то я упадаю къ ногамъ твоимъ *(бросясь на колѣна)*, прошу, умоляю окончить мои страданія и пусть рука твоя . . . .

Цапцарапкинъ *(подбѣжавъ къ Любимову)*.

Позвольте, милостивецъ мой!

Софія.

О стыдъ! — насъ подслушали *(отходитъ въ сторону)*.

Любимовъ *(вскочивъ)*.

Что вамъ угодно, государь мой? — и какъ вы осмѣлились? . . .

Цапцарапкинъ.

Не горячитесь, почтеннѣйшій! — По чистосердечной моей къ вамъ преданности, я хочу предостеречь васъ и сказать, что вы ошибаетесь самымъ ужаснымъ образомъ . . *(тихо)* Вы вѣрно думали, что это Фекла; узнайте жъ! — это не она, а та самая Софія, коя лишена приданаго.

Любимовъ.

Софія! Софія! — Какое божественное имя!

Цапцарапкинъ.

Повторяю вамъ: Софія Строгодумова, коя лишена всякаго наслѣдія и приданаго.

Софія.

Онъ правъ: — одно имя мое можетъ охладить ваши чувствованія.

Любимовъ.

Нѣтъ! это еще болѣе усилитъ оныя. — Ахъ, Софія! милая Софія! еслибъ ты

могла понять тотъ огнь, тотъ пламень, который пожираетъ всю мою внутренность; еслибъ ты могла почувствовать любовь подобную: то ты не обижала бы меня столь обидными замѣчаніями....

Цапцарапкинъ.

Да развѣ вы не читаете газетъ, милостивецъ мой?

Любимовъ.

Несносной! Кто вамъ далъ право мѣшаться въ дѣла мои? и кто вы таковъ, сударь? —

Цапцарапкинъ (*кланяясь*).

Я отставной Секретарь Борисъ Авдѣевъ сынъ Цапцарапкинъ — рекомендую себя, и прошу всепокорнѣйше любить и жаловать.

Любимовъ.

Ну, теперь не удивляюсь я, отъ чего вы суетесь туда, гдѣ васъ не просятъ!

Цапцарапкинъ.

Привычка, милостивый государь! — привычка — служить людямъ добрымъ и быть ежечасно, по мѣрѣ силъ моихъ и возможности, для нихъ полезнымъ — заставляетъ считать дѣла чужія моими собственными: и потому-то я дерзаю паки припомнить вамъ....

Софія.

Что я невѣста самая бѣдная; что я не имѣю ни гроша приданаго; что все наслѣдство отца моего предоставлено не мнѣ, но одной его родственницѣ; что я никогда не

жалѣла о томъ; что я дорожила только привязанностію отца, а не его имѣніемъ; что его воля всегда священна мнѣ; что съ той лишь секунды, когда судьба поразила меня незабвенною встрѣчею . . . я начинала бояться, мечтала не вольно, что бѣдность сія на вѣки удалитъ отъ меня предметъ для сердца милый, и что тогда только я буду ее чувствовать . . . . .

Любимовъ.

О, другъ души моей! — Ничто на свѣтѣ не можетъ удалить отъ тебя того, кто любитъ искренно. — Но кто же тотъ — для сердца твоего милый? — Какая встрѣча была незабвенною?

Софія.

Ахъ! — пощади скромность мою, — не спрашивай болѣе!..

Цапцарапкинъ.

Не уже-ли — такъ сказать, будучи — вамъ не возможно было уразумѣть явственно, что вся вышеписанная рѣчь ея, Софіи Дорофѣевны, наклонена суть къ вамъ, а ни къ кому другому, и что она любитъ васъ единственно?

Любимовъ (*Софіи*).

Правду-ль говоритъ онъ, жизнь моя?

Софія.

Онъ...онъ...онъ совершенно...онъ не ошибся . . . . .

Цапцарапкинъ.

Замѣтьте же, колико смѣтливъ я, и что отъ меня ничто не укроется!

Любимовъ.

И такъ я благополучнѣйшій въ мірѣ! — я бѣгу немедля къ отцу твоему, дабы онъ соединилъ насъ неразрывными узами брака! *(бѣжитъ)*

Цапцарапкинъ *(поймавъ его за руку)*.

Остановитесь, милостивый государь! и выслушайте прежде, что вамъ предложитъ вашъ слуга всеусерднѣйшій! — Да и вы, милостивая государыня, склоните ухо ваше къ моему сказанію! — обоюдная бо польза обѣихъ васъ того неукоснительно жаждетъ.

Любимовъ и Софія.

Извольте! — мы слушаемъ.

Цапцарапкинъ.

Слѣдственно вы узнать долженствуете, что вы другъ другу — де скать — нравитесь, и что вы намѣреваете вступить въ законное супружество.

Любимовъ.

Да, это мы и безъ васъ знаемъ! *(Софіи)* Не такъ-ли, другъ мой?

Цапцарапкинъ.

Всеконечно такъ, милостивецъ мой — подлинно! — Но не въ томъ дѣльце! — ибо поелику житіе брачное требуетъ — примѣрно — не одной токмо любви сердечной, а кольми паче еще хоть малую малость чего-ни-на есть питательнаго, въ особенности, егда случится весьма обычайный казусъ, сирѣчь: умножится семейство чадами; того-для ра-

ди подобаетъ вамъ заблаговременно о семъ позаботиться... И понеже отецъ вашъ не все именьице самъ нажилъ, то есть: понеже оное не суть благопріобрѣтенное, а дочь его — здѣ предстоящая Софія — понеже суть единородная ему и законная, и ни въ какихъ гласныхъ порокахъ не обличенная: — то не уже-ли — такъ сказать — я, бывъ опытнымъ юриспруденцомъ и вамъ — мои вселюбезнѣйшіе! — бывъ преданъ безъ лести, — не уже-ли я допущу до такого беззаконія, чтобы кто осмѣлился лишить права наслѣдственнаго ее, вышерѣченную Софію?

Любимовъ.

Да къ чему-жъ вы намъ это проповѣдуете?

Цапцарапкинъ.

Позвольте! — А потому естественно: лишь надлежитъ токмо составить сдѣлку въ таковой силѣ и важности, что хотя десятая часть того имущества и еще кое-что на расходы необходимые, будетъ вручено безспорно - за труды и старатіе, — то есть: мнѣ Цапцарапкину; — то я клянусь вамъ моею Секретарскою честію, что мы выиграемъ процессъ тотъ въ найскорѣйшемъ и самократчайшемъ времени.

Софія.

Какъ! — Вы хотите заставить меня судиться съ родпымъ отцемъ моимъ? — Не уже-ли мнѣ можно быть столь безразсудною?

Цапцарапкинъ.

А для чего же и не такъ? — коль дѣльце интересное.

Любимовъ.

Милостивый государь! едва достаетъ уже моего терпѣнія, чтобы не сказать вамъ прямо, что вы . . . .

Цапцарапкинъ.

Чтоже — что — что я?

Любимовъ.

Что вы не въ попадъ предложили услуги свои, что на свой аршинъ нельзя всѣхъ мѣрять — какъ говоритъ пословица, и что потому всего-бы лучше было, еслибы вы оставили насъ въ покоѣ.

Цапцарапкинъ *(въ сторону)*.

А, догадался! — А я думалъ-было поймать его въ словцахъ бранныхъ. Но не робѣй, Борисъ Авдѣевъ! - лишь соберися съ мыслями! . . .

Софія.

Вотъ Секретарь примѣрной!

Любимовъ.

Признаюсь, что и мнѣ не случалось отроду встрѣчать подобнаго . . .

Цапцарапкинъ *(подходя къ нимъ)*.

Что изволите сказывать? — Не на меня ли вы хулу и клевету сплетаете?

Любимовъ.

О, нѣтъ! Мы — хвалимъ васъ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣже и Собачниковъ.

Собачниковъ *(въ дверяхъ)*.

Смотри же хорошенько, чтобы они не вздумали дать еще новую угонку тому бирюку ручному! . . .

Цапцаранкинъ *(указывая на него пальцами)*.

Это онъ — онъ — онъ самой! — Имени, прозванія не знаю; но въ лице указать за всегда могу его . . .

Собачниковъ *(указывая также пальцами)*.

Такъ точно онъ — тотъ самой звѣрокъ домашній!

Цапцаранкинъ *(Любимову)*.

Прошу замѣтить! я, сирѣчь: чиновникъ заслуженный, по милости его — я звѣрь домашній.

Собачниковъ *(ему)*.

Прошу не мѣшать мнѣ! — *(подходя къ Софіи)* Уже съ давняго времени, возымѣвъ невольное къ вамъ почтеніе и душевную преданность, я почиталъ первѣйшею для себя обязанностію — доказать вамъ оныя, сударыня! И для того имѣю честь явиться нынѣ со всѣми моими завѣтными друзьями, неразлучными спутниками и неоцѣненными товарищами . . .

Софія.

Благодарю за честь; но позвольте узнать кто вы, и гдѣ-же друзья ваши?

Собачниковъ.

Я драгунскій Капитанъ Собачниковъ, выѣхалъ изъ Курска въ отъѣзжее поле для того нарочно, дабы имѣть счастіе отрекомендовать вамъ себя лично; товарищи же мои столь застѣнчивы, что не входятъ никогда далѣе прихожей безъ позволенія.

Софія (*Любимову*).

Потрудитесь пригласить ихъ!

Любимовъ (*Собачникову*).

Прикажете-ли ихъ ввести сюда?

Собачниковъ.

Почему-жъ и не такъ? — если то угодно милой хозяюшкѣ.

Цапцарапкинъ.

Ей, ей, право уже оскудѣлъ я въ терпѣніи! .. О какихъ друзьяхъ говоритъ онъ? — Кого онъ хочетъ позвать въ компанію? — О, срамъ и поношеніе! — Это собаки — глаголю всенародно — тѣ самыя собаки злостныя, коими сей господинъ пріѣзжій восхотѣлъ лишить меня жизни.

Любимовъ и Софія.

Какъ? — не можетъ быть!

Цапцарапкинъ.

Восхотѣлъ отнять жизнь мою — повторяю вамъ выразительно, дабы вы вслушались по надлежащему: ибо я поставляю васъ въ очевидные свидѣтели.

Софія.

Но я ничего не видала на то похожаго.

Любимовъ.

И я также; однако-же думаю, что случилось что-нибудь особенное.

Собачниковъ.

Ничего важнаго—увѣряю васъ!—Это происшествіе самое обыкновенное: — едва въѣзжалъ я въ дворъ сей, какъ мой Налётъ, у коего чутьё чертовское, и мой Зарѣзъ, котораго слухъ осьмое чудо, — запѣли и залились во все горло... Зная на-вѣрное, что столь рѣдкіе псы не лаютъ даромъ, я велѣлъ тотчасъ спустить ихъ и по привычкѣ моей крикнулъ: ату его! — Какая же вышла съ того потѣха чрезвычайная! — Еслибъ вы были зрителями, вы умерли-бы со смѣху. Вообразите! — Нѣчто, завернутое съ ногъ до головы въ волчью шубу и нагнувшееся головою до земли, не только спутникамъ моимъ, но и самому мнѣ представилось подъ-вечеръ бирюкомъ настоящимъ. Тутъ я повторилъ имъ: ату, ату, ату его! — и вдругъ Налётъ на шею, Зарѣзъ на спину, Турбанъ на ноги, Пострѣлъ за руки, Лихачъ за волосы — ну, такъ и распяли его на воздухѣ . . . Я соскочилъ съ лошади, выхватилъ охотничій ножикъ — и хотѣлъ-было уже ткнуть его, какъ вдругъ услышалъ, что волкъ мой кричитъ: караулъ, протестуюся! — Узнавъ ошибку свою, я усмирилъ немедленно борзыхъ и гончихъ, извинился предъ господиномъ симъ въ неумышленной шуткѣ и пошелъ отъ него далѣе. — Вотъ все, что было! — Не такъ-ли? — скажите сами! —

Цапцарапкинъ.

Съ подлиннымъ вѣрно — государь мой!

Собачниковъ.

За что-жъ вы сердитесь? — Какая вина моя?

Цапцарапкинъ.

О! тяжка есть вина сія; но еще тягчае будетъ мзда за оную. Понеже никакіе законы въ свѣтѣ не простятъ вамъ толикаго злодѣянія, чтобы — такъ сказать — животное благоразумное превратить въ скота безсмысленнаго, и потому травить его псами толико нещадно и жестоко. А поелику . . . .

Собачниковъ.

А поелику это было нечаянно: то я и отвѣчать не долженъ. Впрочемъ, дабы вы не имѣли на меня претензіи, въ знакъ примиренія и доброй памяти, я подарю вамъ за то свору отличныхъ сукъ, коихъ обѣщалъ повѣсить на первомъ деревѣ. Ну не довольно-ли для васъ этаго?

Любимовъ (*Софіи*).

Не станемъ, другъ мой! слушать ихъ долѣе и поспѣшимъ къ отцу просить благословенія!

Софія (*ему*).

Отъ всего сердца!—Пойдемъ немедля. (*идутъ*)

Цапцарапкинъ (*перебѣжавъ дорогу*).

Нѣтъ, милостивцы мои! Еще на одинъ лишь моментъ прошу присутствія вашего.

Любимовъ и Софія (*возвращаясь*).

Ну, что еще? Говорите-жъ проворнѣе!

Цапцарапкинъ.

Въ самомалѣйшей краткости и самовеличайшей точности я изложу вамъ всю эссенцію дѣльца.

Собачниковъ.

Оставьте лучше до завтра! — теперь не время. (*Софіи*) Сударыня! я сгараю желаніемъ откровенно изъяснить вамъ....

Цапцарапкинъ.

Ваша рѣчь впереди, — позвольте! — А поелику — такъ началъ я....

Собачниковъ.

А понеже — молчать, сударь мой! — (*Софіи*) Изъяснить вамъ, сударыня! тотъ пламень чувствъ моихъ....

Цапцарапкинъ.

А поелику, поелику, поелику — трекратно повторю вамъ!...

Собачниковъ.

Эй, не бѣси меня! или я задамъ тѣ новую травлю — еще лучше прежней! (*Софіи*) Пламень чувствъ моихъ, который, подобно пушному осеннему звѣрю, по первой бѣлой порошѣ....

Цапцарапкинъ.

И буде, если вы еще грозить дерзаете...

Любимовъ.

Смѣлѣй, смѣлѣй, г. Цапцарапкинъ!

Софія.

И — полноте!

Собачниковъ.

Не стану грозить, но въ самой вещи проучу тебя! *(кричитъ)* Налётъ, Пожаръ, Лихачъ, сюда, на-на!

Цапцарапкинъ *(струся, бѣжитъ къ Софіи)*.

Охъ, охъ! — пропалъ я, — защитите!

Собачниковъ *(громко)*.

Гавъ, гавъ, гавъ! — Апу, апу, апу его! — Въ повалку, въ кусочки, въ дребезги!

Цапцарапкинъ *(бѣгая по театру)*.

Ой, ой, ой! — Вторично кусаютъ, рвутъ, ѣдятъ меня, — не на животъ, на смерть... Ой, ой, ой, умру, умираю! — *(падаетъ въ обморокъ)*

Собачниковъ.

Хи, хи, хи! Вотъ тѣ разомъ и поелику, и понеже, и буде-если!

Софія.

Ахъ! — онъ ушибся, перепуганъ до смерти.

Любимовъ *(ей)*.

Не бойся, ангелъ мой! — *(Секретарю)* Да опомнитесь, очнитесь, встаньте! — Чего испугались вы? Вѣдь здѣсь не было и нѣтъ во все ни одной собаки. Посмотрите хорошенько во всѣ стороны, если не вѣрите мнѣ!

Цапцарапкинъ *(поднявъ голову, осматривается кругомъ и потомъ вскочивъ)*.

О собаки — варвары — мучители мои —

смертоубійцы! — До какой срамоты и безславія вы довели чиновника непорочнаго! Но не на васъ, не на васъ — твари безсловесныя! — я буду искать гдѣ слѣдуетъ. Нѣтъ! — не вы, но повелитель вашъ всему причиною. И хотя въ сильномъ испугѣ я не успѣлъ протестовать обиду сію; но понеже на то суть доказатели, да и самъ онъ обидчикъ сознался въ своемъ преступленіи; а поелику собственное признаніе, по силѣ процессовъ военносудныхъ, есть паче всякаго чужестороннаго свидѣтельства: то посему я желаю жить еще для того только, чтобы подать на васъ, государь мой! искъ уголовный; *(съ жаромъ)* чтобы засадить васъ въ тюрьму, въ преисподнюю; чтобы довести до сущей нищеты и наготы срамныя; чтобы лишить всѣхъ чиновъ и титула дворянскаго и чтобы отправить васъ наконецъ, а ки негоднаго и зловреднаго члена для общества, въ самую Камчатку, сударь мой! — въ вѣчную, мучительную, смертельную работу каторжную!!

Собачниковъ.

Постойте, постойте! — Не уже-ли мнѣ должно погибнуть чрезъ васъ на вѣки? — Не льзя-ли какъ-нибудь съ вами сдѣлаться, чтобы смягчить опредѣленіе?

Цапцарапкинъ (*продолжая*).

А вы, милостивый государь — офицеръ военный и вы, милостивая государыня — Софія Дорофѣевна!

Собачниковъ.

Какъ, это Софія! а не прелестная Фекла Сидоровна?

Софія.

Такъ, точно! Это я — бѣдная Софія, а богатая Фекла Сидоровна тамъ — въ другой комнатѣ.

Собачниковъ.

О, какъ-же я глупъ! — Какъ я ошибся! . . *(уходитъ)*

Цапцарапкинъ.

Приклоните слухъ вашъ ко вниманію!

Любимовъ.

Его не переслушать до свѣта.

Софія.

Уйдемъ, уйдемъ! — куда влечетъ насъ сердце страстное. *(убѣгаютъ)*

Цапцарапкинъ.

Возможно-ли? — Они ушли отъ меня: слѣдовательно . . . . *(оглянувшись)* Ба, ба! — двое совокупно — весьма кстати!

ЯВЛЕНІЕ V.

Цапцарапкинъ, Шестеркинъ и Ремизкинъ.

Шестеркинъ *(Ремизкину)*.

Смотри, братъ! — чтобы намъ не поставить съ-изнова одного изъ твоихъ праотцевъ . . . Мнѣ кажется, что мы не туда попали . . . .

Цапцарапкинъ.

Туда, туда, подлинно! — Да при томъ въ надлежащее время; а сверхъ того, де-скать, я очень доволенъ и радостенъ . . .

Ремизкинъ.

И такъ я началъ игру прекрасно! — (*къ Цапцарапкину*) Не вы-ли сюровой тузъ дома сего?

Шестеркинъ.

На что тутъ спрашивать? — Это такъ вѣрно, какъ на примѣръ: четвертая шестерка должна упасть на лѣво по первому обцугу.

Цапцарапкинъ.

Правдоподобно, несомнительно!

Шестеркинъ.

О! хотя фортуна мнѣ не повезла еще до такой степени, чтобы я могъ сдѣлать вамъ когда-либо хотя маленькой банчикъ; но я тотчасъ узналъ васъ по крапу.

Ремизкинъ.

Имѣю честь рекомендоваться, и, дабы не терять золотаго времени, начну немедля сдавать карты . . .

Цапцарапкинъ.

Не объ оныхъ предлежитъ рѣчь, милостивецъ мой!

Ремизкинъ.

Извините! — Я разумѣлъ подъ фразомъ тѣмъ, что я хочу сей часъ же изъяснить вамъ резонъ визита.

Шестеркинъ.

Да, не худо объявить, при самомъ началѣ таліи, причину нашего сюда транспорта. . .

Цапцарапкинъ.

Ей, ей! — не разумѣю языка піитическаго...

Ремизкинъ.

Но можно-ль играть... или — быть — говорить съ вами, какъ въ grande ouverte, то есть: открыто?

Цапцарапкинъ.

Откровенность и самопроизвольное признаніе завсегда почтены и уважены, въ силу законовъ.

Шестеркинъ.

А въ силу извѣстной публикаціи позволено-ли намъ пунктировать противъ столь знатнаго банка?

Ремизкинъ.

И кто изъ насъ можетъ надѣяться окончить туръ свой — выигрышемъ пяти тысячь призовъ?

Цапцарапкинъ.

Ради Создателя, прошу — колико можно вразумительно!

Ремизкинъ.

Вы видите предъ собою двухъ помѣщиковъ — Ремизкина и Шестеркина. Какъ бостонъ и фараонъ почти никогда не разлучаются, такъ и мы поклялись всегда быть нераздѣльными, и потому виступемъ другъ другу при всякой сдачѣ....

Шестеркинъ.

И сколь-бы ни была игра азартною, мы всегда за одно, въ moitié, какъ говорится: на вѣрняка — съ кумовьями, или съ своими людьми — на продажу.

Цапцарапкинъ (*въ сторону*).

Они сознались въ мошенничествѣ, — прекрасно! (*или*) Сирѣчь: де сказать — будучи — вы въ самомъ дѣлѣ одинъ другому кумъ и свойственникъ? Но въ чемъ же состоитъ сицевое дѣльце ваше?

Ремизкинъ.

Вы имѣете одну прелестнѣйшую фигуру, которая дороже для меня даже четырехъ онеровъ въ сюрахъ.

Шестеркинъ.

Рутёрка, загнутая на 15 кушей, потомъ на пе, и къ ней еще мазу пароль и транспортъ отъ цѣлой тысячи, не столько интересна, какъ та персона, которая имѣетъ честь быть наслѣдницей вашего банка . . . .

Цапцарапкинъ.

Банкъ игра запрещенная, — смѣю припомнить вамъ.

Ремизкинъ.

Нѣтъ нужды! Я хочу только играть въ mariage, или въ бостонъ en deux, съ той милой дамою.

Шестеркинъ.

И я желалъ-бы имѣть ее въ половинѣ всегда, при всякой аферѣ. — Но кому изъ двухъ

насъ вы дадите преферансъ и картъ колоду? Кто можетъ смѣло тасовать оную? То есть, скажу вамъ по-просту: кого изъ насъ вы удостоите вашимъ вниманіемъ и кого вамъ угодно принять въ долю?

Цапцарапкинъ.

Вы оба — милостивые государи! — для меня чрезмѣрно нужны въ настоящемъ казусѣ....

Ремизкинъ.

Какъ оба? — У васъ одна только фигура занимательная: и потому, хотя мы и дѣлимся всѣмъ безъ исключенія, но тутъ требуется лишь одного изъ насъ избрать въ семъ случаѣ.

Цапцарапкинъ.

Оба вмѣстѣ—повторяю вамъ - равно необходимы: понеже одного токмо — вельми не достаточно . . .

Шестеркинъ.

Удивительно!—Впрочемъ предупреждаю васъ, что другая ваша карточка хотя не безъ пріятностей, какъ увѣряютъ нѣкоторые; но она не можетъ составить намъ приличную партію: и потому не о двухъ, но объ одной только говорить должно, ибо мы бьемся оба съ одной и той - же.

Цапцарапкинъ.

А, а! теперь понятно И я охотно берусь помочь вамъ въ семъ дѣльцѣ, отчасти трудномъ, отчасти запутанномъ. Но на предъ сего прошу прислушаться къ моему предложенію.

Ремизкинъ и Шестеркинъ.

Охотно! — Что прикажите?

Цапцарапкинъ.

Вамъ извѣстно уже, что нѣкто Собачниковъ учинилъ посягательство на жизнь мою; что въ тотъ самой моментъ предостопамятный, когда вы имѣли входъ въ сію комнату, я протестовалъ громогласно о таковомъ злодѣяніи предъ офицеромъ военнымъ и его нарѣченною сожительницею; что я умолялъ ихъ, по силѣ законной, подать мнѣ противъ него — моего обидчика и совокупно съ тѣмъ преступника уголовнаго—довлѣемое вспоможеніе; *(нюхаетъ табакъ.)*

Шестеркинъ.

Нельзя-ли промѣтать по-скорѣе сію несносную талію?

Цапцарапкинъ *(продолжаетъ)*.

Что они вышеименованные, радѣя болѣе о своихъ полюбовныхъ интригахъ, нежели о непреложномъ долгѣ всякаго члена гражданскаго,—въ то самое время, какъ я—поруганный, увѣчный и растерзанный—почти умиралъ отъ язвъ, мнѣ содѣланныхъ, — безъ наималѣйшей жалости и сострадания, ушли отселѣ скоро и быстро, предавши меня безчеловѣчно и люто на произволъ моего жалкаго, злосчастнаго жребія... Вы зрѣли все сіе глазами собственными: и того-для за-подлинно я прошу и требую отъ васъ, государи милостивѣйшіе! быть на вся вышеписанная свидѣтелями явными, очевидными, неоспоримыми.

Ремизкинъ.

Я согласенъ идти въ вистъ, или аютовать вамъ во всемъ, что угодно; но только съ условіемъ: не лишишь меня столь желаннаго приза, столь обожаемой мною карточки...

Шестеркинъ.

Пять тысячь душъ приданаго и при нихъ мазу дѣвушка — заставятъ меня рискнуть на все, на все, лишь бы не лопнулъ загнутой уголъ!

Цапцарапкинъ.

О, господа благоразумные! позвольте обнять васъ ради сего усердія несказаннаго! — И такъ наше дѣльце въ шляпѣ!

Шестеркинъ и Ремизкинъ.

И наше также, не правда-ли? — *(обнимаютъ и цѣлуютъ Цапцарапкина)*

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣже и Фекла.

Фекла *(къ Цапцарапкину)*.

Est il possible! — Вы здѣсь еще и при томъ не одни уже, а съ своими чернильными товарищами? — Ха, ха, ха! — И вы задумали обниматься здѣсь, какъ-бы въ трактирѣ?

Шестеркинъ *(къ Ремизкину)*.

Вишъ, братъ! какъ срѣзали насъ въ сникахъ. Не должно-ль просить реваншу?

Ремизкинъ *(ему)*.

Безъ сомнѣнія! — *(Феклѣ)* Сударыня! — не

льзя-ли сквитаться съ нами? — Кто далъ вамъ право превращать почтенныхъ тузовъ въ негодныя фоски и бить ихъ безъ козырей, съ первѣйшаго хода?

Цапцарапкинъ.

Не изумляйтеся! — У вышерѣченныя Феклы Сидоровны за-всегда бываютъ привѣтствія преобидныя.

Фекла.

Эй, Секретарь! — Убирайтесь лучше, да берите отсель съ собою и всю вашу канцелярію....

Ремизкинъ (*въ сторону*).

Это она! — (*ей*) Прелестнѣйшая Фекла Сидоровна! я чувствую, что не съ той вышелъ; но всему причиною приказный сей, который, назвавшись здѣшнимъ хозяиномъ, подсѣлъ меня столь хитро, что я не могъ сыграть по правиламъ....

Шестеркинъ.

Да! — по милости его мы попали въ такой просакъ, что теперь и угадать нельзя: на какую загнуться вѣрнѣе, чтобы отыграться отъ нашей неосторожной выходки. Но, видя вашъ неазартной характеръ и добрую душу, я рискну надѣяться, что вы, сударыня! не только простите мнѣ ошибку невольную, но даже позволите пунктировать пропивъ столь драгоцѣннаго для меня сердца вашего.

Ремизкинъ.

А я увѣренъ, что вы, приказавъ стереть

мои ремизы, изволите начать со мною новый туръ съ веселымъ духомъ.

Фекла.

Но — кто вы, messieus? — откуда? — и что угодно вамъ?

Цапцарапкинъ.

Это люди благородные, честные, богатые владѣльцы; они желаютъ, то есть, законнаго брака съ вами, за чѣмъ единственно и пожаловали. *(къ Ремизкину)* Вы не забудете услугу сію? *(Шестеркину)* Одну лишь бѣлинькую за рекомендацію!

Фекла.

Мнѣ очень пріятно знакомство съ кавалерами образованными; но я не могу сказать теперь ничего рѣшительнаго. Я спѣшу приготовляться къ балу Графини Промоталкиной и желаю, чтобъ и вы, messieurs! были на ономъ, дабы я могла распознать лучше всѣ ваши таланты и тамъ же объявить вамъ мой выборъ.

Шестеркинъ.

О, если-бы сей выборъ упалъ на мою сторону, я обожалъ бы васъ не менѣе, какъ сію *(вынимаетъ изъ кармана карту)* незабвенную до гроба шестерку трефовую, которую поклялся носить всегда близъ сердца.

Ремизкинъ.

Бывъ избранъ вами, я значилъ-бы въ свѣтѣ не менѣе тринадцати въ сюрахъ: — и для того не промину быть на балѣ Ея Сія-

тельства, чтобы служить вамъ, какъ говорится: всѣми картами.

Фекла.

Много обяжете! Но — извѣстно-ль вамъ, monsieur! — что должно знать моему chevalier servent, чтобы могъ блеснуть въ собраніи?

Цапцарапкинъ.

Здравый умъ, разсудокъ, юридическія, политическія познанія...

Фекла

Не васъ спрашиваютъ: — такъ лучше-бы молчать, чѣмъ молоть такіе вздоры...

Ремизкинъ.

Мнѣ кажется для того необходимо говорить по-Французски и при томъ имѣть глубокое понятіе о вистѣ и другихъ играхъ модныхъ...

Фекла.

Такъ! это нужно; но еще гораздо важнѣе...

Шестеркинъ.

Танцовать Французскую кадриль и мазурку, не правда-ли?

Фекла

Oui, monssieur! — А вы ихъ танцуете?

Шестеркинъ.

Хоть сей часъ на выставку! — Къ услугамъ вашимъ!...

Ремизкинъ.

И я никогда не былъ бэтъ въ сихъ танцахъ; готовъ на пробу, если прикажете.

Фекла.

Да! не мѣшало бы намъ сдѣлать репетицію; жаль только, что нѣтъ четвертаго; развѣ поставимъ Секретаря хоть за статую.

Цапцарапкинъ.

Буде-если во мнѣ надобность, то я охотно, сударыня! — Но мое дѣло судейское, то есть примѣрно: не льзя-же даромъ!

Шестеркинъ *(давая ему деньги)*.

Вотъ вамъ синенькая, лишь помогайте!

Ремизкинъ *(ему же)*.

Отхватывайте-жъ молодецки: — вы въ выиграшѣ.

Фекла.

Ну, становитесь проворнѣе! — *(къ музыкѣ)* Мазурку!

Цапцарапкинъ.

Съ превеличайшею охотою; но я предупреждаю всю честную компанію, что не умѣю иначе, какъ по волчьему. *(Шестеркинъ беретъ Феклу, а Ремизкинъ Цапцарапкина; музыка играетъ мазурку, - и всѣ, кромѣ Феклы, танцуютъ шутовскимъ образомъ).*

Фекла *(разсердясь)*.

Tu dieu! — Возможно-ли быть столь неловкими? Не умѣютъ ступить, а сунутся въ chevalier servent и даже смѣютъ свататься! O ciel! — да я не встрѣчала подобныхъ въ жизни... Не знавъ ни одного па, ни одной фигуры, ни одной позиціи, вы не должны бы и думать, чтобы за васъ пошла хоть какая-

нибудь благородная дѣвушка. Вѣдь съ вами срамъ явиться въ общество! . . .

Цапцарапкинъ.

Но за исключеніемъ — кромѣ меня: понеже я танцовалъ преобстоятельно, чувствительно, со всеусердіемъ и точностію.

Фекла.

Хороши, хороши и вы сударь!

Шестеркинъ.

Вы мечете прежестоко и насъ убили хватски. Однако-же позвольте aureboirs на двухъ лишь картахъ . . . .

Фекла.

Оставьте лучше меня въ покоѣ!

Ремизкинъ.

А мнѣ . . . .

Фекла.

Туда - жъ дорога, — простите!

Цапцарапкинъ.

И вы дерзаете толико достойнѣйшихъ особъ . . . .

Фекла.

Да отвяжитесь же всѣ трое, — вотъ дверь вамъ!

Цапцарапкинъ.

Такъ! мы удалимся отъ законопреступнаго буянства и наглости; но тамъ, въ тишинѣ, на свободѣ, составимъ обдуманный проэктъ вашего конечнаго и самовѣрнѣйшаго низложенія! . . .

Ремизкинъ.

Мы заставимъ васъ, сударыня! наставить столько кадиль, колонъ и рефетовъ, что и въ жизнь не сыграть вамъ оныхъ!

Шестеркинъ.

О, трудно, трудно теперь сквитаться съ нами! . . .

Фекла (*кланяясь*).

Adieu, adieu, adieu, безъ оглядки! — (*подходя къ зеркалу*) Ахъ, что это что? — Какая странная фигура валитъ сюда!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Фекла и Лицемѣркина.

Лицемѣркина (*одѣтая бѣдно, съ чотками въ рукахъ, входя останавливается у дверей, крестится, и потомъ сложивъ руки на грудь и кланяясь смиренно:*)

Смѣю спросить тебя, моя милая!

Фекла (*гордо*).

Вамъ должно бы узнать прежде: къ кому пришли вы, съ кѣмъ говорите, и тогда уже: (*передразниваетъ*) смѣю спросить тебя, моя милая!

Лицемѣркина.

О, Господи! — Не допусти меня грѣшную упасть въ обманъ и искушеніе!

Фекла.

А! вѣрно изъ монастыря — за подаяніемъ? Поди же голубушка туда — къ старикамъ! — Они дадутъ тебѣ, что нужно; мнѣ-жъ нѣкогда болтать со всякою . . . .

Лицемѣркина.

Не будьте зѣло строптивы, но паче смиряйтеся, аки агнцы! — гласитъ писаніе. Еще не прогнѣвила я моего Господа до того, чтобы скиптаться по міру и просить милостыни; не удостоилась такожде быть схимницей и собирать на церковь Божію. — Нѣтъ! иной талантъ вручилъ мнѣ Господь Всемилосердный . . .

Фекла (*сердито*).

Долго-ль будешь терзать меня своею проповѣдью? — Скажи мнѣ прямо: кто ты такова, за чѣмъ здѣсь, кого тебѣ надобно; — или же убирайся далѣе!

Лицемѣркина.

Я все объясню вамъ въ короткихъ словахъ, лишь слушайте! — Родилась я отъ честныхъ родителей, — упокой Господи души ихъ! — въ губерніи Саратовской.

Фекла.

Insupportable!

Лицемѣркина.

Оттоль выдана за-мужъ въ благословенный Кіевъ . . . . Если вы, сударыня! посѣщали когда-либо сей градъ преславутый, то вы согласитесь со мною, что тамъ лишь научаемся мы — рабы Господніе — и должному смиренію, и презрѣнію всего мірскаго — тлѣннаго, и любви къ Богу и къ ближнему, и всему, что подобаетъ для нашей вѣры и спасенія . . .

Фекла (*въ сторону*).

Вотъ мученіе пренесносное! (*ей*) Или кончай скорѣе, старая! — или....

Лицемѣркина.

Не въ гнѣвъ вамъ буди, сударыня! — Тамъ-то — въ семъ православномъ городѣ — покоятся кости моего перваго сожителя Любимова.

Фекла.

Любимова фамилію я гдѣ-то слышала; но..

Лицемѣркина.

Господь посѣтилъ меня толикою скорбію въ самые цвѣтущіе дни моея жизни; но не до конца еще Онъ прогнѣвался на меня — окаянную: онъ покойнаго оставилъ мнѣ пять деревушекъ и малую-толику серебра и золота, дабы я могла раздавать оное и творить вся добрая....

Фекла (*ласково*).

Что говорите вы? — У васъ есть деревни, и серебро, и золото? — Прошу садиться, почтенная!

Лицемѣркина (*садясь*).

Увы! Богатство мірское есть прахъ и пепелъ. Но, чтобы не прослыть Бого-противною расточительницею, я сохранила его въ полнѣ и въ цѣлости, пріобрѣла еще кое-что моими трудами и воздержаніемъ и наконецъ, дабы еще болѣе преумножить таланнъ мнѣ данный, я сочеталась вторичнымъ бракомъ съ богатымъ владѣльцемъ Лицемѣркинымъ. Это настоящее мое прозваніе, — когда вы знать хотите.

Фекла.

О! для меня весьма пріятно познакомиться съ вами; но я желаю знать, какимъ образомъ вы доставили мнѣ честь сію?

Лицемѣркина.

Ахъ, моя милая! — Въ печальной юдоли сей все исчезаетъ, проходитъ, аки дымъ трубный, или мечта сонная. — Когда и другой супругъ мой отошелъ къ вѣчности, то я, безъ слезъ и ропота, смирясь предъ неисповѣдимыми судьбами, начала странствовать; — но вспомнивъ въ пути моемъ, что не далече отъ онаго находится имѣніе г. Полковника Строгодумова, я рѣшилась заѣхать прежде къ нему, дабы увидѣть всѣмъ извѣстную его наслѣдницу — прелестную Феклу Сидоровну.

Фекла.

Не ужели вы оставили дорогу для того только, . . .

Лицемѣркина.

Во истину! — Одна лишь Фекла Сидоровна привела меня въ сію обитель, и — если не въ трудъ вамъ будетъ, моя любезная! — то я прошу васъ проводить меня къ ней скорѣе, дабы, не теряя напрасно времени, я могла объяснить ей мое благое намѣреніе . . .

Фекла (*гордо*).

Она предъ вами! — Что вамъ угодно? — (*въ сторону*) Quelle bête, — не могла узнать съ перваго взгляда!

Лицемѣркина (*вскочивъ*).

Такъ это вы? Вы та знаменитая боярышня, о коей молва людская съ толикою хвалой и славой распространилась по всѣмъ концамъ земнаго міра! — О, горе же мнѣ, грѣшной! — Горе невидящимъ, блуждающимъ во тмѣ кромѣшныя! — Вѣчный врагъ человѣческій — сатана лукавый — опуталъ меня своею хитросплетенною сѣтію и омаячилъ, омрачилъ слабыя зѣницы моего ока, чтобы довести меня бѣдную до ошибки, столь горестныя: — дабы я сочла васъ за ту жалкую Софію, кою Господь премудрый, видно за тяжкіе грѣхи ея, лишилъ всего приданаго и тѣмъ самымъ погрузилъ, низринулъ въ бездну презрѣннаго ничтожества... Простите же — молю васъ — вину невольную!...

Фекла.

Madame! я извиняю васъ; но могу-ли не взыскать съ глупыхъ слугъ нашихъ за то, что они позволили вамъ войти безъ доклада?

Лицемѣркина.

О, умница моя, разумница! — Я и сама окаянная сотворила бы то же на вашемъ мѣстѣ.

Фекла.

Но я желаю узнать tout à l'heure: какую вы имѣете во мнѣ надобность?

Лицемѣркина.

Ахъ, моя сударыня! — надобность столь важную и толико необходимую, что отъ сего единственно зависитъ все мое блаженство.

Фекла.

Да что же такое? — Скажите просто!

Лицемѣркина.

Въ награду смиреннаго моего житія и строгой добродѣтели, у меня есть радость и утѣшеніе—единородный возлюбленный сынъ — Эрастъ Викторовичь Любимовъ.

Фекла.

Fort bien! — Что-жъ дальше?

Лицемѣркина.

Не добро, не добро быти единому! — Но, дабы избрать себѣ половину достойную, то паче всего взирать намъ должно на ея капитальное имущество. А какъ Эрастъ мой, такожде и вы, сударыня! рождены въ одинакой долѣ и достояніи, то онъ по всему — по всему женихъ вамъ!

Фекла.

Охъ! эти женихи, женихи, женишонки такъ надоѣли, измучили меня сегодня, что я не хотѣла бы и слышать о нихъ болѣе. Но пойдемте къ моей гувернанткѣ и тамъ вы узнаете отвѣтъ на предложеніе.

Лицемѣркина.

Иду за вами со страхомъ и трепетомъ, со упованіемъ и со надеждою на вашъ собственный разумъ и добросердіе.

КОНЕЦЪ II-го ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ III.

(Комната 2-го дѣйствія).

ЯВЛЕНІЕ I.

Моднѣйкинъ одинъ.

Voilà! — Я уже въ домѣ monsieur Strohodoumoff. Я могу увидѣть tout de suite мою прелестную Дульцинею... Да какъ бишъ зовутъ ее? — *(подумавъ)* Ну право забылъ, не вспомню, не вспомню за суетами... Ah, argopos! со мной интересная публикація... *(вынувъ газеты, читаетъ)* Фекла, Фекла Сидоровна, Сидоровна *(спрятавъ газеты)*. Признаюсь, это имячко не весьма романическое: — оно слокируетъ слухъ мой. Но, впрочемъ, имѣя пять тысячь душъ крестьянъ, да еще l'argent, l'argent въ добавку, — я думаю: можно перекрестить ее въ какое захочу названье.... О Панглосъ, Панглосъ! — сколь часто я повторяю слова твои: все что ни дѣлается — все къ лучшему! — Давно-ли я грустилъ, кричалъ, отчаевался, когда мнѣ велѣли оставить Францію... Но теперь, благодаря сей публикаціи, быть можетъ очень легко, peut être, peut être, таковой возвратъ на родину послужитъ къ моему обогащенію и счастію. — Mais... *(оглянувшись)* Это sans doute одинъ изъ оффиціантовъ хозяина!

ЯВЛЕНІЕ II.

Моднѣйкинъ и Цапцарапкинъ.

Моднѣйкинъ (*идя на встрѣчу Цапцарапкину*).

Послушай, голубчикъ мой! — По твоей важной фигурѣ и отличному, редикюльному лицу я отгадалъ въ минуту, что ты долженъ быть maître d'hôtel, — или даже самъ арлекинъ, т. е. шутъ Строгодумова. О! я такихъ людей люблю и почитаю до-смерти...

Цапцарапкинъ (*кланяясь*).

И я, съ моей стороны, примѣрно сказать, дерзаю завѣрить васъ въ томъ чрезвычайномъ уваженіи, каковое постараюсь охотно доказать вамъ на опытѣ....

Моднѣйкинъ.

Merci, merci, любезной! Но оставимъ комплименты и церемоніи! — Съ подобными персонами я всегда бываю откровененъ отъ сердца: — и потому, sans façon, скажу тебѣ, душа моя! что я пріѣхалъ сюда за тѣмъ, чтобы жениться на-на-на твоей барышнѣ... ты же самъ смѣкнешь уже—на которой изъ двухъ... не правда-ли?

Цапцарапкинъ (*махая головой*).

Смѣкну, смѣкну и какъ начать, и какъ окончить... О! — вы сами увидите мою расторопность и усердіе....

Моднѣйкинъ.

Hé bien, дружечекъ! — Скажи мнѣ: дома-ли господа твои? сколько ихъ всѣхъ здѣсь и кто болѣе прочихъ имѣетъ на нее вліянія, —

c'est-à-dire: отъ кого больше всѣхъ зависитъ, кого послушаетъ скорѣе моя — какъ бышъ? — да, да, Фекла Сидоровна?

Цапцарапкинъ.

На всѣ оные вопросы послѣдуютъ отвѣты въ чередовую, какъ долженствуетъ. — Во первыхъ: господа мои — и дома, и нѣтъ, и тамъ, и здѣсь, и не выѣзжали, и не выходили изъ дому, и у себя не обрѣтаются. — Во вторыхъ: ихъ можетъ бышь у меня и много, и мало, и тма темъ, и ни единаго, какъ то прійдется по обстоятельствамъ... И въ третьихъ: оная вышерѣченная барышня не слушаетъ никого, кромѣ — развѣ себя самую, да еще какую-то мадаму Пуакру — Француженку. — А наконецъ, въ добавленіе всего вышеписаннаго, еще прибавлю вамъ, что къ оной дѣвицѣ и къ оной мадамѣ нельзя войти иначе, какъ развѣ я — я доложу о васъ, по изданной мнѣ формѣ и инструкціи....

Модницкинъ.

Ты много наболталъ мнѣ непонятнаго; но теперь мнѣ нѣкогда искать на то изъясненія, — и я прошу только тебя, мой миленькой! — доложить обо мнѣ сей часъ-же обѣимъ, какъ можно лучше и какъ тебѣ отъ нихъ приказано...

Цапцарапкинъ (*кланяясь*).

Ладно, ладно! — Я радъ-бы нижайше служить вамъ, но къ душевному моему соболѣзнованію — сіе почти не возможно въ сію минуту....

Моднѣйкинъ.

Да почему же такъ? Вѣдь онѣ дома — ты самъ сказалъ мнѣ!

Цапцарапкинъ.

Съ позволенія вашего повинуюсь: и дома, и нѣтъ, и у себя, и въ гостяхъ, и гдѣ угодно вамъ...

Моднѣйкинъ.

Э, что за пустяки! — это не возможно!

Цапцарапкинъ (*напѣвая*).

Все на свѣтѣ можно,
Только должно осторожно...

Моднѣйкинъ.

Класть въ карманъ! — Не такъ-ли?

Цапцарапкинъ.

Во истину, точно! — Ужъ видно тотчасъ, что вы живали въ большомъ свѣтѣ и водились съ людьми препорядочными....

Моднѣйкинъ (*въ сторону*).

Мнѣ кажется — это плутъ естественной; но онъ можетъ пригодиться мнѣ. (*давая деньги Цапцарапкину*) Вотъ тебѣ за трудъ, и ступай немедля — скажи обо мнѣ!

Цапцарапкинъ (*кланяясь*).

Благодарствую и благословляю руку милостивую! Надѣюсь, что она подастъ мнѣ со временемъ еще гораздо болѣе, (*въ сторону*) лишь стоитъ снять показаніе.

Моднѣйкинъ.

Ну, ну-жъ — plus vîte — скорѣе!

Цапцарапкинъ.

Я иду въ сію-жъ секунду: ибо я не привыкъ и не люблю никого задерживать; а тѣмъ паче господъ, столь щедрыхъ... *(вынувъ карандашъ и бумагу)* Однако позвольте прежде записать ваше имя, отечество, фамилію, чинъ и мѣстопребываніе!

Моднѣйкинъ.

А это къ чему еще?

Цапцарапкинъ.

Таковъ у насъ порядокъ, сударь! — Я долженъ доложить подробно, на бумагѣ... Не смѣю, не смѣю иначе.

Моднѣйкинъ.

Ну хорошо, — пусть по вашему! — Пишиже: Генрихъ Олимпіевичь Моднѣйкинъ — дворянинъ — помѣщикъ — вояжоръ по всѣмъ странамъ Европы...

Цапцарапкинъ *(пишетъ и потомъ)*.

Но настоящее ваше мѣстожительство? — сирѣчь: гдѣ обрѣтаются ваши недвижимыя вотчины?

Моднѣйкинъ.

Многія вотчины мои двинулись уже и въ Парижъ, и въ Лондонъ; а теперь есть еще нѣкоторыя въ сосѣдствѣ моего пріятеля — Липовскаго пана Гологордовскаго.

Цапцарапкинъ *(записавъ)*.

Да въ какомъ именно уѣздѣ и губерніи?

Моднѣйкинъ.

Твои госпожи читали на-вѣрное Ивана Выжигина; а потому и сами легко отгадать то могутъ.

Цапцарапкинъ.

Инъ точно! — О семъ мы справимся и послѣ, по книжкѣ той. — Теперь достаточно, довольно, полно!

Моднѣйкинъ.

Fi donc! — Да эдакихъ докладовъ я не видалъ и не слыхалъ отъ роду.

Цапцарапкинъ.

Что-жъ дѣлать? Такова у насъ форма,.. нельзя же учинить отступленія; — а съ сей замѣткою я смѣло и смѣло могу удружить вамъ преусерднѣйше... *(низко кланяясь)* И такъ до свиданія! — Вашъ покорный и нижайшій слуга, отставной Секретарь, Титулярный Совѣтникъ Цапцарапкинъ. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ III.

Моднѣйкинъ, М. Пуакръ и Фекла.

Моднѣйдкинъ.

Секретарь Цапцарапка! — Не ужъ-ли и въ самомъ дѣлѣ я ошибся въ персонѣ его? — Однако-же....

М. Пуакръ (*входя*).

Ma chère Thecle, ma chère Thecle!

Фекла.

Que voulez-vous, madame?

Моднѣйкинъ (*въ сторону*).

Это онѣ! A propos, à propos!...

М. Пуакръ.

Mais — кого мой вишу тутъ? Кто ви каво, monsieur?

Моднѣйкинъ (*подходя къ нимъ и шаркая*).

O, quel bonheur! — Какое счастіе! какая блаженная минута! — въ которую достигъ благополучія рекомендовать себя à mademoiselle Thecle и à madame Ponacre.

Фекла (*присѣдая*).

Très - obligée — я рада!

М. Пуакръ (*присѣдая*).

Et moi aussi! — Mais вашъ фамиль, monsieur?

Моднѣйкинъ.

Вояжоръ Моднѣйкинъ — покорный слуга вашимъ прелестямъ. — Бывъ въ Римѣ, Парижѣ и Лондонѣ, узнавъ все лучшее, изящное въ свѣтѣ, я могъ-ли ожидать встрѣтить и здѣсь, на моей родинѣ — идеалъ красотъ и талантовъ, совершенный chef d'oeuvre природы?... Признаюсь: это сюрпризъ неожиданный! — Я пораженъ, афрапированъ, очарованъ съ первѣйшихъ словъ, манеровъ и взоровъ вашихъ....

М. Пуакръ (*въ сторону*).

Какъ милъ, лупезна! — (*ему*) Je vous rends grace, monsieur! тле мой пріятна... (*кокетствуетъ*)

Фекла (*кокетствуя также*).

И мнѣ, и мнѣ, весьма и очень, вы также....

Моднѣйкинъ.

Continuez — рѣшите toudesuite судьбу мою!

М. Пуакръ.

Pardon, monsieur! — Намъ нуина сналъ преите на ваша правила...

Моднѣйкинъ.

Vous avez raison, — охотно! — Въ Парижѣ, въ моднѣйшемъ кругѣ, въ найлучшемъ société я почерпнулъ мои должности....

Фекла.

Весьма обяжите, изъяснивъ оныя...

Моднѣйкинъ.

Любить, обожать, служить нѣжному полу; не щадить ничего въ мірѣ для угожденія ему; презирать всѣ старыя бредни, идеальныя мечты, предразсудки и глупости; не думать о будущемъ, ловить настоящее; ... утопать въ восторгахъ, исчезать въ наслажденіяхъ;... прослыть любезнымъ, ловкимъ, непостояннымъ, неревнивымъ, услужливымъ и смѣлымъ;... одѣваться, ходить, танцовать, и жить, и думать по журналу Парижскому: — вотъ вамъ, mon ange, мой образъ мыслей!...

Фекла.

Это точь-въ-точь, какъ говоритъ мадамъ моя.

Моднѣйкинъ.

J'en suis charmé! — если и въ правду согласны наши мнѣнія...

М. Пуакръ.

Oui, oui monsieur! — Какъ витна, што ви

змотрель на сфѣтъ, пифалъ за хранисаа. — А здесъ — въ глуша, въ зтрана закоренѣлой на хруна и незнозна мештанія, . . здесъ фасмошно-ль наушилзя расуштай и столъ умна, и зтрафетлива! Нешъ, нешъ! тушъ вса не та, какъ наша прелезтна Франсіа! . .

Фекла.

Ахъ, какъ-бы я желала побывать тамъ! — Какъ-бы хотѣлось и мнѣ узнать по-лучше тѣ обычаи! . . . Но, увы! — при всемъ моемъ приданомъ и дарованіяхъ, я осуждена лишь слушать здѣсь стародревнія нравоученія; . . должна отказывать себѣ во всемъ, къ чему влекутъ желанія, . . должна погибнуть — peut être — не испытавъ истинныхъ благъ наслажденія . . . .

Модпѣйкинъ.

Non, non, ma chêre — charmante! — Я вижу, что рокъ создалъ насъ одинъ для другаго; я зрю въ васъ все то, чего искалъ давно, что необходимо для дѣвушки благородной, для дамы порядочной . . . А потому, предлагая составить мнѣ партію, надѣюсь, что вы будете пить вѣчно сладкую чашу всѣхъ удовольствій и радостей . . . Я, я извлеку васъ немедленно изъ сего мрачнаго гроба жизни. Мы уѣдемъ, тотчасъ по свадьбѣ, въ края благословенные, . . . и тамъ, и тамъ ежедневные спектакли, маскерады, балы, вечеринки, клубы, гулянья будутъ всегдашнимъ для васъ занятіемъ; въ домѣ же своемъ вы принимаете всѣхъ, кто вамъ нравится . . . Я не оскорблю васъ постыдною ревностію, ни какія излишнія

супружескія требованія, ни какія пожертвованія — не обременятъ васъ. — Однимъ словомъ: вы будете всегда свободны во всѣхъ дѣлахъ, поступкахъ и желаніяхъ вашихъ...

Фекла.

Ah, mon ami! — Какую очаровательную картину вы открываете глазамъ моимъ! Какую плѣнительную будущность вы уготовляете для вашей подруги вѣчной!.. Такъ! — я хочу быть оною, не могу противустоять вамъ болѣе, я рѣшаюсь окончить карьеръ свой,.. и вотъ рука моя — въ залогъ союза неразрывнаго!... *(даетъ руку)*

Модпѣйкинъ.

Вотъ поцѣлуй мой, въ завѣтъ любви свободныя... *(цѣлуются)*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣже и Цапцарапкинъ.

Цапцарапкинъ *(подавая бумагу Модпѣйкину)*.

Послѣ толико вкуснаго лобызанія не угодно-ли вамъ, милостивецъ мой! получить еще на закусочку сіе весьма лакомое для васъ сочиненьице?

М. Пуакръ.

Comment! Твой не слушалъ мена! Э, змотри, змотрай Секрешеръ, штопъ хута полна не пыла!

Фекла.

Вѣдь я-жъ просила васъ убраться отсель проворнѣе въ свою канцелярію?

Модиѣйкинъ *(осматривая кругомъ Цапцарапкина).*

Не ужели и въ правду, mesdames, это смѣшное твореніе есть Секретарь, а не шутъ вашъ?

Цапцарапкинъ *(хлопая въ ладоши).*

Браво, браво, брависимо! — Того токмо и нужно было, чтобы повторилъ при свидѣтеляхъ! Гмъ, гмъ! Съ сего же момента пусть я буду въ глазахъ вашихъ не Секретарь, а что угодно вамъ, токмо соблаговолите заглянуть прежде въ бумажку сію!

Модиѣйкинъ *(взявши бумагу).*

Посмотримъ, что за новости! *(читаетъ про себя)*

Пулкръ *(къ Цапцарапкину).*

Епинсфенъ тле нашъ тарока кость я ешо терпель на минютъ твой призустфія.

Фекла *(елу же).*

Да, еслибъ не онъ, то вы узнали-бы, какъ опасно не слушать приказаній нашихъ!

Цапцарапкинъ *(кланяясь).*

Всегда послушенъ, всегда покоренъ, всегда слуга и рабъ — предъ вашей красотой, и умомъ, и талантами.

Модиѣйкинъ.

Ха, ха, ха! Ну какъ же не стыдно и не грѣшно вамъ писать такія ябеды? — И какъ можно такъ дерзко и безсовѣстно переиначивать слова мои?.. Par exemple: я счелъ васъ за maître-d'hôtel, то есть: дворецкаго, а вы пишите здѣсь будто я называлъ васъ какимъ-то

мертводѣломъ и толкуешь, что это значитъ тоже самое, что и смертоубійца.

Цапцарапкинъ.

Во истину, за подлинно и неоспоримо!

Пулкръ.

Quoi? Каво? — Maître-d'hôtel спашилъ смертоубійса. Э, ви шутакъ! — не сналъ вовса языкъ Французка...

Фекла.

О, нѣтъ! — Онъ переводитъ отлично, весьма близко къ подлиннику: — maître-d'hôtel — мертводѣлъ, maître d'hôtel мертво-дѣлъ. Хи, хи, хи! — Гдѣ вы учились, monsieur, столь легкому способу?

Модпѣйкинъ.

Ужъ вѣрно въ школѣ какого-нибудь дьячка деревенскаго?

Цапцарапкинъ *(важно)*.

Хотя-бы и такъ, хотя-бы, примѣрно сказать будучи, даже и у пономаря безграмотнаго; но лишь-бы я понималъ и разумѣлъ не токмо природный мой, но равно такожде и чуждые языки и нарѣчія.

Модпѣйкинъ.

А мнѣ кажется, мой миленькой! что ты не знаешь и Русскаго.

Фекла.

Non, mon cher! — Онъ же доказалъ намъ тотчасъ свои обширныя познанія.

М. Пуакръ.

Э, какой познань? — Э, што полтай толка зъ крючка нестолковая!

Цапцарапкинъ (*съ чувствомъ*).

Крючокъ безтолковый! — Крючокъ безтолковый, крючокъ безтолковый! Протестуюсь, провозглашаю предъ всею публикою! — Крючекъ безтолковый! И кто-жъ дерзаетъ сказать сіе? О срамъ, о стыдъ! — Какая ни-на есть бродяга заморская, безпашпортная, безвидная, безбилетная, безчиновная, безименная и . . . . .

Моднѣйкинъ.

И — ни слова болѣе! — Или... о дерзскій, нахальный крюкъ! — вотъ карачунъ, капутъ тебѣ! — (*вынувъ проворно изъ кармана пистолетъ, приставляетъ ему къ груди*).

Цапцарапкинъ.

Ухъ, уфъ, поз-воль-ше! — (*робѣетъ и не смѣя говорить болѣе, пятится назадъ въ безмолвіи и только шевелитъ губами; а Моднѣйкинъ въ прежней позиціи преслѣдуетъ его, повторяя:*)

Ни слова, ни слова, ни полсловечка!

Пуакръ и Фекла.

Ха, ха, ха! Вотъ ретирадъ образцовая!

Цапцарапкинъ (*пятясь къ самымъ дверямъ, падаетъ и перевалясь за порогъ, кричитъ за кулисами:*)

Охъ, охъ, охъ, кон-ча-ю-ся!

Моднѣйкинъ (*возвращаясь*).

Вотъ какъ должно учинь за невѣжливость противъ прекраснаго пола!

М. Пуакръ.

Bien obligée за узлукъ зей!

Цапцарапкинъ (*за кулисами*).

Ухъ, охъ, ахъ, кон-чаю . . . кон-чил-ся я.

Фекла.

Но онъ ревешъ уже умирающимъ голосомъ. Какъ-бы и въ самомъ дѣлѣ не умеръ онъ бѣдниньской!

Цапцарапкинъ (*за кулисами*).

У-у-у-ми-ра-ю.

Пуакръ.

Hé bien, monsieur! Пойдомъ змотрелъ ево! Mais — езли она притфорнъ, какъ шумай я, то ми фелитъ ево просалъ на шуланъ, или на покрепъ мой, — пузитъ тамъ кришалъ сепѣ тле разконъ миша, вмѣзтъ кошка.

Моднѣйкинъ.

Fort bien, madame! — (*уходя къ Феклѣ*) Au revoir, мой ангелъ, кумиръ, божество души моей!

Фекла.

Adieu, mon cher ami! — Я буду ожидать тебя въ сей же комнатѣ.

Цапцарапкинъ (*за кулисами*).

Охъ, охъ, не тро-гай у-мер-ша-го!

Фекла.

Это забавно! — вѣрно Секретари не перестаютъ болтать и послѣ смерти своей?..

ЯВЛЕНІЕ V.

Фекла, Лицемѣркина и Любимовъ.

Лицемѣркина.

Изумляйтеся, благоговѣйте убо судьбамъ неисповѣдимымъ!

Фекла.

Madame! мнѣ не понятенъ языкъ вашъ...

Любимовъ (*кланяясь ей*).

Прошу удостоить вашимъ знакомствомъ Уланскаго Корнета Любимова.

Фекла (*приседая*).

Bon jour, monsicur!

Лицемѣркина.

Се сынъ мой возлюбленный, о немъ же глаголахъ вамъ, сударыня! — Промыселъ чудесный явилъ его внезапно очамъ родительницы и нарѣченныя ему помощницы въ жизни...

Фекла.

Ma foi! — я почти не разумѣю словъ вашихъ.

Лицемѣркина.

Лишь отложите на мигъ стыдливость дѣвическу, и ниспадетъ внезапу со глазъ завѣса, и вы узрите тотчасъ, что колесница Эрастова разбита у самыхъ вратъ сія обители, для того единственно, чтобы онъ обрѣлъ въ оной свою суженую.

Любимовъ.

Такъ! Я нашелъ ее неожиданно и хочу посвятить ей всѣ дни мои. Клянусь, что буду

неразлученъ съ нею до послѣдняго дыханія; или умру во цвѣтѣ лѣтъ моихъ съ тоски и горести...

Фекла.

Fi donc! — какой любовникъ страстной!

Лицемѣркина.

О, мое безцѣнное сокровище! — Мой сынъ единородный! — послѣдуя стопамъ своей матери, не совратился еще съ пути добродѣтели: и потому я увѣрена, что съ него выйдетъ и полюбовникъ, и супругъ благороднѣйшій.

Фекла.

Я поздравляю васъ съ столь рѣдкимъ сыномъ.

Любимовъ (*ей*).

Благодаря за доброе мнѣніе, признаюсь вамъ, сударыня! что я не умѣю любить съ холодностію; что сіе сердце пребудетъ до гроба и пламеннымъ, и вѣрнымъ предмету милому...

Фекла.

Ваше изъясненіе мнѣ отчасти нравится; но позвольте — monsieur! — откровенно сказать вамъ, что я не могу чувствовать любви, столь жаркой; что бракъ, основанный на оной, меня всегда пугаетъ....

Лицемѣркина.

Чего-же страшиться тутъ, дражайшая? — Я и сама окаянная вступала дважды въ узы брачныя; но ни когда душа моя не заражалась таковымъ прельщеніемъ... Нѣтъ: не любовь —

сія мечта сонная, прежливая, — но нѣчто другое, гораздо фундаменнальнѣе, заставляло меня выходить за моихъ усопшихъ сожителей, и — я прожила весь вѣкъ мой, какъ говорится: спустивши рукава и не съ пустыми карманами.

Любимовъ.

Но можно-ль быть счастливой съ тѣмъ, кто не нравится?

Лицемѣркина.

Тебѣ-ли бояться сего, Эрастушка? — Понравится, понравится и послѣ свадьбы: ты молодъ и при томъ богатъ также, какъ Фекла Сидоровна, чего же недостаетъ для твоея половины законныя?.. Почему твоя будущая жена не можетъ найти истиннаго и вѣчнаго благополучія съ супругомъ предосточнымъ?

Фекла.

Peut être, peut être! Но за всѣмъ тѣмъ не спѣшите и дайте мнѣ время!..

Лицемѣркина.

На что откладывать, моя милая? Не ручайтеся убо за день утренній, иже всегда онъ насъ сокровенъ есть. И такъ: когда Эрастъ мой нашелъ свою суженую и заслужилъ ея вниманіе, и хочетъ сочетаться съ нею....

Любимовъ.

Ахъ! все это правда, лишь остановка за благословеніемъ вашимъ.

Лицемѣркина.

Оно надъ тобою, послушный сынъ мой! — Да пребудешь, совокупно съ любезною тебѣ невѣстою, до самыя глубокія старости въ совершенномъ и здравіи, и изобиліи!...

Любимовъ (*цѣлуя ей руку*).

Почтеннѣйшая маминька! я восхищенъ вами на самый верхъ блаженства... Позвольте-жъ представить вамъ сейчасъ мою невѣсту. (*идетъ*)

Фекла.

Parbleu! — что это значитъ?...

Лицемѣркина (*удерживая его*).

Куда-же ты, Эрастушка? — Отъ радости и восторга ты развѣ ослѣпъ уже? — Развѣ не зришь ты ее здѣ предстоящею?

Любимовъ (*осматриваясь кругомъ*).

Нѣтъ: я не вижу; — она должна быть въ своей комнатѣ.

Лицемѣркина.

Что ты? — Или что помрачило внезапу умъ твой?...

Фекла.

Образумтесь, государь мой!

Любимовъ.

Ее здѣсь нѣтъ — и я бѣгу, бѣгу немедленно.

Лицемѣркина (*поймавъ его*).

Опомнись, сынъ мой! опомнись — и ты уразумѣешь паки, что се предъ тобою никто другой, какъ наша знаменитая Фекла Сидоровна.

Любимовъ.

Вы правы: это она, но не моя прелестная Софія!

Лицемѣркина.

Какъ? Софія? — О, Боже праведный! — Сія нищая, отверженная отцемъ, лишенная приданаго?..

Фекла.

Quelle honte! — И вы осмѣлились меня утражировать! И вы, объяснившись мнѣ въ любви своей, вздумали теперь мѣнять меня на Софію? Или вы надѣетесь избѣгнуть моего мщенія? . . .

Лицемѣркина.

Эрастъ! — или ты шутишь, или въ самомъ дѣлѣ, аки заблудшая овца, ты совратясь, уже рехнулся до такой степени, что дерзнулъ прельститься бѣдною, безприданною дѣвкою?..

Любимовъ.

Матушка! вы сами благословили меня съ моею невѣстою, и — ни какая сила въ свѣтѣ не заставитъ перемѣнить моего намѣренія. Скорѣй погибну, исчезну изъ міра, зараженнаго предразсудками, въ коемъ нѣтъ ни чувствъ, ни истины, нежели оставлю, забуду милую подругу души моей — прелестную, дражайшую Софію!

Фекла (*въ сторону*).

Voilà un fou набитой!

Лицемѣркина (*разсердясь*).

Ахъ непокорной, негодной! — (*ударивъ*

его четками) Да изженутъ же тебя, аки заразу зловредную, изъ всѣхъ градовъ и висей; да станешь скитаться изъ края въ край по всей вселенной безъ пищи, безъ пристанища, въ раздранныхъ, позорныхъ рубищахъ, и да . . . .

Любимовъ *(убѣгая).*

Ахъ, пощадите, умѣрьте гнѣвъ вашъ!

Лицемѣркина *(гоняясь за нимъ).*

Не спасетъ и бѣгство тебя, гнуснѣйшаго . . .

Фекла.

По дѣломъ, по дѣломъ ему! Пусть будетъ поучтивѣе и порасчетливѣе! . . .

ЯВЛЕНІЕ VI.

Фекла и Модиѣйкинъ.

Модиѣйкинъ *(входя).*

Ну, ужъ и въ правду это настоящій, прямой Цапцарапка! — О, ma chère amie! какую отличную и ловкую штуку онъ сей часъ сыгралъ со мною! . .

Фекла.

А что такое, mon coeur?

Модиѣйкинъ.

Вообрази! Когда мы съ madame Pouacre подошли къ нему близко, то онъ, переставши кричать и стонать, притворился будто испускаетъ уже послѣднее дыханіе; но едва я наклонился, чтобы получше осмотрѣть его, какъ мертвой мой такъ ловко выдернулъ изъ

кармана моего денежную книжку, такъ ловко вскочилъ и ушелъ съ оною, что мы не могли никакъ догнать его.

Фекла.

Ха, ха, ха! — Такъ видно, что секретари и мертвые не забываютъ о взяткахъ, и что за деньги имъ можно и умереть, и воскреснуть съ-изнова; но мнѣ жаль, mon cher! потери твоей...

Модиѣйкинъ.

Non, non! она почти ничтожна: тамъ было тысячу рублей, — не болѣе. Къ счастію, я имѣю привычку: всѣ деньги свои *(въ сторону)* коихъ нѣтъ, *(ей)* отдавать для сохраненія моему камердинеру. Впрочемъ я надѣюсь, что madame Pouacre и тѣ возвратятъ мнѣ, ибо она побѣжала вслѣдъ за нимъ въ кабинетъ хозяина, куда хитрой подъячій сей скрылся нарочно, зная, что я, не будучи знакомъ еще съ monsieur Strohodoumoff, не за хочу....

Фекла.

Permettez прервать слова сіи! — Не пора ли тебѣ, mon cher! познакомиться и съ нимъ, и съ моимъ папинькой? — Позволь мнѣ имѣть удовольствіе рекомендовать тебя!

Модиѣйкинъ.

Весьма пріятно: ибо такъ велятъ обычаи; но чтобы не терять напрасно времени, то я прошу тебя, mon ange! сказать имъ прямо, sans équivoques, façons и церемоній, что ты дала уже слово, и потому требуешь ихъ благословенія; впрочемъ, если старики поупря-

мятся, то мы обойдемся и безъ нихъ, — не правда-ли?

Фекла.

Можетъ статься, peut-être! Но allons, allons!

Модиѣйкинъ (*подавая руку*).

Allons же къ нимъ, mon ame! для приличія...

ЯВЛЕНІЕ VII.

Любимовъ и потомъ Хватовъ и Лиза.

Лиза (*Любимову, который ходитъ задумавшись*).

Да полноте размышлять вамъ, Эрастъ Викторовичь! Въ дѣлахъ любовныхъ надо менѣе думать, а болѣе дѣйствовать, — такъ говорили мнѣ люди опытные.

Хватовъ.

И въ правду, ваше благородіе! — прилично ли офицеру твердить себѣ только: охъ, ахъ, эхъ, ухъ, увы, ой, ой, услышь мой вой! — и между тѣмъ не избрать еще ни того, ни другаго?

Любимовъ.

Но чтобъ избралъ ты, болтунъ, пустомеля, въ семъ случаѣ?

Хватовъ.

А вотъ что!... Только прошу не прогнѣваться и позволить сказать вамъ отъ чистаго сердца, что знаю я.

Любимовъ.

Ну, ну! позволяю.

Хватовъ.

Слушайте-жъ, ваше благородіе! — По нашему, по-улански: руби съ плеча, разъ, два, три, ура, да и все тутъ! — Или по три на лѣво кругомъ заѣзжай, маршъ, маршъ! — и въ тотъ же мигъ атака на новую, другую крѣпость... Не такъ ли? скажите сами!

Любимовъ.

Несносной вральманъ! я думалъ: ты скажешь что-нибудь путное, а не вздоръ такой?

Лиза.

Нѣтъ, нѣтъ сударь! — это не вздоръ, но, какъ мнѣ кажется, это то-жъ самое, что и я хотѣла доложить вамъ, то есть: или поставить на своемъ во чтобъ ни стало, или не долго думая, искать другую барышню. *(Хватову)* Хорошо ли я поняла команду твою?

Хватовъ *(ей)*.

Пребезподобно! Годишся въ строй нашъ....

Любимовъ.

Такъ! я вижу теперь, что вы отчасти правы; что мнѣ должно сейчасъ же на что-нибудь рѣшиться. Но можете ли вы постигнуть всю трудность положенія, всю тягость души моей? — Я люблю, любимъ взаимно, меня благословляютъ на вѣчный союзъ съ моей невѣстою, и въ ту же самую минуту, узнавъ, что она не имѣетъ богатства, меня предаютъ проклятію. Гдѣ-жъ справедливость, гдѣ истина?.. Не ужели всѣ личныя достоинства, всѣ возможныя совершенства дѣвицы милой, исчезаютъ мгновенно при

сихъ магическихъ словахъ: у нее нѣтъ приданаго? — Не ужели бракъ преобратился нынѣ въ нѣкоторой родъ коммерціи?.. Не ужели, говорю, и самая грубая, безчувственная, и глупая статуя, бывъ убрана золотомъ, предпочитается самой любезнѣйшей, но бѣдной дѣвушкѣ?.. Ахъ! къ чему-жъ дано намъ сердце, къ чему чувствительность!... *(задумывается)*

Хватовъ.

Правда! и я слыхалъ не разъ отъ своихъ товарищей такую пословицу: но мнѣ хоть будь коза, лишь бы золотыя рога; или же: хоть будь и свинка, лишь бы золотая щетинка.

Лиза.

А у насъ говорятъ вотъ какъ: хоть будь и болванъ, лишь бы полонъ чемоданъ; хотя женихъ и скопинка, да онъ зажиточной дѣтинка. — Но вѣдь это все, служивой, между простымъ народомъ; а господа, я чаю, разсуждаютъ о томъ со всѣмъ иначе...

Любимовъ.

О рокъ! почто судилъ мнѣ узрѣть ее? почто я узналъ въ ней все то, что плѣняетъ на вѣки и умъ, и сердце?.. Почто, наконецъ, судьба не велѣла мнѣ послѣдовать всеобщему правилу: любить не людей, но деньги ихъ?...Увы! — Какъ бы въ наказаніе... *(увидя Софію)* Но вотъ она идетъ ко мнѣ. О минута, стократъ желанная! Теперь одинъ лишь взоръ ея, одно только слово и — жребій жизни моей рѣшенъ на вѣки!...

Лиза (*Хватову*).

Служивой! на лѣво кругомъ снова, чтобъ не мѣшать свиданію.

Хватовъ (*ей*).

Я очень радъ, я очень радъ.... (*убѣгаютъ*)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Любимовъ и Софія.

Софія.

Какъ? вы здѣсь еще Эрастъ? Вы, не повинуясь вашей миминькѣ....

Любимовъ.

Жестокая! — не ужели ты хотѣла, чтобы я исполнилъ ея приказаніе? — чтобы я не осмѣлился въ послѣдній, въ послѣдній можетъ быть разъ, взглянуть на мою милую, безцѣнную Софію, — и даже не сказалъ бы ей уѣзжая: прости, прости мой ангелъ?....

Софія.

О нѣтъ! Возможно-ли мнѣ имѣть подобное желаніе? Возможно-ли и думать?.. Ахъ! нельзя притворяться болѣе... Творецъ всесильный, всевидящій! — Ты зришь, что происходитъ въ душѣ моей; Тебѣ открыты всѣ тайные изгибы, всѣ чувства, всѣ впечатлѣнія сего бѣднаго сердца, пронзеннаго любовію, терзаемаго долгомъ, убитаго грустью отчаянія... Для чего-жъ осудилъ меня на борьбу столь мучительную? Для чего Ты поставилъ меня между двухъ ужаснѣйшихъ пропастей?.. О, небо! я не смѣю роптать на

твои святыя опредѣленія; . . но я чувствую, я знаю, что отнынѣ одни лишь мученія и гибель неизбѣжная меня ожидаютъ во всякомъ случаѣ; что расставшись съ тобою, Эрастъ мой! я увяну, засохну, подобно цвѣтку, сгорѣвшему отъ солнца и необлегченному вскорѣ ни росой, ни дождикомъ; . . . что и тогда, когда рѣшилась бы я, не смотря ни на какія препятствія, отдать тебѣ руку мою и всюду послѣдовать за другомъ милымъ, — принеся въ семейство твое раздоръ и несогласіе, лишивъ тебя любви матери, предавъ ея негодованію и угрызеніямъ твоей совѣсти, — и тогда я проводила бы всѣ дни мои уныло и грустно, безъ удовольствій покоя, безъ вѣрныхъ, постоянныхъ надеждъ на счастіе . . . .

Любимовъ.

Ахъ, что услышалъ я отъ тебя, дражайшая! — О Софія, Софія, жизнь моя, радость! — Теперь лишь позналъ я сколь много любимъ тобою. . . . И такъ мой жребій свершился! — Нѣтъ болѣе преградъ, нѣтъ силы, которая могла бы отнять подругу, мнѣ преданную искренне... О, кто можетъ понять вполнѣ всю страсть мою, кто можетъ представить себѣ все то, что я чувствую, когда бываю съ нею?... Софія! въ сіи минуты, когда глаза мои устремлены на твои прелести, когда рука твоя *(взявъ ее за руку)* касается сердца, пламенѣющаго къ тебѣ любовію, когда губы мои прилѣпляются къ алымъ устамъ твоимъ *(цѣлуетъ ее)*, — въ сіи минуты, говорю, я забываю

всю вселенную, оживаю, блаженствую, исчезаю въ восторгахъ, и вся душа моя сливается съ твоею, несравненная!.....

Софія.

Умѣрь восторги свои, размысли, вспомни о препятствіяхъ!...

Любимовъ.

Нѣтъ, нѣтъ: меня ни что не остановитъ уже! Ты моя, моя на вѣки!

Софія.

О, Богъ мой! подай мнѣ крѣпость, поддержи слабѣющія чувства мои, не дай забыть обязанности, наставь, внуши, что дѣлать мнѣ!.. Эрастъ! ты побѣдилъ меня, овладѣлъ всѣмъ существомъ моимъ и разумомъ; но знай, что безъ воли отца моего я не могу рѣшиться на бракъ съ тобою. Пойдемъ, пойдемъ къ нему, о другъ мой! раскроемъ предъ нимъ, безъ всякаго притворства и боязни, всѣ наши желанія и думы грустныя,... попросимъ совѣта его и приказанія и — можетъ быть, кто знаетъ... Но — онъ самъ идетъ сюда.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣже, Строгодумовъ и Здравосудовъ.

Строгодумовъ.

За чѣмъ вы удалились отъ компаніи? — Прилично-ль заниматься весь вечеръ на единѣ самъ другъ, оставивъ всѣхъ прочихъ гостей моихъ?..

Софія.

Папинька! этотъ одинъ — дороже всѣхъ ихъ!..

Любимовъ.

И для меня во всякомъ обществѣ, въ коемъ нѣтъ вашей безцѣнной дочери — и скучно, и мрачно, какъ въ дикой, безлюдной пустынѣ...

Здравосудовъ.

Извините! Я совѣтую вамъ познакомиться поближе съ нашими посѣтителями и вы увидите, что они люди рѣдкіе, что съ ними превесело...

Строгодумовъ.

Да, да, повѣрьте! — Я и самъ, не смотря на старость мою, принужденъ былъ насмѣяться въ волюшку, чрезъ ихъ остроумныя, оригинальныя выдумки... Что скажешь теперь, любезный Сидоръ Карповичь? не убѣжденъ ли ты сегодня въ справедливости сужденій моихъ?... Не увидѣлъ ли ты нынѣ на самомъ опытѣ того, что я давно предсказалъ тебѣ?... Почти со всѣхъ концевъ Имперіи прискакали, нагрянули молодцы — одинъ другаго интереснѣе: они атаковали, замучили меня своимъ усердіемъ. Кому-жъ нельзя было явиться лично, тотъ удостоилъ хотя посланіемъ. Не угодноль послушать, что пишутъ мнѣ?...

Любимовъ.

Ахъ, я желалъ бы прежде услышать приговоръ моей участи!... Вамъ извѣстны уже и чувства мои, и намѣренія, и пламенная — чистѣйшая любовь моя къ....

Строгодумовъ.

Погодите-ка вы съ своей любовью, и позвольте мнѣ, старику, прочесть письмо сіе!

Софія (*Любимову*).

Не будемъ мѣшать, — вооружимся терпѣніемъ!

Здравосудовъ (*къ Строгодумову*).

А отъ кого это, Дорофей Галактіоновичь?

Строгодумовъ.

Вотъ увидимъ! — (*читаетъ съ остановками*) »Хотя я не имѣю удовольствія быть знакомымъ лично, но повсюду распространившаяся молва о вашемъ добродѣтельномъ подвигѣ, объ интересной публикаціи и о достоинствахъ прелестной Феклы Сидоровны, которую благодѣтельная природа щедро осыпала неувядаемыми цвѣтами надежныхъ и прочныхъ даровъ своихъ, — какъ бы по влеченію волшебной, таинственной симпатіи... уже приковали и къ ней и къ вамъ мое страстное сердце крѣпчайшими и неразрывными узами«..... Прекрасно! — (*продолжаетъ читать*) »А потому предлагая ей мою руку, я васъ прошу покорнѣйше увѣдомить меня рѣшительно о вашемъ на то согласіи, или отказѣ; и въ случаѣ перваго, дабы я могъ скорѣе окончить сдачу ввѣреннаго мнѣ полка и за тѣмъ упасть къ ногамъ милой невѣсты, прошу прислать мнѣ немедленно пятидесятъ тысячъ рублей, каковыя деньги я обѣщаю возвратить вамъ въ теченіи одного мѣсяца послѣ свадьбы... Впрочемъ имѣю честь быть

всегда вашимъ усерднѣйшимъ слугою Фалалей Задолжаловъ.« — Что, каковъ молодчикъ?

Здравосудовъ.

О, этотъ превосходнѣе всѣхъ прочихъ: это не женихъ, но кладъ, сокровище! Какой проницательной умъ, какая разборчивость, какой отличной расчетъ у г. Задолжалова! Не видавъ въ глаза дѣвицы, за нѣсколько тысячъ верстъ, онъ пораженъ уже ея достоинствами, влюбился и готовъ вѣнчаться съ нею... Дабы же скорѣе достигнуть сего счастія, онъ хочетъ изъ вашего кармана пополнить всѣ недостающія въ полку его вещи, и потомъ получивъ приданое, вашими же деньгами уплатить вамъ долгъ свой. Вѣдь нехитрому же разуму не выдумать и въ вѣкъ столь искуснаго оборота коммерческаго.... И не должна ли дочь моя гордиться такой образцовой находкою?...

Строгодумовъ.

Ты шутишь, другъ мой, смѣешся! - а я торжествую, доказавъ тебѣ, что нынѣ всѣ женихи ищутъ не женъ, а приданаго.

Любимовъ.

Но, ради Бога, исключите хотя меня изъ сего правила! Мнѣ не нужно ничто, кромѣ Софіи: она одна замѣнитъ мнѣ всѣ блага, всѣ драгоцѣнности земнаго міра...

Строгодумовъ.

Положимъ, что она въ правду вамъ нравится; однако-жъ не думаете ли вы, что я имѣвши значительной капиталъ, не промину

придать кое-что къ ней, не смотря на публикацію?..

Здравосудовъ.

Да! — почему не влюбились вы въ дѣвицу бѣдную, коей отецъ не имѣлъ бы ни какого состоянія? Почему избранная вами есть дочь богатаго помѣщика?—Если вы не иншересанпъ подобный прочимъ, то для чего....

Любимовъ.

Перестаньте терзать меня такими вопросами, и вспомните только, что взглянувъ нечаянно, въ первый разъ въ жизни, на милую Софію, не звавъ тогда ни богатства ея, ни рода, ни даже имени, — я въ ту же минуту ничего не думая, не расчитывая, отдалъ ей сердце мое и поклялся любить до гроба!..

Софія.

Такъ! — сіе то роковое мгновеніе рѣшило судьбу мою. И я не зная также кто онъ, невольно всмотрѣлась въ глаза его, видѣла съ неизъяснимымъ удовольствіемъ, что обращаясь на меня, они наполнялись примѣтнымъ чувствомъ и пламенемъ, что вся душа его переселялась, казалось, въ нихъ, чтобы выразить лучше любовь его... Ахъ! съ сей незабвенной минуты исчезла свобода моя и спокойствіе. Пусть цѣлой свѣтъ винитъ меня за сіе признаніе! Пусть назовутъ меня вѣтренною, опромѣтчивою! — Но я не въ силахъ уже повелѣвать моими чувствованіями... и потому прошу, умоляю васъ, дражайшій па-

пинька! не разлучать насъ, не дѣлать на всю жизнь несчастными.

Любимовъ.

Будьте отцемъ моимъ, благодѣтелемъ! — Не отриньте принять меня въ ваше семейство! — Не погубите, — не погубите меня!....

Строгодумовъ.

Довольно! — Я вижу, что или по сдѣланной уже привычкѣ, или можетъ быть и отъ истинной привязанности, вы изъясняетесь очень горячо и убѣдительно; но за всѣмъ тѣмъ, дабы въ послѣдствіи времени вы не имѣли причинъ жаловаться на меня, дабы не сказали, какъ часто водится, что я обманулъ васъ: то я повторяю вамъ еще разъ, что кромѣ необходимой одежды и обуви, я не даю, да и никогда не дамъ ничего за моей дочерью.

Любимовъ.

И даже безъ того, и безъ всего формально, мнѣ будетъ равно мила, равно безцѣнна нѣжнѣйшая подруга души моей!

Здравосудовъ.

Но чѣмъ вы будете содержать ее, когда ни Дорофей Галактіоновичь, ни мать ваша...?

Любимовъ.

Послушайте! Я молодъ, здоровъ и на службѣ, — такъ мнѣ не должно бояться бѣдности. Я увѣренъ притомъ, что моя Софія не потребуетъ никогда чего я не въ силахъ доставить ей!..

Софія.

О, милый другъ мой! — Послѣдній кусокъ черстваго, даже соломеннаго хлѣба, раздѣленный съ тобою, будетъ для меня и слаще, и пріятнѣе всего того, что я могла-бъ имѣть безъ Эраста...

Строгодумовъ.

Я восхищаюсь твоими романтическими мечтаніями; но прежде, чѣмъ узнаешь ты о моемъ приказаніи, мнѣ нужно поговорить съ тобой глазъ-на-глазъ, безъ свидѣтелей: — и для того ступай тотчасъ за мною! *(уходитъ)*

Софія.

Ахъ, повинуюсь, повинуюсь! — *(Эрасту)* До свиданія, Эрастъ мой! *(уходитъ)*

Любимовъ.

О люди безчувственные, сердца холодныя!... *(оглянувшись)* Провалъ тѣ возьми! Не досадно-ли? — еще новое чучело хромаетъ сюда!

ЯВЛЕНІЕ X.

Здравосудовъ, Любимовъ и Людоморовъ.

Людоморовъ *(одѣтый шутовски, съ дорожной за плечами аптечкой)*.

Мое почтеніе! Все-ли вы въ добромъ здоровьи, Сидоръ Карповичь?

Здравосудовъ.

А! — г. Людоморовъ! — *(кланяются другъ другу)*

Любимовъ *(въ сторону)*.

Людоморовъ? Безъ сомнѣнія лѣкарь! Признаюсь и прозваніе, и самая фигура кстати.

Здравосудовъ.

По какому нечаянному случаю?...

Людоморовъ.

Нѣтъ, почтеннѣйшій мой! не по случаю, не нечаянно; но нарочно, нарочно, прямешенько къ вамъ изъ Столицы, по двумъ причинамъ, весьма важнымъ....

Здравосудовъ.

Мы очень рады столь рѣдкому, дорогому гостю; но какія же причины тѣ?

Людоморовъ.

Внимайте! — Primo: у васъ есть больной, котораго изувѣчили лошади; secundo: здѣсь обитаетъ предостойная дѣвица, Фекла Сидоровна. Consequenter: какъ скоро узналъ я, что здѣсь необходимо медицинское пользованіе: то, по моему чрезмѣрному человѣколюбію, я поспѣшилъ сюда, дабы тотчасъ же подать оное...

Любимовъ.

А кто больной сей? — позвольте спросить васъ!

Людоморовъ.

Какой-то проѣзжій офицеръ, — Любимовъ, если я не ошибаюсь въ фамиліи.

Любимовъ.

Быть можетъ! ошибки докторамъ свойственны....

Здравосудовъ.

Но, на сей разъ, вы совершенно правы: это дѣйствительно Любимовъ, и онъ предъ вами!

Людомоpовъ.

Такъ, sine dubio! О, любезнѣйшій паціентъ мой! Лишь я взглянулъ на васъ, то и угадалъ немедленно и причину, и дѣйствія, и дурныя послѣдствія случившагося съ вами потрясенія и разстройства во всѣхъ фибрахъ, артеріяхъ, во всей конструкціи вашего корпуса...

Любимовъ.

Но я здоровъ совершенно и потому ваше пособіе не нужно мнѣ.

Людомоpовъ.

Это такъ вамъ кажется сначала, въ горячности, но въ самой вещи *(взявъ его за руку)* вашъ пульсъ не имѣетъ обыкновеннаго біенія: онъ слишкомъ быстръ, неровенъ; вашъ организмъ въ безпорядкѣ; ваша кровь воспламенена до чрезвычайности... Не чувствуете ли вы здѣсь — въ сердцѣ особеннаго жару, то есть: инфламаціи?

Любимовъ.

Отчасти угадали вы...

Здравосудовъ.

Точно, точно такъ, г. докторъ!

Людомоpовъ.

Но покажите языкъ, дабы я могъ лучше разсмотрѣть всю вашу внутренность...

Любимовъ.

Прошу увольнить меня отъ сего испытанія.

Людомоpовъ.

Нельзя же иначе; — но впрочемъ, если вамъ то не угодно, то для меня довольно и пульса. Ita, ita, verum est государь мой! — я постигнулъ уже всѣ припадки, всѣ параксизмы, всѣ кризисы вашей прошедшей, настоящей и будущей болѣзни и, дабы предупредить и уменьшить зло при самомъ его рожденіи, я сдѣлаю сейчасъ же для васъ микстуру преполезную... *(кладетъ сумку свою на столъ, вынимаетъ разныя бутылочки и приготовляетъ лѣкарство)* А вы между тѣмъ ложитесь въ постель, чтобъ успокоиться! — Повѣрьте! принявъ микстуру сію, не болѣе пяти дней страдать вамъ, и потомъ вы почувствуете весьма замѣтное облегченіе.

Любимовъ.

Не нужно ли прежде пустить вамъ кровь, г. Людоѣдовъ.

Людомоpовъ.

Го, го! Сидоръ Карповичь! вы слышите: онъ начинаетъ уже бредить, заговариваться; но еще и не то будетъ съ нимъ, если не поспѣшимъ съ медикаментами. Къ счастію я приготовилъ уже все, что слѣдуетъ *(подавая склянку)* Извольте-ка выпить бальзамъ сей, только залпомъ, до дна, безъ остатка!...

Любимовъ.

Не лучше ли вамъ самимъ хлебнуть его?

Здравосудовъ.

Гдѣ же видѣли вы, чтобы докторъ пилъ то, что предназначилъ больнымъ своимъ?

Любимовъ.

Но я не болѣнъ, такъ для чего-жъ и мнѣ морить себя лѣкарствами?

Людоморовъ.

Горячка усиливается — и я боюсь, чтобъ не обратилась въ delirium, mania, то есть: въ сумасшествіе. Возьмите же проворнѣе! — говорю вамъ.

Любимовъ.

Ну, такъ и быть, пожалуйте! — *(взявъ склянку)* Теперь, чтобы убѣдить васъ еще болѣе въ моемъ сумасшествіи, я васъ заставлю откушать отъ собственныхъ трудовъ вашихъ. Повинуйтесь же!... *(одной рукой беретъ его за голову, а другою вливаетъ ему въ ротъ микстуру).*

Людоморовъ *(кричитъ)*.

О Deus, o sanctus, o Esculapius! — Ухъ, ухъ, помилуй, спаси меня, не дай проглотить ни капельки *(сплевываетъ)*!

Здравосудовъ (*Любимову*).

И — полноте! какъ вамъ не стыдно такъ пугать его?

Любимовъ.

А что, не понравилось? — Вѣрно съ мышьякомъ, или сулимою? Прощайте же! вѣчная память вамъ, г. Людоѣдовъ! — *(убѣгаетъ)*

ЯВЛЕНІЕ XI.

Здравосудовъ и Людоморовъ.

Людоморовъ (*сплевывая*).

Тьфу, тьфу, атьфу! О страхъ! Нѣкоторая частица попала въ ротъ, и даже въ горло. Ну, хорошо же, что я взялъ съ собою про случай медикаментъ, противный прежнему. Надо скорѣе запить, чтобъ уничтожить дѣйствіе перваго; а то можно пропасть не за денежку, и самому быть приномъ орудіемъ своего разрушенія! О, это ужасно, terribile! (*пьетъ изъ другой бутылочки*).

Здравосудовъ.

Что вы расказываете, г. Людоморовъ? Не ужели то лѣкарство было ядовитное? — Какъ же можно было предлагать другому?

Людоморовъ (*сердито*).

Милостивый государь, Сидоръ Карповичь! Если бы вы имѣли, какъ я, тончайшее, глубочайшее понятіе о всѣхъ спеціяхъ: то для васъ было бы очевидно и ясно, что дѣйствіе каждой тинктуры, катаплазма, левантивумъ и тому подобнаго, зависитъ наиболѣе отъ темперамента, лѣтъ и здоровья человѣческаго и отъ расположенія духа, съ каковымъ принимаютъ оныя. Ergo — что было бы полезно Любимову, то можетъ быть вредно Людоморову, особливо же, когда я выпилъ насильно съ неспокойной, испуганной душею. Теперь вы разумѣете, не такъ-ли?

Здравосудовъ.

Благодарю за объясненіе. А то мнѣ пока-

залось было сначала довольно странно, удивительно и Богъ вѣсть что . . .

Людоморовъ *(важно)*.

О медикѣ и о способахъ лѣченія ни кто не можетъ и не смѣетъ судить, кромѣ медика. Прошу замѣтить сіе коренное, положительное правило.

Здравосудовъ.

Слушаю! Впередъ буду умнѣе и разборчивѣе.

Людоморовъ.

То-то же! Но оставимъ на мигъ медицину и обратимся къ другому предмету, не менѣе важному! Скажите почтеннѣйшій! справедлива ли интересная публикація, напечатанная въ N 90-мъ газетъ Московскихъ?

Здравосудовъ.

Я думаю, если бы не правда: то не было бы ни какой надобности публиковать о томъ.

Людоморовъ.

Такъ, правдоподобно, probabile! — Однако-жъ позвольте спросить васъ: все оное имущество г Строгодумова поступитъ вашей дочери по смерти его, или же прежде? Какая именно частица выдѣлится сейчасъ же, при замужествѣ? Какіе сдѣланы акты и документы въ пользу невѣсты и жениха ея? Гдѣ, какимъ образомъ, то есть: по домашнему ли — при стороннихъ свидѣтеляхъ, или надлежащимъ порядкомъ въ присутственномъ судебномъ мѣстѣ заявлены и стверждены оные? — Нельзя ли мнѣ теперь же показать ихъ? . .

Здравосудовъ.

Прежде отвѣта на всѣ ваши вопросы, спрашиваю также: на что вамъ знать подробности сіи?

Людоморовъ.

Отвѣтствую: я человѣкъ откровенный, безъ всякаго притворства, лукавства и хитрости; къ тому же я ни какой-нибудь вертопрахъ, подобный — напримѣръ — военнымъ офицерамъ, кои часто влюбляются и женятся, не зная сами для чего, для какой пользы и прибыли... Нѣтъ! я уже не молодъ, — мнѣ за сорокъ, меня не проведутъ, какъ воробья, на мякинѣ: — и потому, если я вздумалъ вступить въ законное супружество, то это должно быть распоряжено какъ слѣдуетъ — солидно, фундаментально, обдуманно и прочно!

Здравосудовъ.

Вы очень осторожны, г. Людоморовъ! Но кто же та счастливица, которую вы могли удостоить вашимъ выборомъ?

Людоморовъ.

Еще не скажу вамъ рѣшительно: для меня все равно, idem per idem — иль та, или другая. — Не въ персонѣ счетъ и важность, а въ томъ, что къ ней прибавляется... Это прецентъ неоспоримый, которому и я, и всѣ люди съ умомъ должны послѣдовать. Однакоже, чтобы не солгать предъ вами, я объявляю, что покамѣстъ всѣ мои мысли и желанія стремятся къ одной вашей дочери.

Здравосудовъ.

Какъ! къ моей Феклѣ? — Вы шутите!..

Людомоpовъ.

Не шутка, но сущая veritas, любезнѣйшій отецъ мой, Сидоръ Карповичь! Тутъ нѣтъ ничего невозможнаго и удивляться нѣчему.

Здравосудовъ.

Да видѣли ли вы хотя одинъ разъ невѣсту свою?

Людомоpовъ.

Признаться — нѣтъ еще; но я надѣюсь, что вы представите мнѣ ее современемъ; я увѣренъ, что вы не захотите мѣшать въ семъ дѣлѣ: ибо вы знаете, что такихъ жениховъ, какъ я, найдется немного въ свѣтѣ... Я не уродъ, въ чинахъ, съ образованіемъ, съ достаткомъ, не вѣтрогонъ, не картежникъ, не пьяница, а притомъ имѣю вѣчный хлѣбъ въ рукахъ моихъ и изумляю и всѣхъ и все моею отличною практикою. Чего-же не достаетъ во мнѣ, чтобы быть интереснымъ для всякой не глупой дѣвушки? — *(подходитъ къ зеркалу, охорашивается и дѣлаетъ гримасы)*

Здравосудовъ.

О, о! вы понравитесь на-вѣрное. А это только и нужно, чтобы жениться на моей дочери: ибо ей дана полная воля въ выборѣ себѣ мужа.

Людомоpовъ.

Вотъ это уже напрасно, почтеннѣйшій! — Молодыя дѣвушки не должны выбирать, а идти за того, кого отецъ укажетъ имъ. Вы согласитесь, что у нихъ самое первое достоинство красота, фигура, ловкость и другіе пустяки подобные. — *(посмотрѣвъ на ча-*

сы) Однако я слишкомъ заговорился съ вами; мнѣ-жъ всякая минута не дешева...

Здравосудовъ.

Что-же угодно вамъ? или хотите, чтобы я отрекомендовалъ васъ немедля вашей невѣстѣ?

Людоморовъ.

Такъ-съ, такъ-съ, ita! — Но я желалъ-бы прежде удостовѣриться, разсмотрѣть документы и планы, узнать нѣтъ-ли въ чемъ недостатка, сколько именно наличныхъ всего и земли въ деревняхъ тѣхъ, дадутъ-ли при томъ наличной капиталецъ, модной экипажъ, порядочныхъ лошадей, хомуты, ливреи, et cetera, et cetera....

Здравосудовъ.

Это вы все можете узнать подробно отъ г. Строгодумова.

Людоморовъ.

Пойдемте-жъ, высокопочтеннѣйшій мой! прежде къ нему, и потомъ уже къ моей любезной...

Здравосудовъ.

Извольте! я провожу васъ.

Людоморовъ (*въ сторону*).

Начало безподобное; но finis coronat opus, говорятъ ученые. — (*Здравосудову*) Идемъ же, идемъ поспѣшнѣе! (*уходитъ, хромая за Здравосудовымъ*).

КОНЕЦЪ III-го ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ IV.

(Комната та-же).

ЯВЛЕНІЕ I.

ЦАПЦАРАПКИНЪ ОДИНЪ.

ЦАПЦАРАПКИНЪ *(въ одной рукѣ держитъ бумаги, а въ другой стаканъ съ пуншемъ).*

На-силу ускользнулъ онъ вышерѣченныхъ шалуновъ пѣхъ. За ихъ проказами и пустословіемъ не успѣешь ни выпить, ни обдумать, ни сочинить порядочно . . . Кажись, здѣсь пѣтъ ни единаго: и того для, на просторѣ, подкрѣпимъ умъ нашъ цѣлебнымъ составомъ симъ *(пьетъ)*, а въ слѣдъ за тѣмъ окончимъ необходимую для насъ меморію! . . *(садясь за столикъ, пишетъ наскоро карандашемъ и въ слухъ читаетъ:)* Во первыхъ, подать челобитныя по формѣ на мадаму Пуакру, на Феклу Сидорову Здравосудову и на Софію Дорофѣеву Спрогодумову, за причиненіе сирѣчь побоевъ, увѣчій и ругательства; — во вторыхъ, таковую же на г. Здравосудова, за подозрѣніе въ лихоимствѣ и сребролюбіи и за оказанное послабленіе и помощь моимъ обидчицамъ; — въ третьихъ, таковую же на г Полковника Спрогодумова, за данную, то есть, пощечку и за отверженіе трудовъ и услугъ моихъ; — въ четвертыхъ, искъ уголовный на драгунскаго капитана Собачникова, за намѣреніе и посягательство на жизнь мою; — въ пятыхъ, таковый же на дворянина Моднѣйкина, за убіеніе меня пистолетнымъ выстрѣломъ, и прочая; — въ шестыхъ, доносъ на

уланскаго офицера Любимова, за... за что бышъ? — Да, да! за умышленное оставленіе меня въ рукахъ убійцы Собачникова; — въ седьмыхъ, шаковый же доносъ на помѣщиковъ Шестеркина и Ремизкина, за непозволительное упражненіе въ азартныхъ играхъ; — въ восьмыхъ.... Но я слышу шумъ — опять помѣшательство!...

ЯВЛЕНІЕ II.

Цапцарапкинъ и Лиза.

Лиза.

Что вы изволите дѣлать здѣсь, г Цапцарапкинъ? *(подходя къ столу)* Да что это у васъ за бутылочки, порошки, пузырки и скляночки?

Цапцарапкинъ.

Всѣ оныя вещи вѣроятно хозяйскія, и я не присвою себѣ чужой собственности ни для чего на свѣтѣ, развѣ по приговору суда, по обряду узаконенному.

Лиза.

Шутки въ сторону! — У насъ не было никогда подобной дряни; мнѣ-жъ наскучитъ безпрестанно прибирать за каждымъ. Укладывайте-ка сами товаръ свой, пока не пришли господа мои!

Цапцарапкинъ.

Изрядно, моя голубушка! Какъ бышъ тебя по отчеству и прозванію?

Лиза.

Елисаветъ Герасимовна Пройдохина, сударикъ мой!

Цапцарапкинъ (*пишетъ и читаетъ*).

Въ восьмыхъ, на нее, здѣ именованную, за подозрѣніе — дескать — въ подлогѣ въ домъ чуждый вещицъ разнаго рода; — въ девятыхъ, на весь домъ и дворъ сей, и на вся обитающая въ ономъ, за не соблюденіе досподолжной дисциплины, чистоты нравовъ и благочинія; въ десятыхъ....

Лиза.

Въ десятыхъ, одинадцатыхъ, и такъ далѣе. Перестаньте-ка лучше марать бумагу, и ступайте тотчасъ къ мадамѣ Пуакръ и къ Феклѣ Сидоровнѣ, кои приказали мнѣ позвать васъ для какого-то совѣщанія.

Цапцарапкинъ (*вскочивъ*).

О, радость неожиданная! — Они восхотѣли, говоришь ты, со мной посовѣтоваться; а объ какомъ-бы то дѣльцѣ?

Лиза.

Да почему же мнѣ знать то?

Цапцарапкинъ.

Ты, какъ проворная и умная, и расторопная дѣвственница, безъ сомнѣнія что-нибудь подсмотрѣла, подслушала: а посему я прошу всенижайше, моя благовѣстница...

Лиза.

Я слышала только, что наша барышня спорила долго съ Дорофѣемъ Галактіоновичемъ,

потомъ сердилась, кричала, плакала и наконецъ велѣла мнѣ проводить васъ тайкомъ въ ея комнату.

Цапцарапкинъ.

Преудивительно! — *(подумавъ)* Не можетъ статься, чтобъ было иначе!.. Мои догадки завсегда не ошибочны, завсегда сбываются... Блаженная мысль мнѣ пришла въ голову!... Скажи мнѣ откровенно, моя красоточка! могу ли на примѣръ я, я, съ моей преважною фигурою, содѣлаться пріятнымъ, сирѣчь: плѣнить и тронуть дѣвицу толико безподобную?

Лиза *(кокетствуя)*.

О, вы довольно милы! Вамъ не трудно....

Цапцарапкинъ.

Не ужели, душа моя? Ахъ! сколь же прискорбно и горько мнѣ, что не умѣю изъясниться по любовному.

Лиза.

Такъ я научу васъ, если позволите.

Цапцарапкинъ.

Весьма обяжешь, весьма одолжишь, моя преизъящная!

Лиза.

Смотрите-жъ! — Какъ скоро вы увидите предметъ вашъ, положимъ, что я вмѣсто онаго! — то вдругъ, съ особеннымъ жаромъ и примѣтнымъ чувствомъ, вы начинаете говорить....

Цапцарапкинъ.

О, прекраснѣйшая моя наставница! не

о томъ я просилъ тебя: говорить и самъ я не плохой мастеръ, въ карманъ за словцемъ не лазить мнѣ. Но я не вѣдаю токмо порядка и правилъ, каковыми подобаетъ руководствоваться въ сердечныхъ казусахъ, то есть: какъ должно выступить, поклонишься, или бить челомъ, и прочая...

Лиза.

Я могу показать вамъ все сіе въ одну секунду.

Цапцарапкинъ.

Такъ сдѣлай же для меня пожалуйста таковую велію и пребогатую милость!

Лиза.

Ну-ну, хорошо, замѣчайте-жъ! — *(отходитъ къ дверямъ, потомъ приближается съ ловкостію, кланяется, шаркаетъ, дѣлаетъ разные жесты и строитъ глазами куры)* Теперь ваша очередь, мой дорогой Секретарчикъ!

Цапцарапкинъ.

По видимому: удобопонятно и легко, — и я тотчасъ!... *(повторяетъ то же, что дѣлала Лиза, только шутовскимъ образомъ)* А что, каковъ я?

Лиза.

Не кавалеръ, а золото, иль лучше сказать прямое чудо.

Цапцарапкинъ.

Но далѣе какая форма?

Лиза.

Потомъ упасть къ ногамъ любезной.

Цапцарапкинъ.

Сирѣчь: вотъ какъ! — *(падаетъ ницъ)* Не правда - ли?

Лиза.

Хи, хи, хи! — Гдѣ же видано, чтобы ложиться предъ дѣвицею?

Цапцарапкинъ (*вставая*).

Упасть къ ногамъ — сказала ты, — и я исполнилъ сіе въ точнѣйшемъ, буквальномъ смыслѣ.

Лиза.

Но нашему смыслу это значитъ: стать на колѣна.

Цапцарапкинъ.

Ну, такъ и говорила бы, смотри же! — *(падаетъ разомъ на оба колѣна)* Хорошо ли?..

Лиза.

Опять не такъ: не на оба, но на одно лишь, на лѣвое!

Цапцарапкинъ.

О, Создатель мой! Колико трудна есть наука полюбовная! *(становится на лѣвое колѣно и шатается).*

Лиза.

Прекрасно! — Не шатайтесь же, стойте твердо, глаза поднимите вверхъ, а руку къ сердцу! — *(Секретарь исполняетъ сіе)* Вотъ теперь фигура настоящая! Осталось только.... *(дергаетъ его за воротникъ).*

Цапцарапкинъ (*падая*).

Что-же, что еще?

Лиза.

Бѣжать опромѣтью къ моей барышнѣ, и не забыть урока. *(уходитъ)*

Цапцарапкинъ *(вставая)*.

Въ одинъ моментъ явлюся къ ней, лишь дай поправиться и прифранчиться передъ зеркаломъ! *(поправляетъ галстукъ, жилетъ, волосы и прочее)*

ЯВЛЕНІЕ III.

Цапцарапкинъ и Фекла.

Фекла.

Quelle honte, monsieur Цапцарапкинъ! Я прошу, ожидаю васъ, а вы вздумали между тѣмъ заняться туалетомъ своимъ и кувыркаетесь спокойно предъ зеркаломъ. Не стыдно-ль вамъ такъ мепризировать мною? Или вы не боитесь, что я отплачу вамъ affront сей?

Цапцарапкинъ *(струся)*.

Милостивый государь .... милостивѣйшая государыня, почтенно-драгоцѣннѣйшая Фекла Сидоровна!.. Я хотѣлъ прежде приготовиться, чтобъ не отступить отъ урядоваго образца и обычая... Но *(пріосамясь)* я готовъ уже. Какъ бышъ? Да, да, такъ точно! Кажись, все сотворю и содѣлаю по изданной формѣ.... *(бѣжитъ къ дверямъ и подходитъ къ Феклѣ, какъ прежде сказано, дѣлая предъ нею разныя смѣшныя тѣлодвиженія)*

Фекла.

Que signifie cela? — Не бѣлины-ль объѣлись вы?

Цапцарапкинъ *(упавъ на оба колѣна).*

Нѣтъ, нѣтъ, не такъ, а вотъ какъ! — *(поправляется и становится на одно)*

Фекла.

А! вы хотите играть комедію, чтобы разсмѣшить меня. Continuez, continuez, продолжайте!

Цапцарапкинъ *(прижавъ лѣвую руку къ сердцу, вздыхаетъ, и потомъ съ чувствомъ:)*

О, зерцало мое пресвѣтлое! О, президентъ всѣхъ моихъ тяжбъ и хотѣній! Внемли прискорбному гласу раба твоего—всеусерднѣйшаго челобитчика! Услышь экстракшецъ дѣльца сердечнаго! Положи милосердную резолюцію на мое прошеньице! Изреки приговоръ твой надо мною окаяннымъ и повели учинить и конфирмацію, и самое исполненіе оной, согласно съ челобитною! . .

Фекла.

Parbleu! — что за галиматья такая?

Цапцарапкинъ.

Хотя и балбесъ я; но понеже въ волѣ твоей жизнь и смерть моя, понеже ты властна осудить и оправдать истца твоего: то буди, аки судія праведный и добродушный, милосердна въ твоихъ рѣшеніяхъ! Заключи журналъ обо мнѣ такого содержанія, чтобы азъ, нижеименованный Цапцарапкинъ....

Фекла.

Нельзя-ль по кратче и выразительнѣе?

Цапцарапкинъ.

Яко ближайшій и кровный наслѣдникъ по прямой линіи, имѣлъ бы свободный, непрекословный доступъ къ твоему имѣнію, то есть: пользовался бы всѣми доходами, всѣми акциденціями палаты прелестей и управлялъ бы не ограниченно всею конторою твоего нѣжнѣйшаго сердца! . .

Фекла.

Встаньте-ка лучше! Ваше объясненіе шокируетъ слухъ мой и мнѣ уже наскучило.

Цапцарапкинъ (*вставая*).

Уфъ!.. Еще одно лишь мгновеніе! — и я изложу вкратцѣ, по истинѣ, безъ всякихъ утаекъ и прибавленій, какъ предъ лицемъ самаго Губернатора, какъ предъ Прокуроромъ души моей, все то, въ чемъ состоитъ сила заведеннаго съ тобой процесса.

Фекла.

Гдѣ вы научились болтать такими фразами? Это не по-Русски, а по-Татарски, что ли?

Цапцарапкинъ.

По-Русски, ей, ей, по-Русски, — прошу прислушаться!—Вышерѣченный процессъ мой къ тому наклоненъ суть, чтобы въ настольномъ регистрѣ твоемъ было записано имя и чинъ твоего вѣрнѣйшаго служителя; чтобы, составивъ протоколъ моихъ желаній, ты повседневно читала бы въ ономъ . . .

Фекла.

Я не читаю ничего, кромѣ Journal de mo-

des изъ Парижа; а вамъ совѣтую замолчать и быть учтивѣе . . .

Цапцарапкинъ (*съ жаромъ*).

О, архивъ всѣхъ моихъ надеждъ, и радостей, и всѣхъ страданій! — Я протестуюсь моими пинтулами, бью челомъ у самыхъ ногъ твоихъ, переношу аппелляціонную жалобу въ сенатъ сердечный и прошу всепокорнѣйше, безъ всякой проволочки и отлагательства, скрѣпить о мнѣ опредѣленіе.

Фекла.

Опредѣленіе такое, что вы отличной fou, и достоинъ быть dupe.

Цапцарапкинъ.

Дюкъ! — то есть: Герцогомъ. За таковое лестное мнѣніе и въ рангѣ повышеніе, я готовъ истощить всю жизнь мою, даже до послѣднѣйшаго воздыханія, на то единственно, чтобъ быть повѣреннымъ, ходатаемъ и стряпчимъ во всемъ, что касается вразсужденіи тебя, моя всемощная, пресвѣтлѣйшая и прелюбезнѣйшая повелительница!

Фекла.

Да! — я хочу и въ правду нанять васъ повѣреннымъ въ дѣлахъ моихъ; но видя, что вы слишкомъ разгорячены теперь, велю прежде принесть стаканъ холодной воды, чтобы прохладить chaleur вашъ. (*уходитъ*)

Цапцарапкинъ.

О, побѣдительница моя, чародѣйница! — И такъ я прикованъ уже на-вѣки къ твоей

колесницѣ торжественной. Слѣдовательно я бѣгу, бѣгу, лечу, порхаю, за-всегда, по всюду и всюду, по стопамъ твоимъ. *(убѣгая, опрокидываетъ столъ съ лѣкарствами).*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Строгодумовъ, Лиза и Максимъ.

Строгодумовъ.

Что я вижу? — Эй люди, люди!

Лиза и Максимъ (*вбѣгая*).

Чего изволите, баринъ?

Строгодумовъ.

Нельзя-ли вамъ смотрѣть лучше за порядкомъ въ комнатахъ? И что это значитъ? — столъ опрокинутъ, весь полъ усѣянъ стеклами, тамъ валяется кожаной мѣшочекъ. Кто же, кто надѣлалъ тутъ кутермы такой?

Лиза.

Не мы виноваты, сударь! но вашъ гость — Цапцарапкинъ.

Максимъ.

Право, баринъ! мы убрали было все по мѣстамъ, прекрасно, баринъ!

Лиза.

Но секретарь тотъ нанесъ сюда разныхъ бутылочекъ, разложилъ ихъ на столѣ, самъ усѣлся за оными, — и когда я просила его собрать свои вещи, то онъ началъ еще бра-

ниться и увѣрять, что это все хозяйское; потомъ, когда пожаловала сюда же и Фекла Сидоровна....

Строгодумовъ.

Ну, такъ! — Вѣрно она, желая вновь досадить ему, побила нарочно стекло сіе, не разсуждая о томъ, что онъ сдеретъ за оное по-крайней мѣрѣ въ десятеро. Однако-жъ, какъ-бы то нибыло, выбросьте всё вонъ, а сумку оставьте здѣсь, чтобы возвратить обратно.

Максимъ (*собирая стекло*).

Слушаю, баринъ! — Кабы позволили, баринъ! проводить его отселѣ, какъ велѣли мадама и барышня....

Лиза (*исполняя тоже*).

Да нынче и онѣ ужъ что-то сдружились съ нимъ, и все по угламъ перешептываются...

Строгодумовъ.

Не твое дѣло судить о томъ. Проворнѣй-же!

Максимъ.

Ужъ все до крошки, баринъ! — (*уходитъ*)

Лиза (*уходя*).

Вѣдь онъ любитъ брать хабари, такъ отнесть ему хоть это въ подарокъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Строгодумовъ и Здравосудовъ.

Строгодумовъ.

Признаться: этотъ вечеръ уже надоѣлъ мнѣ!... Почти поминутно являются новыя лица, одно другаго несноснѣе. (*увидя Здравосу-*

дова) А, кстати! Куда-же дѣвалъ ты самаго интереснаго изъ нашихъ женишковъ — Людоморова?

Здравосудовъ.

Проводилъ его къ прочимъ гостямъ, кои столь обрадовались его явленію, что попросили тотчасъ по новому пуншу, чтобы выпить за его здоровье.

Строгодумовъ.

Вообрази, какъ онъ изумилъ меня и до какой степени безсовѣстенъ лѣкаришка сей! — Едва успѣлъ онъ войти въ комнату, какъ вдругъ началъ говорить мнѣ съ довольно забавнымъ педантизмомъ и важностію: »Clarissime domine! я пріѣхалъ сюда за тѣмъ, чтобы разсмотрѣть всѣ формальныя бумаги, относящіяся къ вашему имѣнію и къ бракосочетанію вашей наслѣдницы, и — если оныя найду для себя выгодными, то намѣреваю сегодня же познакомиться съ Феклой Сидоровной и ей предложить мою руку.« Я не нашелся, что отвѣчать на столь откровенное и безстыдное привѣтствіе. Скрывая съ трудомъ огорченіе и гнѣвъ мой, я просилъ у него хотя нѣсколько минутъ на размышленіе и послалъ его къ тебѣ, дабы скорѣе избавиться.

Здравосудовъ.

А я отдалъ его на потѣху удалой компаніи.

Строгодумовъ.

Повѣришь ли, другъ мой? что эти картежники, модники, собачники и прочіе, особ-

ливо нахальный врачь тотъ, уже отбили у меня всю охоту къ дальнѣйшимъ пробамъ.. Да мнѣ прійдется умереть прежде времени, если наши невѣсты не поторопятся замужествомъ: ибо всякой день будетъ лѣзть къ намъ всякая сволочь, — а все вѣдь не за ними, но за приданымъ ихъ! Такъ не должно ли думать, что нынѣ весь свѣтъ помѣшался на одномъ и томъ же пунктѣ?

Здравосудовъ.

Однако вы видѣли нынѣ-же одного любезнаго жениха, который не дорожилъ вовсе богатствомъ.

Строгодумовъ.

Прибавь еще: и одну невѣсту, которой я предлагалъ все мое имѣніе, если она откажется отъ любви своей и выйдетъ за того, кого я самъ назначу ей, — и которая отвѣчала мнѣ рѣшительно, что она не въ силахъ продавать своихъ чувствованій и желаетъ лучше не получить отъ меня ничего, кромѣ благословенія на бракъ съ Любимовымъ. Впрочемъ, замѣть, Сидоръ Карповичь! что сіи обѣ особы очень молоды, еще не бывали въ такъ называемомъ большомъ свѣтѣ: и потому еще не успѣли заразиться духомъ времени....

Здравосудовъ.

Духъ времени теперь не тотъ, какъ вамъ кажется.... Я клянусь вамъ моею честію, что наши соотечественники уже примѣтнымъ образомъ перестаютъ французить, отвыкаютъ отъ всего заморскаго и, по примѣ-

ру своего Августѣйшаго Монарха, который можетъ служить намъ найлучшимъ, драгоцѣннѣйшимъ образцемъ всѣхъ добродѣтелей, начинаютъ уже любить съ горячностію все родное, все Русское.... И такъ — не удивляйтесь, Дорофей Галактіоновичь! что вы встрѣтили въ сей вечеръ двѣ души не развращенныя, ищущія для брака одного только искренняго дружелюбія! — Не двѣ, но милліоны подобныхъ уже можно легко найти въ нашемъ православномъ отечествѣ...

Строгодумовъ.

Прежде, чѣмъ я буду отвѣчать тебѣ на сіе замѣчаніе, пойдемъ ко мнѣ въ кабинетъ, и тамъ поговоримъ на-единѣ: какимъ образомъ можно на-всегда избавиться всѣхъ нашихъ гостей, похожихъ на сегодняшнихъ.

Здравосудовъ.

Извольте! — Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не худо бы сочинить намъ: какъ отдѣлаться также отъ нашей Пуакръ и моей дочери, ибо и безъ всѣхъ гостей намъ не имѣть никогда покоя съ ними... *(Уходятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ VI.

Фекла и Модиѣйкинъ.

Модиѣйкинъ.

Mon ange! — я предчувствовалъ, что эти грубые старики не одобрятъ вашего выбора.. Ахъ! я боюсь, чтобъ вашъ нѣжной слухъ и здоровье не потерпѣли отъ ихъ крика и дерзостей...

Фекла.

N'importe, mon cher! — Одно ваше присутствіе, какъ-бы цѣлительной бальзамъ, спасетъ меня....

Модпѣйкинъ.

Vous meflatez toujours.

Фекла.

Non, non!

Модпѣйкинъ.

Ваше сердце до такой степени сострадательно,—такъ неужели оно будетъ нечувствительно только ко мнѣ, — къ серіозному предложенію: составить со мною партію? . .

Фекла.

Нѣтъ! я не могу имѣть сентиментовъ столь грубыхъ и, сказавъ однажды: parole d'honneur, я должна отдаться на всегда моему другу вѣчному. Но, mon coeur! — тебѣ извѣстно, что нѣкоторыя препятствія....

Модпѣйкинъ.

Ни какой obstacle не можетъ остановить васъ, если вы рѣшились вступить въ союзъ со мною . . .

Фекла.

Я согласна съ твоимъ мнѣніемъ, и готова пожертвовать всѣмъ, чтобы наслаждаться plus vite тѣми очаровательными картинами, которыя живописалъ ты въ глазахъ моихъ...

Модпѣйкинъ.

Pourquoi donc вы медлите? — За чѣмъ оставаться еще съ людьми, столь дикими? —

Или не возможно оставить тотчасъ же и ихъ и всю ту сволочь, которая собралась здѣсь? . . .

Фекла.

Я очень желала-бы; . . но какимъ же образомъ?

Моднѣйкинъ.

О, ma charmante amie! — Садись въ коляску мою, — и дѣло кончено! . . .

Фекла.

Такъ!—это вѣрнѣйшее средство! Я принимаю прожектъ твой, но съ однимъ только условіемъ . . . и надѣюсь, что ты сохранишь его . . .

Моднѣйкинъ.

Какой же condition тотъ? Чего боишся ты? Или тебѣ стыдно ѣхать ночью самъ-другъ съ женихомъ твоимъ? Узнай же, душа моя! что въ Парижѣ прогуливаются дѣвушки, во всякую пору, во всѣхъ экипажахъ, во всѣхъ мѣстахъ, не только съ будущими мужьями, но съ каждымъ кавалеромъ — для нихъ любезнымъ; и — какъ пріятны, какъ восхитительны, какъ сладостны бываютъ часто променады сіи! . . Ты сама не разъ испытаешь то, живя въ веселой Франціи . . .

Фекла.

Peut-être, peut-être, mon ame! — Но ты не понялъ меня: мнѣ вовсе не страшно то, о чемъ ты думаешь . . .

Моднѣйкинъ.

J'en suis charmé! — Чего же хочешь ты?

Фекла.

Здѣсь нельзя обойтись безъ соблюденія нѣкоторыхъ общихъ правилъ, или такъ называемаго приличія.

Моднѣйкинъ.

Не безпокойся о томъ нимало!

Фекла.

Но законъ здѣшняго обычая и моды меня осудитъ на-вѣрное, если я явлюсь только вдвоемъ съ тобою.

Моднѣйкинъ.

O mon plaisir! Кого-жъ еще нужно тебѣ? кого не достаетъ еще? . . .

Фекла.

Ecoutez! — Я все обдумала, какъ должно: у меня есть въ Москвѣ одна добрая, любезная пріятельница, Графиня Промотаалкина; ея домъ я могу считать своимъ собственнымъ: тамъ нѣтъ для меня ни этикетовъ, ни принужденія; давно уже поклялись мы открывать другъ другу всѣ наши секреты, всѣ желанія, и помогать одна другой во всякомъ случаѣ...

Моднѣйкинъ.

И такъ — мы ѣдемъ прямо къ ней, не правда-ли?

Фекла.

Oui, да! — Мы можемъ объявить ей смѣло о нашемъ намѣреніи, и я надѣюсь, что Ея Сіятельство съ величайшимъ удовольствіемъ возьметъ на себя трудъ заняться нашимъ счастіемъ; и какъ у ней въ Воскресенье зван-

ный балъ по билетамъ и ни кто не знаетъ еще по какому резону, то a propos! какой милой сюрпризъ она сдѣлаетъ своимъ гостямъ, когда представитъ имъ чету новобрачную и скажетъ, что этотъ балъ нарочно для нихъ... для свадьбы....

Модиѣйкинъ.

Ah, que vous étes sage, mon coeur! Какъ умно, какъ отлично, какъ прекрасно вы все обдумали!... Parconsequent, не теряя ни одного мгновенія, желая ускорить минуты взаимныхъ восторговъ и наслажденій...

Фекла.

Tout desuite, tout desuite, mon ange! — Чрезъ полчаса все будетъ готово и уложено, а ты вели закладывать лошадей своихъ!

Модиѣйкинъ.

Онѣ уже въ упряжѣ, на большой дорогѣ, за стѣною сада. Мы пойдемъ гулять въ немъ и вдругъ въ коляску, и вдругъ исчезнемъ и изумимъ всю компанію...

Фекла.

Хорошо! — Теперь не удивятся ли всѣ, узнавши, что я умѣю хитрить и проводить гораздо лучше и забавнѣе, нежели какъ думали....

Модиѣйкинъ.

Но сердиться на насъ не зачто: мы только избавимъ отъ хлопотъ и безпокойства свадебнаго, а послѣ возвратимся, разумѣется за тѣмъ, чтобы получить приданое, не такъ ли, n'est ce pas?

Фекла.

Sans doute, sans doute, mon cher! Однако-жъ, заговорившись, я и забыла отдать приказъ моей конфиданткѣ; я бѣгу къ ней немедля, и потомъ возвращусь къ гостямъ, дабы избѣжать подозрѣнія; а отколь, отколь и въ садъ, и далѣе . . . — *(уходитъ)*

Моднѣйкинъ.

Mon Dieu! И такъ мнѣ суждено получить преферансъ надъ всѣми обожателями . . . Но что, если я обманусь въ расчетахъ моихъ? — если не дадутъ за нею всего того, что обѣщано по публикаціи? *(подумавъ)* Non, non, c'est impossible! — Нельзя же шутить такъ съ людьми благородными! . . . Впрочемъ, надо выправиться тотчасъ-же: гдѣ экипажъ мой? *(уходитъ)*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Цапцарапкинъ и потомъ Людоморовъ.

Цапцарапкинъ *(поетъ)*.

Того-для помни-же науку:
Все то, что можно ухватить,
Лови, царапай, совай въ руку! —
Но такъ, чтобъ нельзя уличить . . . } 2.

Вотъ-какъ бывало въ благословенныя времена моей секретарской должности! — А нынѣшніе секретари? — О срамъ, о стыдъ, о поношеніе! — Они не соотвѣтствуютъ нимало своему званію . . . . *(подходя къ дивану)* Ба! — Эта сумочка пригодится ради бумагъ моихъ вмѣсто путевой портфели. *(Людоморовъ уви-*

дя, что Цапцарапкинъ беретъ его сумку, останавливается у дверей.) И понеже очевидныхъ свидѣтелей не имѣется, того-для она моя. *(надѣваетъ ее чрезъ плечо, кладетъ туда бумаги свои и прохаживается съ торжественнымъ видомъ по комнатѣ).*

Людомоpовъ *(подкравшись сзади и дернувъ его за сумку).*

Saluo te, domine secretarius! Ты хотѣлъ обокрасть меня, но извини! — я и самъ мастеръ прибирать чужое, только не такими, а благородными способами....

Цапцарапкинъ *(поднявъ вверхъ руки).*

О небо всеблагое, всезрящее! — и ты допускаешь даже хромаго медицинскаго урода гнуташься и издѣваться тако надо мною, безкорыстнымъ и почтеннымъ юриспрудентомъ?.. Неужели я долженъ простить ему сіе подозрѣніе?.. Неужели не обязанъ въ первѣйшее присутствіе подать челобитную? Вотъ такъ-то страдаютъ въ частную за напраслину!.. И еще вѣдь дерзаютъ порицать ябедой, когда не вытерпишь и заявишь обиду, толико больную!...

Людомоpовъ.

Вотще, вотще ораторствуешь, г. Цапцарапкинъ! — Не на такого напалъ ты, чтобъ могъ запугать и спутать твоимъ витійствомъ: нашла коса на камень — говоритъ пословица!

Цапцарапкинъ.

Но съ какого поводу, съ какого резону ты цѣпляешся ко мнѣ, нахальный обидчикъ? — И за чѣмъ притащился ты въ домъ

сей? — Неужъ-ли мечтаешь ты, съ твоей хромой ногою, плѣнить здѣшнюю хозяюшку и чрезъ то содѣлаться моимъ соперникомъ?

Людомоpовъ.

Не объ томъ рѣчь, сударь мой! Отдай лишь мою дорожнюю аптеку и всѣ медикаменты, хранившіеся въ оной, то я тотчасъ отстану отъ тебя и пойду далѣе.

Цапцарапкинъ.

О коей аптекѣ ты смѣешь говорить мнѣ? Я не цирюльникъ, не фельдшеръ, похожій на иныхъ, другихъ — здѣ предстоящихъ, чтобъ мнѣ заниматься таковой пустяковщиной.

Людомоpовъ.

Да эта сумка, что на плечахъ, развѣ твоя, а не чужая?

Цапцарапкинъ.

Экъ, странной воспросъ какой! — Какъ-бы не моя, то я не могъ-бы и носить ее.

Людомоpовъ.

Но я не слѣпой: у меня органъ зрѣнія совершеннѣйшій и потому....

Цапцарапкинъ.

Развѣ — дескать примѣромъ — не случалось тебѣ встрѣчать такого казуса, что одна вещица съ другою бываютъ одинаковы. Слѣдовательно .... Дабы дать дѣльцу сему ходъ настоящій, то позвольте, г. медикъ! вопросить васъ: во 1-хъ, какъ называется та вещь, кою вы съ меня претендуете? — во 2-хъ, что хранилося въ оной? — и въ 3-хъ, гдѣ именно и когда именно вы потеряли оную?

Людоморовъ.

Я тебѣ разъ сказалъ уже, что у меня уворована дорожная аптечка, въ коей хранились разныя медицинскія специи и которую я не потерялъ, но оставилъ нарочно на столѣ, при входѣ моемъ въ сію комнату.

Цапцарапкинъ.

Ладно! — Такъ не грѣхъ же тебѣ послѣ этаго наклепать на меня столько безсовѣстно и не резонно? Ибо по колику: 1-е сіе суть портфель, а не аптека; 2-е какъ самъ ты видишь, *(потряхиваетъ сумку)* не лѣкарства тутъ, но мои собственноручныя черновыя меморіи, и 3-е не на столѣ тамъ, но на диванѣ лежала вещица сія и не съ твоего прибытія, но съ самаго момента моего прихода въ сію горницу; да по колику сверхъ того, всѣ вещи, пріобрѣтенныя фальшивымъ образомъ, всегда бываютъ сокрыты и утаены, — я же хочу сію всенародно и гласно, да и понеже притомъ замѣтно каждому, что оная пришлась мнѣ въ пору, аки нарочно, на заказъ сооруженная: — то по таковымъ доводамъ, и причинамъ, и доказательствамъ не голословнымъ и не сомнительнымъ, по силѣ и артикуловъ, и процессовъ, и уложенія, и уставовъ, и наказа, и учрежденія, и указовъ, и регламентовъ, и межевой инструкціи, — я правъ, я правъ, я правъ, сударь мой! а вы заплатите мнѣ дорого и дорого, предорого, за таковую напраслину и безчестіе.

Людоморовъ.

Optime, превосходно, превосходно! — Я вижу, что ты изъ чернаго умѣешь сдѣлать бѣлое.... Но послушай, г. сутяга! подумай-ка хорошенько: съ кѣмъ ты связался нынѣ?

Цапцарапкинъ.

Г. сутяга! прошу не учить меня! я знаю твердо, что ты тягаешся изрядно по судамъ и палатамъ, съ больными и мертвыми, и со всѣми наслѣдниками тѣхъ лицъ, коихъ уморилъ ты своею медициною... Но, г. сутяга! теперь ты долженъ стать на одну доску, сирѣчь: говорить судныя рѣчи не съ какимъ-нибудь безтолковымъ паціентомъ твоимъ; но со мною, г. сутяга! — со мною, то есть: де скать будучи — со практикованнымъ и опытнымъ юристомъ.

Людоморовъ.

Такъ что-жъ? Развѣ въ первый разъ мнѣ судиться съ подобными ябедниками?

Цапцарапкинъ.

Не я, не я, но самъ ты ябедникъ! — понеже мое дѣльце, моя сторона суть правая, а твоя преложная . . .

Людоморовъ.

Твои всѣ аргументы суть галиматья и софизмы, которые я опровергну легко силогизмами. На противъ того: искъ, мною затѣваемый, основывается на само-вѣрнѣйшемъ аптекарскомъ счетѣ, изъ коего ясно увидитъ и самъ г. судья, и все присутствіе, цѣну и стойность каждаго медикамента, каждой бутылочки, каждой скорки, печатки, обверт-

ки, сигнатурки et cetera, и что весь итогъ претензіи за оныя вещи, не включая аптечки, по чистой совѣсти, простирается на 2,345 рублей $67\frac{1}{4}$ копѣекъ.

Цапцарапкинъ.

Экъ насчиталъ, сосчиталъ, расчислилъ! И вѣдь мечтаетъ сутяга медицинская....

Людомоpовъ.

Увѣренъ, что тебя осудятъ заплатить сіе полностію; но, желая доказать, что я ни какой-нибудь крючокъ, всегда готовый къ тяжбамъ, предлагаю мириться со мной добровольно, и въ такомъ случаѣ уступаю изъ претензіи той цѣлыхъ 5 рублей $67\frac{1}{4}$ копѣекъ. Не довольно-ль для тебя этаго? Не сочтешь ли меня еще интересантомъ, или ябедой?

Цапцарапкинъ.

Преобстоятельно! Но буде, если кто изобличенъ въ припискѣ иску, то не теряетъ ли и весь искъ свой, по силѣ Соборнаго уложенія? — Впрочемъ, какъ-бы сіе не случилося, я не состою въ обязанности вразумлять тебя болѣе; скажу токмо наконецъ опредѣлительно, что ты не получишь отъ меня ни лѣкарствъ, ни аптеки и ничего формально, — ни по приговору суда, ни по условію полюбовному, да и ни коимъ и ни какимъ манеромъ и способомъ . . .

Людомоpовъ.

А если получу тотчасъ же? *(схватывая за сумку)* Отдай, отдай мнѣ, горбатое приказное чучело!...

Цапцарапкинъ (*лѣвой рукой удерживаетъ руку Людоморова, а правой, доставъ изъ кармана линѣйку, тузитъ его*).

Это не у больныхъ отнимать тебѣ, — храмому, эскулапскому выродку! . . .

Людоморовъ.

Вотъ яжъ тѣ докажу, о бестія! (*доставъ проворно ланцетъ, намѣриваетъся уколоть его*) Я тѣ пущу кровь изъ всѣхъ артерій разомъ . . . .

Цапцарапкинъ.

Ой, ой, ой, караулъ! (*бѣгаетъ по театру*)

Людоморовъ (*гоняясь за нимъ*).

Караулъ, караулъ, караулъ! . . .

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣже и Мадамъ Пуакръ.

М. Пуакръ (*вбѣгая*).

Quel diable, quel diable! — Э кто, э кто, э каво? . . .

Цапцарапкинъ.

Берите, ловите, хватайте!

Людоморовъ.

Держите, держите, вяжите!

М. Пуакръ (*гоняясь то за тѣмъ, то за другимъ*).

Э што, э што, comment?

Цапцарапкинъ.

Его, его, — разбойника, озарника!

Людоморовъ.

Его, его, — и вора, и мошенника!

М. Пуакръ.

Пазтой, пазтой ви опа, ви опа!

Цапцарапкинъ.

Ай, ай, ай! — Вотъ и орудіе смертоносное въ рукахъ его!....

Людомоpовъ.

Ай, ай, ай! Вотъ и вещь похищенная на плечахъ его!

М. Пуакръ.

Какой рудь, какой вешъ? — Какой рудь, какой вешъ?

Цапцарапкинъ.

Караулъ! — Ланцетъ, ланцетъ!

Людомоpовъ.

Караулъ! — Аптека, аптека моя!

М. Пуакръ (*догнавъ наконецъ Людоморова, схватываетъ его за воротникъ и выталкиваетъ, говоря*).

Поймалъ, толкалъ храмой на прикошая!

Людомоpовъ (*противясь*).

Аптека, аптечка, аптечка моя! — Мадамъ, послушайте! . . .

Цапцарапкинъ (*остановясь*).

Онъ вретъ, онъ лжетъ: не вѣрьте ему!

М. Пуакръ (*возвращаясь и схвативъ проворно за руку Цапцарапкина*).

Пошла, пошла и ты корпунъ на капакъ, на трахтиръ! — здѣсь томъ плахоротная....

Цапцарапкинъ.

Ладно, славно, мадамъ! — Рублей пятсотъ за безчестіе!...

М. Пуакръ.

Вонъ, вонъ изъ рупль твой, — крюшка, каналь некотная!.. (*тащитъ его за сумку къ дверямъ и далѣе*).

КОНЕЦЪ IV-го ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ V.

(Комната та-же самая).

ЯВЛЕНІЕ I.

Цапцарапкинъ одинъ.

Цапцарапкинъ *(прохаживаясь въ размышленіи).*

Гмъ! Сколько казусовъ, сколько акциденцій, сколько необычайностей приключилось со мною въ дому семъ! — Но за то, благодарю моего Создателя! — уже кое-что получено по добровольному даянію, кое-что цапцарапнуто по моему удальству и расторопности, и еще кое-что... о нѣтъ, Борисъ Авдѣевичь! не кое-что, а многая и многая пріобрѣтется, сирѣчь: присудится и приговорится въ силу пріуготовляемыхъ тобою исковыхъ челобитныхъ, доносовъ, и прочая, и прочая.... А сверхъ того, въ прибавленіе всего онаго, — гмъ, гмъ! — вѣдь сіе суть легковозможно и удобослучаемо!... въ добавленіе всего вышеписаннаго и самая Фекла Сидоровна, воспламененная моими, такъ сказать, любезностями...

ЯВЛЕНІЕ II.

Цапцарапкинъ, Модньйкинъ, Собачниковъ, Шестеркинъ, Ремизкинъ и Людоморовъ.

Собачниковъ.

Ужъ вы толкуйте, что угодно вамъ! — а я повторяю въ послѣдній разъ, безъ всякихъ шутокъ, что у меня такой собачій нравъ, такая натура звѣрская, что если я запрѣялъ жениться здѣсь, то никто не смѣй мѣшать

мнѣ! — или же изволь-ка прежде раздѣлаться со мною по-драгунски!...

Модпѣйкинъ.

Monsier le Capitain! — Я первой готовъ бы дать вамъ сатисфакцію, если-бъ это касалось point d'honneur, то есть: до чести; но драться за дѣвушку, или за женщину теперь не въ модѣ, не въ обычаѣ...

Шестеркинъ.

Правда! иное дѣло за картами, когда замѣтишь фальшивую тасовку, баламутъ, передержку, двуличныя фигуры, наставныя очки и тому подобное...

Ремизкинъ.

О! въ такомъ случаѣ и я не вытерплю, и рискну на все, на все, — чтобъ наказать мошенника....

Цапцарапкинъ.

Никто да не дерзаетъ быть въ собственномъ дѣлѣ судіей и самоуправщикомъ: понеже во многихъ законахъ сіе суть написано и сказано весьма толковито и внятно каждому...

Людоморовъ (*ему*).

А въ какихъ законахъ начитывалъ ты, чтобъ позволено было красть медицинскія аптечки съ препаратами?

Модпѣйкинъ (*ему же*).

И какой законъ велитъ: вытащивши бумажникъ мой, возвратить мнѣ только половину бывшихъ тамъ денегъ, а другую оставить у себя, подъ предлогомъ обеспеченія претензій своихъ?..

Цапцарапкинъ.

Сіи статьи окончены: въ Судѣ, иль въ Уголовной рѣшать насъ! — *(Собачникову)* Позвольте, милостивый государь, старинный знакомецъ мой и пріятель! предложить вамъ, что хотя секретарь и не имѣетъ голоса, какъ о семъ гласятъ процессы судные, но въ отношеніи дескать такого дѣльца чрезвычайнаго, въ коемъ равно и я, какъ и вся именитая компанія, обрѣтающаяся въ сей комнатѣ, или такъ сказать примѣрно: въ храминѣ достопочтенной....

Собачниковъ.

По-краткче, да по-яснѣе! — Или я предложу тѣ опять собакъ моихъ.

Цапцарапкинъ.

Въ секунду! — Токмо прошу вниманія всеобщаго. То казусное происшествіе, каковое и до меня, какъ и до всѣхъ иныхъ, здѣ присутствующихъ, касается столь больно и чувствительно, суть такого рода и важности, что дабы возможно было которому ни-на-есть изъ насъ, то есть: претендентовъ на оную дѣвицу вышерѣченную, получить немедленно надлежащую резолюцію и удовлетвореніе; то.... *(кашляетъ)*

Людоморовъ.

Тебѣ бы надобно лѣчиться заблаговременно, чтобы не обратилось въ чахотку неисцѣлимую.

Собачниковъ *(ему)*.

Молчать съ своимъ лѣченіемъ! *(Цапцарапкину)* Нуто, дягивай!

Моднѣйкинъ.

Какой же путь вы хотите указать намъ къ побѣдѣ надъ mademoiselle Sdravosoudoff?

Шестеркинъ и Ремизкинъ.

Да, да! Съ которой начать вѣрнѣе, что бы выиграть?

Цапцарапкинъ.

И буде, если позволено объявить мое мнѣніе, то въ силу онаго, согласно съ порядкомъ узаконеннымъ, въ космъ начертано, что бы каждое лице и каждая персона докладывали о дѣльцѣ своемъ не купно съ другими — разомъ, но по одиначкѣ — въ чередовую, и вамъ, государи милостивѣйшіе! подобаетъ всенепремѣнно устроить и условиться о таковой общеполезной очереди . . .

Собачниковъ.

На силу кончилъ! Но, впрочемъ, твое предложеніе не глупое, — и мы тотчасъ положимъ: кому адресоваться прежде и кому послѣ къ нашей общей приманкѣ—Феклѣ Сидоровнѣ. Согласны ли вы, господа, съ симъ мнѣніемъ?

Всѣ.

Согласны, согласны и пресогласны!

Моднѣйкинъ.

Однако-жъ не думайте, что эта очередь назначится по чинамъ и старшинству, какъ par exemple: въ полковой караулъ, или дежурство! — Нѣтъ! Я разсуждаю, что тотъ лишь имѣетъ полное право прежде всѣхъ говорить съ невѣстою, кто получитъ преимущество во всѣхъ тѣхъ играхъ и испытані-

яхъ, какія каждый изъ насъ долженъ сейчасъ же предложить собранію.

Собачниковъ

Извольте, извольте! — Я и отъ того не прочь: ибо надѣюсь обогнать и заправить всѣхъ противниковъ....

Цапцарапкинъ.

Надѣяться легко возможно, а получить иногда и трудно, и нельзя; но я не отстану отъ компаніи и готовъ на вся тяжкая, дабы убѣдить васъ, что я не ударю въ грязь лицемъ ни въ коемъ случаѣ и обстоятельствѣ.

Шестеркинъ.

И я не отказывался еще въ жизнь мою ни отъ какой игры предлагаемой.

Ремизкинъ.

И на вѣрняка: иль вы, иль я — получимъ преферансъ надъ всѣми.

Людоморовъ.

Меня-жъ прошу увольнить, потому что мнѣ и такъ уже надоѣли безпрерывныя пробы и испытанія...

Модпѣйкинъ.

Non, non, monsieur! — Вы желаете быть нашимъ ривалемъ: и для того обязаны подражать намъ.

Собачниковъ.

А если не угодно, то я первой не позволю вамъ изъясняться не только съ извѣстною красавицею, но даже ни съ отцемъ ея, ни съ благодѣтелемъ....

Людоморовъ.

Послѣднее всего хуже и опаснѣе. Инъ такъ и быть, — повинуюсь!

Собачниковъ.

Прошу же господа дать клятву: исполнять все то, что каждый изъ насъ затѣетъ для экзамена...

Всѣ

Клянемся, клянемся, клянемся торжественно и формально!

Модницкинъ.

Très-bien, messieurs! — А какъ я самъ избралъ столь благородное и безобидное средство для избѣжанія подобныхъ прежнимъ безпорядковъ въ нашихъ разговорахъ съ mademoiselle Thecle: то я же долженъ прежде всѣхъ задать leçon для пробы, и — вотъ онъ! *(дѣлаетъ антреша)* Прошу подражать мнѣ!

Цапцарапкинъ.

Ради Создателя, нельзя-ли сочинить что-либо легчайшее?...

Модницкинъ.

Чтобы доказать вамъ мою снисходительность, извольте — вотъ вамъ другой урокъ: становитесь всѣ въ первую танцовальную позицію по этой самой доскѣ, — и кто простоитъ всѣхъ долѣе, тотъ и получитъ первенство.

Собачниковъ.

Браво, браво! — во фрунтъ! — равняйся! — *(всѣ становятся рядомъ въ первую позицію)*

Модницкинъ.

Да что же вы шатаетесь и падаете?

Людомоpовъ (*падая*).

Ай, ай! придется лѣчить свою же ножку!

Собачниковъ.

Нѣтъ, чортъ побери съ твоею выдумкою!

Ремизкинъ.

Я пассъ, я пассъ въ игрѣ столь трудной!

Шестеркинъ.

Твоя взяла, братъ! я отогнусь по неволѣ.

Цапцарапкинъ.

Казалось и легко, но не превозмогу супостата столь искуснаго.

Модиѣйкинъ.

И такъ: я первой, а секретарь второй, — не правда-ли?

Собачниковъ.

Да, такъ покудова! — Но прошу дѣлать то, что я скомандую. — Напримѣръ: извольте-ка запѣть мнѣ каждый врознь по соловьиному! — (*поетъ какъ соловей и каждый по очереди тоже*). Изрядно, ребята, изрядно! — Теперь закуйте кукушкой! — (*начинаетъ и всѣ за нимъ по порядку*) Не худо, не худо, братцы! Ну еще наконецъ по волчьему! (*воетъ, и они тоже, всѣ разомъ*) Довольно! Вы уже разохотились такъ, какъ бы и въ самомъ дѣлѣ въ лѣсу, какъ бирюки природные. Однако не я ли первой и не секретарь ли второй въ семъ испытаніи?....

Людомоpовъ.

Bene, bene! Пусть такъ! — Прошу-жъ за мною! (*скачетъ на одной ножкѣ, и всѣ за нимъ, Цапцарапкинъ всѣхъ долѣе.*) Этотъ су-

тяга перескакалъ всѣхъ и ни кто не сломилъ притомъ не токмо шеи, но даже ни одного мускула, — не досадно-ли?

Шестеркинъ.

Теперь и наша очередь! *(Ремизкину)* Ты въ половинѣ со мной, или особо?

Ремизкинъ.

О, нѣтъ! — я въ moitié, по прежнему.

Шестеркинъ *(вынувъ изъ кармана нѣсколько колодъ картъ раздаетъ, сняя и потомъ садясь за столикъ)*

Во банкѣ богатое приданое и къ оному мазу Фекла Сидоровна! Кому угодно пунктировать?

Всѣ.

Го, го! Банкъ преинтересный!... Чего же лучше? — Не проминемъ, не проминемъ сорвать его.. *(всѣ, кромѣ Ремизкина, ставятъ карты, говоря:)* Во банкъ!

Шестеркинъ *(начиная метать)*.

Не бью, не бью шемныхъ! Прошу вскрыть хоть по второму обцугу. *(всѣ открываютъ)* И такъ: ваша лопнула и ваша улыбнулася и третья также; а эта проклятая секретарская не горитъ, не тонетъ, ни передернешь, ни убьешь ее.—Ну, такъ: на лѣво!—я предчувствовалъ!! *(бросаетъ карты и встаетъ)*

Цапцаранкинъ.

А что, милостивцы почтеннѣйшіе! Богатое приданое и къ нему мазу вышерѣченная дѣвственница — не суть ли мои и по праву картежному? — Однако, подлинно, и я долженъ предложить вамъ, что ни-на-есть для экзамента.

Собачниковъ.

Смотри-же: выдумай что-нибудь не приказное, но путное!

Цапцарапкинъ.

О, о, преотмѣнное!—а именно: не угодно-ли вамъ сыграть въ извѣстный фантъ, нарицаемый превращеніе?..

Моднѣйкинъ.

Oui! — Этотъ фантъ хотя не модной, однако-жъ сносенъ.

Цапцарапкинъ.

И того-для я хочу превратить всю честную компанію — примѣрно сказать будучи — въ медвѣдя, въ медвѣдя — вотъ какъ! Слѣдуйте-жъ по стопамъ моимъ, по условію! — *(становится на четверенки, ходитъ и реветъ по медвѣжьему)*

Собачниковъ.

Какъ бы сюда Налётъ мой, то-то была-бъ потѣха презабавная... *(къ Цапцарапкину)* Ужъ въ этомъ я уступаю тебѣ добровольно, безъ подражанія; да ты — ей, ей! — похожъ на медвѣдя настоящаго...

Людоморовъ.

Мнѣ не случалось никогда лѣчить медвѣдей; а потому я не знаю ни ихъ натуры, ни обычаевъ.

Шестеркинъ и Ремизкинъ.

И мы также не станемъ участвовать въ игрѣ столь глупой.

Цапцарапкинъ *(вставая)*.

Ага! — запугалъ, и превозмогъ, и превзо-

шелъ и всѣхъ васъ и — каждаго! Такъ знайте-жъ, каковъ я!

Собачниковъ.

Не человѣкъ, но звѣрь преотличнѣйшій...

Модиѣйкинъ.

Недостаетъ только, чтобъ потанцовалъ намъ comme il faut по медвѣжьему...

Цапцарапкинъ.

Нѣтъ! сіе уже будетъ свыше уговора и условія: понеже никто изъ васъ не подражалъ мнѣ. И того-для не буду и не обязанъ танцовать, развѣ вспою токмо еще одну арію.. *(реветъ, и въ это время входятъ М. Пуакръ и прочіе).*

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣже, М. Пуакръ, Софія и Фекла.

Пуакръ.

Quoi, quoi? Што са тудъ, што са штукъ такой?

Софія.

Ахъ, Богъ мой! — Что это значитъ?

Фекла.

Fi donc! Какія новости!..

М. Пуакръ.

Не зъ умъ ли пошла ви, monsieur Сапсарапофъ? — *(всѣ подбѣгаютъ къ Феклѣ, раскланиваются, привѣтствуютъ ее и М. Пуакръ, а на Софію не обращаютъ и вниманія).*

Цапцарапкинъ *(подбѣжавъ также къ Феклѣ).*

Я первой, я первой, я первой — и въ силу

скаканія на одной ножкѣ, и въ силу закона картежнаго, и въ силу ревѣнія и пѣнія медвѣжинаго: никто-жъ да не дерзаетъ мѣшать мнѣ!

Собачниковъ *(давая ему деньги)*.

Вотъ тебѣ награда за твои преимущества!.. А какъ я превзошелъ всѣхъ васъ въ разныхъ сортахъ и птичьяго, и звѣринаго пѣнія: то посему моя первая очередь!

Цапцарапкинъ *(отходя)*.

Изрядно! — И не танцовалъ еще, а заплатили щедро . . .

Моднѣйкинъ, Шестеркинъ, Ремизкинъ и Людоморовъ *(Собачникову)*.

Мы уступаемъ вамъ, какъ побѣдителю, но просимъ поспѣшнѣе и кратче, дабы дошло и до насъ скорѣе. *(отходятъ въ сторону)*

Фекла.

Да что вы, messieurs? — Опомнитесь!

Софія.

Не могу понять чудесъ сихъ!..

М. Пуакръ.

Ma foi! Она вса или перепилсъ, перебралсъ на пунша, или рекнулзя, рекнулзя на умъ звоя.

Собачниковъ *(Феклѣ)*.

Сударыня! И такъ позвольте узнать наконецъ: могу ли я попасть въ мишень, иль въ цѣль желанную? — Могу ли подстрѣлить ваше сердце нѣжное? — И какую добычу могу поймать отъ васъ, за тотъ задорнѣйшій пламень чувствъ моихъ, который, подобно осеннему пушному звѣрю, по первой бѣлой поро-

шѣ, завелъ меня за пятсотъ верстъ и болѣе, и можетъ заманить еще невольно въ дремучіе лѣса, въ необозримыя степи, въ непроходимыя бездонныя болота, и даже на самой край вселенныя?..

Фекла.

На ваше столь оригинальное и столь трогательное объясненіе, скажу лишь только: — adieu, adieu, monsieur, въ отставку — въ чистую!

Собачниковъ.

За что-жъ я долженъ быть такъ несчастливъ въ охотѣ моей? За что такая неудача въ сей травлѣ искуснѣйшей и задорнѣйшей въ свѣтѣ?..

Фекла (*сердито*).

Да отвяжитесь же! — вѣдь я не звѣрь вамъ, чтобы травить меня.

М. Пуакръ.

Ma, ma! онъ не фолка, не сайца; a demoiselle, monsieur! — demoiselle плакоротная...

Софія.

Если-бъ вы не изъяснялись намъ обѣимъ, и притомъ однимъ и тѣмъ же образомъ; то можетъ быть и удалось бы; а нынѣ извините! — вы сами причиною...

Собачниковъ (*отходя въ сторону*).

Ну, такъ! — этотъ проклятой промахъ... эта осѣчка все дѣло испортила!...

Моднѣйкинъ (*подходя къ Феклѣ*).

Je vous salue, mon ange! (*цѣлуетъ руку и потомъ шепчется съ нею и съ М. Пуакръ*)

Цапцарапкинъ.

Сіе суть противно установленной формѣ, и сверхъ того — дескать — весьма и очень подозрительно.

Моднѣйкинъ *(громко)*.

И какъ à présent прекрасная и тихая погода, то не угодно ли вамъ, ma chère, прогуляться по саду?

Фекла.

Allons! Мы сдѣлаемъ съ вами нѣсколько туровъ и возвратимся къ компаніи. *(идетъ и всѣ за нею)* Да куда-же вы? Останьтесь здѣсь, messieurs! — Вы можете заняться между тѣмъ съ Софіей Дорофѣевной.

Людомоpовъ.

Увольните! Не къ ней, но къ вамъ стремятся всѣ наши идеи и намѣренія...

Цапцарапкинъ.

Сирѣчь: не въ оной, но въ васъ единственно наша всенепремѣнная надобность.

Шестеркинъ.

Такъ, такъ! — мы желаемъ играть лишь съ вами.

Ремизкинъ.

И потому должны участвовать въ тѣхъ турахъ.

Софія *(къ женихамъ)*.

Вы слишкомъ неучтивы, невѣжливы; я же, напротивъ того, почла бы себѣ за особенное удовольствіе раздѣлять время съ столь рѣдкими посѣтителями.

Всѣ женихи (*къ ней*).

О, много чести! но извините, — намъ нѣкогда.

М. Пуакръ.

Та хто-нъ, та хто-нъ, quel diable просилъ васъ кошилъ са ними слѣшомъ?

Фекла.

Говорятъ вамъ, что я хочу гулять вдвоемъ, tête-à-tête, съ monsieur Моднѣйкинъ. — (*идетъ*)

Цапцарапкинъ (*перебѣжавъ дорогу*).

По силѣ учрежденной между нами инструкціи и понеже, согласно съ оною, я взялъ и верхъ, и славу надъ суноснашами....

Шестеркинъ.

Нѣтъ секретарь, attendez! — Тебѣ заплатили, такъ ты послѣдній. — Г. докторъ! ваша очередь.

Людоморовъ.

Bene! (*подходя къ Феклѣ*) Почтеннѣйшая сударыня! если справедливы слухи, если всѣ документы объ имѣніи суть полны и достаточны....

Шестеркинъ.

Не съ той братъ началъ, — такъ ретируйся лучше! (*отталкиваетъ его*)

Фекла.

Да долго-ль вы станете...

Шестеркинъ.

Позвольте! — На одной лишь, на одной сажуся и ставлю на весь банкъ рѣшительно...

Ремизкинъ.

Пусть это будетъ талія грассъ, — игра последняя . . . .

Фекла (*сердито*).

Да мнѣ нѣтъ нужды ни до вашей игры, ни до вашей таліи.

М. Пуакръ.

Que diable vous emporte изъ голова, изъ талія!

Шестеркинъ.

Какъ! — неужель нѣтъ и для насъ реваншу?

Фекла.

Эхъ, отстаньте же! — я прошу васъ, ради Бога!

М. Пуакръ.

О, онъ не слушай прозба: ей нада тать такой реваншъ, штобъ онъ не усналъ ни весь колотъ звой, ни маститъ, ни ошка!

Ремизкинъ.

А, теперь понятно.. Это значитъ: она въ долѣ.

Шестеркинъ (*ему*).

Скажи лучше: въ половинѣ съ Моднѣйкинымъ.

Моднѣйкинъ.

Pardon messieurs! — я не виноватъ, коль нравлюсь болѣе.

Собачниковъ.

Такъ ваша охота удачнѣе: вы уловили лису преотличную...

Людоморовъ.

Мы же должны получить за издержки, да и домой немедля.

Софія (*Феклѣ*).

Я поздравляю васъ, — и радуюсь душевно сему выбору.

Цапцарапкинъ (*ей*).

Нѣтъ, погодите, постойте съ поздравленіями! Ибо по колику я не успѣлъ еще, понеже былъ въ резерфѣ, и поелику послѣдніе паче первыхъ, — не такъ-ли, вселюбезнѣйшая Фекла Сидоровна?

Фекла.

Вселюбезнѣйшій секретарь мой! Вы нужны для иниересныхъ дѣлъ, но не для брака. И такъ, adieu! Прошу не сердиться и не забыть меня.

Модпѣйкинъ.

Allons, allons, mon coeur! — Уже давно пора намъ....

М. Пуакръ (*имъ*).

Зтупай прафорнъ! — ушъ вса катова. (*идетъ за Феклою*)

Цапцарапкинъ.

Слѣдовательно... (*поднявъ руки*) Охъ, охъ! — Какъ тяжко, какъ горестно! — Хотя бы хлѣбнуть чего, ради печали и разставанія....

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣже, Лицемѣркина, Любимовъ и Хватовъ.

Лицемѣркина (*остановя Феклу*).

Повременнице, моя сударыня! — Я хочу спросить васъ о той неожиданной вѣсти...

Любимовъ (*подбѣжавъ къ Софіи*).

О, ангелъ мой! любовь побѣдила, превозмогла..

Софія (*ему*).

Мой другъ! — умолкни, не забудь отцовскаго приказанія! — (*разговариваемъ съ нимъ тихо*)

Фекла (*Лицемѣркиной*).

Мнѣ не до вопросовъ теперь, мнѣ недосугъ, — простите!

М. Пуакръ.

Не змѣй мѣшалъ! Онъ фашна шѣла...

Хватовъ.

Напрасно изволите торопиться: экипажъ, бывшій на походной ногѣ, за садомъ, попалъ подъ арестъ, на гаубвахту.

Модистѣйкинъ.

Что говоришь ты? — Неужели правда? — И кто отважился?...

Фекла и М. Пуакръ.

Qu'entends-je, mon Dieu, qu'entends-je?...

Цапцарапкинъ.

Здѣсь что-то открывается прелюбопытное. Господа, прислушаемъ!

Хватовъ (*Феклѣ*).

Ваша повѣренная,—премилая красоточка Ли-

занька, — вотъ изволите видѣть, — имѣетъ нѣжное, чувствительное сердце . . . .

Лицемѣркина (*елу*).

Не прибавляй суеты и прельщенія, — и расскажи о дѣлѣ смиренно-мудренно!

Хватовъ.

А потому, бывъ тронута удальствомъ моимъ и молодечествомъ, не могла разстаться со мною безъ слезъ и рыданія.

Модвѣйкинъ.

Какая намъ надобность до интригъ твоихъ? — Говори, о чемъ велятъ тебѣ!

Хватовъ.

Слушаю! — Да въ томъ вѣдь и важность вся, и дѣло все . . . .

Фекла.

Какъ же ты рѣшился молоть мнѣ такіе вздоры?

Модвѣйкинъ.

Негодной! за твою ложь и выдумки . . . .

Цапцарапкинъ.

И буде, если онъ клеветалъ и солгалъ, какъ учинилъ сознаніе предъ всею публикою, то . . . .

М. Пуакръ.

На хапвахтъ, на палкъ, на фукшель её!

Любимовъ.

Не спѣшите съ рѣшеніемъ и дайте кончить!..

Хватовъ.

Да что и кончать здѣсь? Уже не трудно догадаться всякому, что Лиза не выдержа-

ла, шепнула мнѣ, я его благородію, его благородіе своей почтенной матушкѣ, его матушка его высокоблагородію, а его высокоблагородіе,—не дай, не вынеси,—вдругъ лошадей въ конюшню, а коляску, со всѣмъ походнымъ вьюкомъ и амуниціею, въ сарай, подъ замокъ,—да и все тутъ!

Фекла и Моднѣйкинъ (*задумавшись*).

O, quelle surprise! Que faire donc?

М. Пуакръ.

C'est rien, c'est rien. Я помокъ вашъ, лишъ потумала . . .

Собачниковъ.

Молодецъ, какъ видно, старикъ на засѣды.

Цапцарапкинъ.

Изъ словъ сего служиваго почти явствуетъ....

Людоморовъ.

Не почти; но безъ малѣйшаго сомнѣнія...

Шестеркинъ.

Что наша фигура...

Ремизкинъ.

Хотѣла сыграть талію фоссъ съ Моднѣйкинымъ.

Хватовъ.

Хотѣла прямо дезертировать; да, лихъ-бѣда, уланы тутъ.

Лицемѣркина.

Вотъ до чего доводитъ насъ сатанинское искушеніе и злоба адская!

Моднѣйкинъ (*Феклѣ*).

Ma chère! Намъ думать нѣчего: ты свободна, я также . . .

М. Пуакръ.

Oui, да! Ви шолшна сказалъ на ихъ решительна, шпо ви кошѣлъ, — кошѣлъ, па и толка...

Фекла.

Vous avez raison, madame!

Моднѣйкинъ (*Феклѣ*).

Такъ, такъ, mon amie! Но притомъ надо раздѣлаться порядкомъ за сдѣланный намъ affront и насмѣшку.

Лицемѣркина.

Нерадостна, Богопротивна чета, кою не утвердишъ, не осѣнишъ и не преукрасишъ благословеніе родишельское.

Любимовъ (*ей*).

Ахъ, маминька! Съ шой минуты, когда ваше приказаніе уже было сходно съ моими чувствованіями, я испыталъ самъ, чшо мое счасшіе и утвердилось, и украсилось еще болѣе...

Софія (*ему тихо*).

Не болшай, дружокъ, лишняго, — пока угодно будешъ папинькѣ открышь сіе!

Фекла.

Apropos, apropos, — вошъ и папинька!

Моднѣйкинъ.

Voilà! . . .

Цапцарапкинъ (*къ прочимъ*).

Подобаетъ всшрѣтишь, переговорить и получишь, чшо слѣдуетъ...

Людоморовъ.

Ita, ita, sine dubio!

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣже и Здравосудовъ.

Цапцарапкинъ *(подбѣжавъ къ нему)*.

Милостивѣйшій государь! Послѣ всего онаго, — вышеписаннаго, — прошу превозгласить резолюцію: будетъ ли дескать расплашка добровольная, или завяжется тяжба во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ и правительствахъ?

Людоморовъ.

Почтеннѣйшій! Заплатятъ ли и мнѣ сегодня же, или должно войти въ судъ съ прошеніемъ?

Модпѣйкинъ.

Кто далъ вамъ право располагать поступками вашей дочери и меня утражировать столь неприличнымъ образомъ?

Фекла.

Неужели вы, papa! хотите принудить меня компрометтировать и жениха моего, и законъ благопристойности и моды?

М. Пуакръ.

Фазмонна-ль зъ моя ушенисъ шутилъ такъ барбарско?

Собачниковъ.

Не вздумаете ли вы также затравить и меня со сворой друзей моихъ?

Шестеркинъ.

И за чѣмъ-бы, кажется, удерживать насъ безъ дѣла?

Ремизкинъ.

Развѣ намѣрены сыграться хоть на прощаніе?

Лицемѣркина.

Не се ли суета суетъ, и суета мірская и всяческа?

Здравосудовъ.

Выслушавъ съ терпѣніемъ всѣ сіи вопросы и претензіи, я отвѣчаю прежде всѣхъ вамъ, г. Модиѣйкинъ и тебѣ, непослушная дочь моя! Вы полагаете, что я не соглашаюсь на ваше супружество, и будто бы желаю разстроить оное. Знайте же, что для собственнаго моего спокойствія и утѣшенія, мнѣ не остается ничего болѣе, какъ одобрить союзъ сей.

Фекла.

Если такъ, то pourquoi donc останавливать вояжъ нашъ?

Здравосудовъ.

Для того, что мы живемъ въ православной Россіи, а не во Франціи.

Модиѣйкинъ.

Ah! — это правда, — и я думаю, что....

Здравосудовъ.

Вы можете думать какъ угодно вамъ; но я хочу, чтобы вы сообразовались въ семъ случаѣ съ нашими священными обычаями: и потому-то, не допустивъ дочь мою бѣжать ночью изъ дому, завтрешняго-жъ утра я провожу васъ самъ, какъ водится, — и надѣюсь, что вы не будете имѣть ни какой причины на меня гнѣваться; да притомъ и свѣтъ не станетъ осуждать васъ.

Лицемѣркина.

Осужденіе же и худая слава свѣтская бы-

ваютъ предтечею и предвозвѣстницею осужденія небеснаго.

Модпѣйкинъ *(ей)*.

Madame! — мнѣ нѣтъ нужды до вашего свѣта старомоднаго.

Фекла.

И для меня также.

Пулкръ.

Oui, ma chère! Наша ступалъ всехта à la mode, а не по старому....

Здравосудовъ.

Хотя бы и такъ, хотя бы не было для васъ ничего важнаго; то по-крайней-мѣрѣ вы согласитесь съ тѣмъ, что собираясь на-скоро въ ночное путешествіе, иногда по ошибкѣ своей, или вашей прислуги, вы могли захватить чужія вещи: и потому всякой хозяинъ дому, для своей собственной предосторожности, обязанъ задержать васъ. Я посылаюсь на всю почтенную компанію, — не правъ ли я, господа, въ моемъ мнѣніи?

Цапцарапкинъ и прочіе.

Сущая, сущая и непреложная истина!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣже и Лиза.

Здравосудовъ.

А, кстати, вотъ и сообщница! *(Лизѣ)* Послушай, негодная! много ли вы съ своей барышней захватили чужаго, при вашихъ ночныхъ сборахъ?

Лиза.

Позвольте, сударь, доложить вамъ, что мы укладывались преаккуратно и что я не взяла ничего стороннаго, выключая только одной кожаной сумки, которая пригодилась намъ для складки гребешковъ, помадъ, духовъ, и тому подобнаго.

Людоморовъ.

Какъ! мою аптечку! — Возможно-ли?

Цапцарапкинъ.

Мою портфель на помаду! Го, го! — Сей казусъ запишемъ, замѣтимъ тотчасъ (*пишетъ карандашемъ*).

М. Пуакръ (*Лизѣ*).

Пазтой палтушкъ! Я отплашу, отплашу тепѣ са твой тлинна ясыкъ и неувашесь на секретъ нашъ.

Фекла (*ей же*).

Да, это не пройдетъ тебѣ даромъ!

Лиза.

Повѣрьте! — не моя вина, но уланская: отъ этихъ господъ ничто не укроется, — они все поразсмотрятъ и провѣдаютъ и тамъ, гдѣ ихъ не просятъ.

Хватовъ.

Точно такъ: это штука моя, — уланская!

Любимовъ (*слу*).

Молчи, и не мѣшайся въ чужія дѣла!

Хватовъ.

Слушаю, ваше благородіе! — но вѣдь это и до меня..., иль лучше помѣшкать до времени,

Софія (*Любилову*).

Мнѣ кажется, что и онъ задумалъ подражать своему начальнику: влюбленъ и любимъ также; да вѣрно и всѣ ваши уланы проворны въ дѣлахъ такихъ.

Модничкинъ.

О! съ monsieurs уланами я раздѣлаюсь послѣ; а нынѣ объявлю вамъ, monsieur Здравосудовъ, что я согласенъ отсрочить до завтра, но съ тѣмъ, если вы попросите у меня pardon за вашу невѣжливость.

Здравосудовъ.

Не знаю, кто изъ насъ виноватъ болѣе. Впрочемъ съ вами кончено, — и теперь...

Цапцарапкинъ.

Теперь вамъ подобаетъ отвѣтствовать мнѣ, то есть: Цапцарапкину.

Людоморовъ.

Нѣтъ, извини, г. сутяга! — Твои претензіи не заслуживаютъ ни какого вниманія; напротивъ того мой регистръ, основанный на самоаккуратнѣйшемъ аптекарскомъ и медико-хирургическомъ исчисленіи, требуетъ немедленнаго удовлетворенія.

Собачниковъ.

Хороши вы оба, хоть бы сцѣпить на одну и туже свору....

Ремизкинъ.

Какъ-разъ подъ масть одинъ другому.

Шестеркинъ.

Убилъ бы, зарѣзалъ обоихъ въ сопкахъ; да жаль, не хотятъ загнуться.

Лицемѣркина.

О, мои собратія прелюбезные! Не вдавайтесь въ клевету и хуленіе, не порицайте убо человѣковъ, иже суть единородные съ вами! — Владыка дому сего разрѣшитъ всѣ ваши пренія и брани суетныя, — и, можетъ статься...

М. Пуакръ.

Э, нашъ ухъ не привикъ на така языкъ и пропофѣдъ *(къ Феклѣ)* Allons, ma chère, на наша комната, шпопы, пока онъ кошшилъ, ми шамъ софѣшовалъ на шѣла вашная.

Фекла.

Avec plaisir, madame! — *(уходитъ)*

Хватовъ *(Лизѣ)*.

Не худо бы и намъ на единѣ кой о чемъ посовѣтоваться . . .

Лиза *(ему)*.

Изволь, изволь,—красавчикъ мой!—*(уходятъ)*

Лицемѣркина *(продолжая)*.

И, можетъ статься, — повторяю, — полномощный и щедрый властитель сей вотчины . . . Но се я зрю его грядущаго со славою и велѣніемъ. *(всѣ даютъ дорогу Строгодумову)*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Строгодумовъ, Здравосудовъ, Цапцарапкинъ, Людоморовъ, Собачниковъ, Шестеркинъ, Ремизкинъ, Модиѣйкинъ, Лицемѣркина, Софія и Любимовъ.

Строгодумовъ.

Господа! прошу извинить меня, что я оставилъ васъ на нѣкоторое время. Сочиненіе

одной, весьма необходимой мнѣ, формальной бумаги, каковая отчасти и до васъ касается, было причиною сей неучтивости....

Цапцарапкинъ.

А коего сорту и роду бумага вышерѣченная? — И почему же не благоугодно вамъ было поручить мнѣ, а не трудиться самимъ надъ оною? Сіе, — ей, ей! — и обидно для нашего брата юриспруденца, и не прилично вовсе для званія полковника.

Строгодумовъ.

Пусть и такъ! — Но вотъ она ужъ кончена, и я прошу васъ, г. секретарь! прочесть ее всему собранію, и потомъ пригласить всѣхъ гостей подписаться на оной во свидѣтели. *(даетъ ему бумагу)*

Цапцарапкинъ.

Съ найпречистѣйшимъ удовольствіемъ: понеже ни чтеніе, ни приглашеніе, ни рукоприкладство, не должны оставаться безъ достополной мзды и воздаянія.... Позвольте! *(беретъ бумагу, надѣваетъ очки, читаетъ про себя и дѣлаетъ разныя гримасы.)*

Людоморовъ *(ему)*.

Да, да; — по погоди-ка, грамотѣй безграмотной! *(Строгодумову)* Мнѣ нельзя пробыть здѣсь долѣе: и потому не угодно ли меня увольнить и отпустить немедленно?

Строгодумовъ.

Если вамъ нужно спѣшить, то я не удерживаю. Прощайте, г. Людоморовъ!

Людоморовъ.

Нѣтъ-съ! Не такъ прощаются съ докто-

ромъ. *(скоро)* Я пріѣхалъ за 50 верстъ, на собственныхъ лошадяхъ, въ собственномъ экипажѣ, съ собственнымъ кучеромъ, съ собственнымъ лакеемъ, съ собственной упряжью, съ собственной аптечкой, съ собственными медикаментами; — здѣсь я лѣчилъ г. Любимова, совѣтовалъ г. Здравосудову, предлагалъ искусство мое и помощь каждому, — и такимъ образомъ провелъ въ вашемъ собственномъ имѣніи, считая съ поѣздкою, десять часовъ съ половиною. — И такъ: 1-е въ столицѣ за всякой визитъ положено платить мнѣ пяти-рублевую ассигнацію; я же, не бывая ни гдѣ долѣе 4-хъ минутъ, успѣваю ежечасно посѣтить 15 паціентовъ, — слѣдовательно получаю въ часъ 75 рублей, — не менѣе: то посему, за $10\frac{1}{2}$ часовъ, вы должны заплатить мнѣ 787 руб. 50 коп.; — 2-е экипажъ мой и люди, и лошади заработываютъ на биржѣ, въ теченіи $10\frac{1}{2}$ часовъ, не менѣе 250 р., это вѣрно! — 3-е аптечка и медикаменты, со всѣми относящимися къ нимъ препаратами, мнѣ стоятъ 1.000 руб. аккуратиссимо; — 4-е...

Цапцарапкинъ.

Постойте, погодите, г. медикъ! Отъ чего-же тѣ самыя лѣкарства, кои объявляете пропавшими якобы въ сей комнатѣ, вы требуя съ меня, съ самаго меня, — цѣнили въ 2,345 руб. $67\frac{1}{4}$ коп.; а нынѣ въ 1.000 рубликовъ. Господа, протестуюся! Не суть ли сіе явное разногласіе, противупоказаніе, ябедничество и законопреступное посягательство на обиду чуждую?

Людомоpовъ (*ему*).

Эка, дурацкая память! — Да и твое ли дѣло? приказное, горбатое чудовище!

Цанцарапкинъ.

Благодарю за названіе! — Токмо прошу васъ, Дорофей Галакціоновичь! да и всѣхъ присутствующихъ, замѣтить твердо, что его, — изобличеннаго уже во лжи и иска прибавленіи, — и всѣ иныя прочія показанія должны быть также вѣроломныя, противусовѣстныя и преувеличенныя до самой верховной крайности.

Собачниковъ.

По моему: не долго раздобарывая съ такою скаредою, отправить бы его на псарной дворъ, или заспѣвать арапниками....

Строгодумовъ (*ему*).

О, перестаньте обижать его! Это не вѣжливо.

Моднѣйкинъ.

Ma foi, это не худо бы!

Собачниковъ.

Жаль только, что ночь уже, и что послѣ пробитія зари нельзя драться.

Шестеркинъ.

А я и послѣ зари, и во всю ночь, и всегда готовъ и привыкъ сражаться:.. и потому, если хозяинъ не прикажетъ подать сейчасъ же ломберной столикъ, мѣлокъ и карты, то я слуга покорной.

Ремизкинъ.

И я не стану терять напрасно времени.

Людомоpовъ.

Время дороже всего для доктора. Ergo clarissime domine! нельзя-ли въ сію-жъ секунду за визитъ et cetera?..

Строгодумовъ.

Да развѣ я просилъ васъ сюда пожаловать?

Людомоpовъ.

Это все равно, почтеннѣйшій! ибо я по усердію моему и человѣколюбію, а не для какого-нибудь постыднаго интереса, посѣтилъ васъ.

Любимовъ.

Г. докторъ! Сдѣлайте одолженіе не спѣшите! Мы съ вами сочтемся и расплатимся по совѣсти.

Софія.

Я прошу васъ подождать, пока г. секретарь объявитъ сочиненіе папиньки.

Людомоpовъ.

О, если вы просите, то я охотно! — ибо увѣренъ, что и за это...

Лицемѣркина.

Не будьте сребролюбивы и златостяжательны, есть бо грѣха смертельнѣе и есть муки страшнѣе и ужаснѣе той, какая постигнетъ интересанта корыстолюбиваго. Но я замолчу, дабы г. Цапцарапкинъ возмогъ прочесть, что поручено.

Цапцарапкинъ.

Я уже успѣлъ не токмо перечитать и надивиться таковому необычайному казусу; но и затвердилъ на память отъ слова до слова. И

того - для превозглашаю всенародно, что сіе *(указывая на бумагу)* суть дарственная, коею утверждается въ вѣчно-потомственное владѣніе вышерѣченныя дѣвицы Феклы Сидоровны... *(нюхаетъ табакъ)*

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Тѣже, Фекла, М. Пуакръ, Лиза, Хватовъ и Максимъ.

М. Пуакръ (*входя*).

Parconsequent, каспашинъ Зтрохотумофъ!..

Фекла.

Я вамъ скажу рѣшительно...

Строгодумовъ.

Не мѣшайте-ка и послушайте со вниманіемъ, что читаютъ здѣсь!

Цапцарапкинъ (*читаетъ*).

» Въ потомственное и вѣчное, безприкословное и безповоротное владѣніе ея, Феклы Сидоровой дочери Здравосудовой, деревня Невидайловка, со всею принадлежащею къ ней землею, угодьями, постройками,« — и такъ далѣе.

Модиѣйкинъ.

Какъ! Est il possible? Только-то!... Да сего не станетъ и на одинъ вояжъ въ Италію.

Фекла.

O, Dieu! — что слышу я?

Собачниковъ.

Присмотрись-ка, секретарь, по-лучше, чтобы не дать промаха!..

Ремизкинъ.

Чтобъ не поставить, — то-есть, — ремиза.

Цапцарапкинъ *(давая им бумагу)*.

Воззрите сами, егда не довѣряете! А я скажу токмо, безъ всякія лести и подобострастія, что сицевая дарственная хотя и по формѣ, но безъ всякихъ изворотовъ и крючковъ двоесмысленныхъ, и что потому вельми трудно было-бы опровергать ее, въ случаѣ какого ни-на-есть обстоятельства . . .

Шестеркинъ *[Здравосудову]*.

Но его другія вотчины, капиталъ и прочее, — на вѣрняка, — для ней-же: не такъ-ли?

Здравосудовъ.

Нѣтъ, господа! Пора изъяснить вамъ, что я не имѣю ни какого состоянія; что Дорофей Галактіоновичь, безъ всякой обязанности, по одной лишь дружбѣ ко мнѣ и добродушію, назначаетъ въ приданое моей дочери деревню, о коей сказано; — все же остальное имѣніе должно поступить законной его наслѣдницѣ, Софіѣ Дорофѣевнѣ.

Строгодумовъ.

Подтверждая слова Сидора Карповича, я прибавлю къ тому, что сегодня-жъ послана мною въ газетную редакцію новая публикація, совершенно противная прежней; что разсылая таковыя объявленія, я имѣлъ свои причины и намѣренія, которыхъ не обязанъ пояснять вамъ; и что впрочемъ, сдѣлавъ теперь-же надлежащее и послѣднее распоряженіе, я рѣшился отдать какъ Феклѣ, такъ и

Софьѣ все то, что имъ назначено, въ тотъ самой день, когда вступятъ въ законное супружество.

М. Пуакръ.

Такъ ви зволилъ на старости манкировай на злова? Fort bien, monsieur! Мой тафно шталъ зего.

Фекла.

А я скажу только, что компрометировать такимъ образомъ меня, tout le grand monde и самыя газеты нельзя, нельзя безъ наказанія.

Шестеркинъ (*Релизкину*).

Ну, братъ! здѣсь вышла шасовка необычайная.

Собачниковъ.

Да! засѣли и уходили насъ лихо, словно гончія мои, почуя . . . .

Моднѣйкинъ

Attendez, съ своими гончими! — Скажите: можно ли послѣ сего вѣрить чему-нибудь печатному? — Выпускаютъ въ свѣтъ весьма интересную публикацію, вызываютъ жениховъ изо всей Европы: они съѣзжаются по приглашенію, знакомятся, сближаются съ невѣстою, — и вдругъ афрапируютъ ихъ такими нежданными новостями . . . .

Цапцарапкинъ.

Ужъ подлинно сказать правду: это дѣльце не натуральное и сверхъ-естественное. Однако же, признаться по совѣсти, я уже давно предвидѣлъ и предчувствовалъ оное . . .

Людоморовъ (*Софіи*)

И такъ: поздравляя васъ, сударыня! съ подаркомъ отцовскимъ, — я осмѣливаюсь предложить вамъ мое сердце и руку.

Собачниковъ (*ей*).

Вамъ давно извѣстенъ уже пламень чувствъ моихъ.

Шестеркинъ (*ей же*).

Я счелъ бы себѣ за особенное счастіе проиграть всю жизнь мою съ вами...

Ремизкинъ (*ей же*).

Для меня нѣтъ лучшаго авантажа въ свѣтѣ, какъ получить для вѣчнаго виста фигуру, столь прелестную...

Моднѣйкинъ (*ей же*).

Vraiment! — Вашъ милый характеръ, ваши очаровательные глазки, талія Діаны, улыбка Авроры, красота Венеры, голосъ Сирены, словомъ: всѣ возможныя совершенства природы и благороднаго образованія,—увлекаютъ невольно сіе страстное сердце отдаться на-вѣки вамъ, вамъ, — персонѣ ангельской!...

Фекла (*въ сторону*).

Какъ! — и онъ туда же?... И онъ оставляетъ меня?...

М. Пулкръ.

Отманщикъ, плута лукафая!

Софія.

Господа! Мнѣ должно-бы положиться на вашу искреннюю привязанность, и я избрала бы, на-вѣрное, одного изъ кавалеровъ, столь любезнѣйшихъ, еслибы вы не опоздали съ изъ-

ясненіемъ. Теперь же извините! — я не свободна уже: вотъ тотъ, . . .

Любимовъ.

Которой не любилъ ее, какъ вы, по однѣмъ извѣстіямъ на счетъ приданаго; которой не искалъ богатства и ничего, кромѣ Софіи; которой и въ самыхъ рубищахъ, въ самой величайшей бѣдности, считалъ бы ее не меньше милою, не меньше дражайшею, какъ и нынѣ, при ея хорошемъ состояніи.

Лицемѣркина.

Такъ вѣдайте же вси и помните, колико Господь благій и праведный вознаграждаетъ добродѣтельнаго и караетъ корыстолюбца злаго и алчнаго!

Фекла.

Madame! Не сами ли вы недавно . . . .

Лицемѣркина.

О моя сударыня, о роза юная! — Если вы поживете съ мое въ сей бренной юдоли, исполненной искушеній и соблазновъ, то вы согласитесь, что не я была причиною таковаго минутнаго заблужденія... Я всегда почитала и любила ту милую дѣвицу, которую возлюбленный Эрастъ мой избралъ себѣ по сердцу и разуму. Дабы же доказать сіе и вамъ, и коеждому, — *(взявъ руки Любимова и Софіи)* я, соединяя нынѣ же ихъ руки грѣшныя, молю: да Всевышній ниспошлетъ вси радости и всякое изобиліе на сію чету примѣрную и благонравную. *(Софія и Любимовъ цѣлуютъ ей руки.)*

Строгодумовъ.

И я тѣмъ съ бо̀льшимъ удовольствіемъ даю вамъ мое благословеніе, что вы, удостовѣривъ меня въ искренности чувствъ вашихъ, заставили невольно согласиться съ мнѣніемъ почтеннаго моего друга, заставили—говорю—познать, что въ нашей православной Россіи уже находятся люди, неподражающіе порокамъ заморскимъ и послѣдующіе во всѣхъ дѣлахъ своихъ прямымъ, священнымъ добродѣтелямъ нашихъ праотцевъ...

Любимовъ.

Ахъ!—Блаженство, рай небесный,—ничто...

Софія.

Ничто,—въ сравненіи съ нашимъ счастіемъ! *(цѣлуются)*

Цапцарапкинъ.

Но, дабы убѣдить еще сильнѣе васъ, милостивѣйшій государь Дорофей Галактіоновичь! да и всѣхъ и каждаго, въ безкорыстной любви и чесности, и правотѣ нравовъ нашихъ соотчичей: то я самъ содѣлаю тотчасъ тому очевидное и примѣрное доказательство. *(падая на колѣни предъ Феклою)* О, вселюбезнѣйшая моя повелительница и монархиня! Понеже вси иные, — прочіе ваши обожатели, — показали явное вѣроломство и сребролюбіе; понеже я не гонюсь никогда за великими богатствами и бываю доволенъ малою малостію и понеже, такъ сказать примѣрно, уже съ давняго времени я разгоряченъ, воспламененъ и раздуваемъ вашими прелестями: то, ради сего, представляя вторично любовь мою

на разсмотрѣніе и рѣшеніе ваше, я прошу всепокорнѣйше и умоляю всеусерднѣйше возвысить, возвеличить и пріосѣнить благодатію вашею всенижайшаго слугу Цапцарапкина.

Фекла (*къ М. Пуакръ*).

Madame! — что отвѣчать ему?

М. Пуакръ.

Мой софѣтуй вашъ зтупалъ на нево.

Фекла.

Ну, такъ и быть! (*къ Цапцарапкину*) Довольно, не горячитесь, встаньте, — я ваша!

Цапцарапкинъ (*съ восторгомъ*).

О, драгоцѣнный, алмазный бриллiантъ мой и сокровище! За таковую сердолюбивую и милосердую резолюцiю я не возмогу, не возмогу удержаться, чтобы не ударить троекратно, у самыхъ нѣжнѣйшихъ ногъ твоихъ, моимъ челомъ благодарственнымъ. (*кланяется до ногъ*)

Всѣ.

Ха, ха, ха! — Вотъ новомодное, образцовое изъясненіе! . . .

Фекла (*къ Цапцарапкину*).

Да полноте же! Я приказываю вамъ встать немедленно! (*Цапцарапкинъ встаетъ*) На зло monsieur Моднѣйкину, — и чтобы избавиться pour foujours сей ненавистной деревни, и жить всегда въ шумномъ, веселомъ столичномъ городѣ, — я рѣшаюсь обвѣнчаться даже съ отставнымъ, горбатымъ секретаремъ, въ космъ

однако-жъ давно уже замѣтила нѣкоторую ловкость и таланты для меня полезныя...

Здравосудовъ.

Замѣть же и ты, что тебя уважали до нынѣ за одно приданое! — Сегодняшній урокъ затверди хорошенько и старайся впередъ заслуживать почтеніе не богатствомъ, но своими личными достоинствами... А вы, мой дорогой зятюшка! не боитесь ли ея вспыльчивости и найдете ли средство обуздать ее?

Цапцарапкинъ.

Неукоснительно, правдоподобно и неминуемо! — Въ столицѣ есть разные дома и строенія, весьма вспомогательныя для таковыхъ случаевъ; впрочемъ, примѣрно сказать будучи, добровольная расплатка со стороны ея родственниковъ за всѣ постигшія меня здѣсь обиды и поношенія, — обѣщанная публично и письменно деревня, приличный вырядъ, и экипажецъ, и лошади, и еще со временемъ *(въ сторону тихо)* заведши процессъ, *(громко)*, со временемъ — говорю — еще кое-что и важнѣйшее, — вознаградятъ меня сторицею за непокорность и вѣтренничество моея сожительницы законныя...

Фекла.

Какъ! Неужли вы надѣетесь когда-либо командовать мною? — Повѣрьте-жъ! что не вы, а я буду всегда старшею; притомъ же... *(къ М. Пуакръ)* Madame! я надѣюсь, что вы со мной не разлучитесь.

М. Пуакръ.

O, sans doute, sans doute!

Фекла (*къ Цапцарапкину*).

Такъ слушайте-жъ, что вмѣстѣ со мною вы должны взять и мадамъ мою!

Цапцарапкинъ.

Прекрасно и преполезно!—Она заведетъ пансіонъ, я буду закупать для онаго все нужное; а чрезъ сіе — новые доходы, новыя тяжбы, новые барыши, и, такъ сказать примѣрно, чрезъ сіе, послѣ... (*кашляетъ*)

Строгодумовъ.

Что будетъ послѣ, то сокрыто отъ насъ; теперь же воспользуемся настоящимъ, которое столько меня обрадовало, что я намѣреваю праздновать не менѣе трехъ сутокъ сряду, — и приглашаю всѣхъ гостей моихъ раздѣлять со мною мое удовольствіе...

Шестеркинъ.

Я охотно, — если вамъ угодно будетъ позвать на балъ людей дѣловыхъ....

Ремизкинъ.

То есть: менѣе говорящихъ, а болѣе играющихъ.

Собачниковъ.

Если будетъ приномъ охотничья потѣха и попойка надлежащая.

Модницкинъ (*ему*).

Скажите лучше: всѣ модные танцы и гулянья.

Людоморовъ.

И послѣ оныхъ разныя болѣзни и адрессовки къ медику.

Строгодумовъ.

Все, все доставлю вамъ! — А между тѣмъ... Максимъ!...

Максимъ.

Слушаю, баринъ!

Строгодумовъ.

Да что-жъ ты слушаешь? — Я еще ничего не сказалъ тебѣ!

Максимъ.

Слушаю, — чего изволите, баринъ?

Строгодумовъ.

Позови сюда проворнѣе всю нашу музыку!

Максимъ.

Тотчасъ, баринъ! — *(уходитъ)*

Хватовъ.

Позвольте-ка, ваше высокоблагородіе! на досугѣ представить вамъ и третью пару.

Лиза.

Которая проситъ всепокорнѣйше согласиться на бракъ ея.

Строгодумовъ.

Извольте, извольте! Я на всё согласенъ нынѣ. Сегодняшній вечеръ столь богатъ на приключенія, что если бы какой-нибудь порядочной авторъ задумалъ описать все случившееся въ моемъ домѣ, въ продолженіи онаго: то могло бы выйти новое, весьма занимательное сочиненіе.

Здравосудовъ.

Да! можно бы составить изъ того забавную комедію. — А все вѣдь это чрезъ вашу интересную публикацію!

Моднѣйкинъ.

О, по милости этой публикаціи, не одинъ изъ насъ ошибся въ расчетахъ своихъ.. Но, à propos! — вотъ и музыка... *(входятъ музыканты)*

Софія.

Папинька! что прикажете играть имъ?

Фекла.

Разумѣется: начнемте вальсомъ!

Строгодумовъ.

Нѣтъ, нѣтъ сударыня! — Хотя и не по-модѣ, но дабы и намъ, старикамъ повеселиться съ вами, то прежде польской. *(къ Лицемѣркиной)* Не угодно-ли вамъ, почтенная сватьюшка, пройтись со мною?

Лицемѣркина.

Спрашусь, подобаетъ ли сіе мнѣ, старухѣ окаянной?

М. Пуакръ.

Э, тансуй толшна всекъ дамъ и зтаръ, и молотъ.

Любимовъ.

Маминька! — хотя для моей свадьбы!

Лицемѣркина.

Инъ такъ и быть! — рѣшаюся!..

Строгодумовъ *(музыкантамъ)*.

Играйте полонезъ! *(взявъ руку Лицемѣркиной, къ прочимъ:)* Господа! прошу покорно, берите пары, не отставайте отъ хозяина и будьте всѣ довольны и веселы столько же, какъ наши молодые, какъ самъ я!... *(музыка играетъ полонезъ; всѣ, кромѣ слугъ, танцу-*

ютъ каждый по-своему, съ приличною парою; а Людоморовъ сзади всѣхъ подскакиваетъ на одной ножкѣ; — и потомъ, сдѣлавъ нѣсколько круговъ вдоль сцены, всѣ удаляются въ такомъ-же порядкѣ въ другую комнату; занавѣсъ опускается.)

КОНЕЦЪ.

ПОГРѢШНОСТИ.

Стран.	*Стр.*	*Напечатано:*	*Читай:*
48	2	упадаю,	упадая
60	9	а поелику,	и поелику
62	9	общугу	абцугу
79	9	слокируетъ	шокируетъ
80	17	шы	ты
83	4	наче	паче
98	2	висей	вѣсей
126	7	Но	По
150	28	Нушо, дягивай!	Ну-ну-дотягивай!
159	15	Ма, та,	Та, та!
162	7	нѣтъ и	и нѣтъ
—	11	пи весь	на весь
175	11	и такъ:	и какъ
184	22	fougours	tougours.

ИМЕНА ГГ. ПОДПИСАВШИХСЯ.

Въ Одессѣ:

	Число экз.
Дѣйствит. Стат. Сов. и кавал. Алек. Ив. Свѣчинъ . . .	1.
Колл. Сов. Нат. Аѳ. Харитоновъ	1.
Полк. Сер. Ив. Степановъ	1.
Маіоръ Ег. Ак. Амосѣвскій	1.
Капит. и кав. Пет. Павл. Папчинскій	1.
Капитанъ Косюра 1-й	1.
Кап. и кав. Ал. Вас. Садиковъ	1.
Пом. 9-го класса Коп. Сер. Степановъ	5.
Пом. и кав. Ив. Каз. Линкевичъ	2.
Гвардіи отст. Поруч. и кав. Ан. Фом. Кобле	1.
Поруч. Ал. Ник. Карповъ	1.
Тит. Сов. Ник. Вас. Фатуровскій	1.
Поруч. Ник. Вас. Комбурлей	1.
Од. Уѣздн. Землемѣръ Гадомскій	2.
Тит. Сов. Тер. Пр. Кременецкій	1.
Тит. Сов. Григ. Пет. Кольчевскій	1.
Тит. Сов. Ан. Ст. Терновановъ	1.
Пом. Корнетъ Ал. Пав. Весселиновъ	1.
9-го класса Ал. Пав. Бруевичъ	1.
Пор. Мих. Ал. Харитоновъ	1.
Тит. Сов. Ел. Ив. Максимовичева	1.
Пом. Еразмъ Ос. Букоемскій	1.
Кол Секр. Григ. Ник. Бугаевскій	1.
Кол. Секр. Дем. Вас. Тома	1.
Двор. Илія Игн. Турскій	1.
Кол. Регистр. Розмарица	1.
Кол. Рег. Ив. Ив. Горицинъ	1.
Губ. Регистр. Намѣстниковъ	1.
Купецъ Мойсей Гальперсонъ	2.
Купецъ Мозесъ Гуровичъ	1.

59095 146

Въ Полтавѣ:

Тит. Сов. Ал Ив. Потребкинъ . . . . . 1.
10 го класса Ал. Петр. Грибоѣдовъ . . . . . 1.
Учитель Гимназіи Бутковъ . . . . . 1.
Купеческій сынъ Прокофичъ . . . . . 1.
Купеческій сынъ Португаловъ . . . . . 1.

Въ Кіевѣ:

Учит. Гимн. Вас. Мих. Лисовскій . . . . . 1.
Колл. Ассес. Ал. Григ. Петровъ . . . . . 1.
Учит. Гимн. Вас. Гавр. Орда . . . . . 1.
Учитель Гимназіи Вильг. Домбровскій . . . . . 1.
Учитель Гимназіи Алек. Свинушковъ . . . . . 1.
Инспекторъ Гимназіи Борисъ Фишеръ . . . . . 1.
Дворян. Валер. Котовичъ . . . . . 1.

Въ Николаевѣ:

Артиллеріи Штабсъ Капитанъ Ал Ив. Диковъ . . . . . 1.
Пом. Пор. Мих. Ив. Диковъ . . . . . 1.

Въ Новогеоргіевскѣ:

Орден. Пос. Округа Казначей Пор. Пет Ив. Добромысловъ 1.

Въ Екатеринославѣ:

Смотритель Госпиталя 10-го класса Соколовъ . . . . . 1.

Въ Верходнѣпровскѣ:

Пом. Штаб. Кап. Ал. Ник. Тимофѣевъ . . . . . 1.

Въ Александріи:

Пом. Маіоръ и кав. Ив. Дав. Чупаловъ . . . . . 1.

Въ Таганрогѣ:

Маршинъ Чернявскій . . . . . 1.

Цѣна 6 рублей.

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Dec. 2006

Preservation Technologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

THE LIBRARY OF CONGRESS

INFORMATION CONSERVATION, INC.
MAY-JUNE 1988

LIBRARY OF CONGRESS

00025303829